

KÁROLY GADÁNYI

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЦВЕТА
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

**MELBOURNE
ACADEMIA PRESS
2007**

KÁROLY GADÁNYI

**Сравнительное описание
прилагательных цвета
в славянских языках**

(на материале русского, сербского, словенского,
хорватского языков)

National Library of Australia Cataloguing-in-Publication entry

Gadányi, Károly

Sravnitel'noe opisanie prilagatel'nykh tsveta v slavianskikh iazykakh: (na materiale ruskogo, serbskogo, slovenskogo, horvatskogo iazykov).

Bibliography.

ISBN 9780957770751

ISBN 0 9577707 5 8.

1. Slavic languages – Adjective. 2. Slavic languages – Vocabulary. 3. Slavic languages – Terms and phrases. 4. Color -- Terminology. 5. Colors, Words for. I. Title.

491.80455

© Academia Press

Distributed by Academia Press
3 Lalwa St. Blackburn,
Vic. 3130, Australia
Fax/Tel.: +61 3 9894-4855
E-mail: kosa@iprimus.com.au

KÁROLY GADÁNYI

**Сравнительное описание
прилагательных цвета
в славянских языках**

(на материале русского, сербского, словенского,
хорватского языков)

**MELBOURNE
ACADEMIA PRESS
2007**

ОТ АВТОРА

«Всё живое стремится к цвету»

J.W.Goethe

Окружающий человека мир часто воспринимается и распознаётся при помощи цвета и благодаря цвету. Разнообразные цветовые факторы оказывают сильное воздействие на психику и эстетическое сознание человека, вызывая в нём чаще всего позитивные эмоции.

Цвет в качестве характерного визуального качества, присущего людям, издавна привлекал внимание учёных. В наши дни его исследует цветоведение - комплексная научная дисциплина о всех явлениях и сторонах цвета как уникального многообразного феномена, которая оперирует данными физики, оптики, физиологии, психологии. Философия, эстетика, искусствоведение, филология и лингвистика также изучают цвет – каждая наука по-своему, с интересующей её стороны. Физика, например, исследует энергетическую природу цвета, с помощью математики разрабатываются методики измерения цвета, физиология изучает процесс восприятия физической субстанции цвета человеческим глазом и превращения его в собственно цвет, психология рассматривает проблему восприятия цвета и его воздействия на психику и способность вызывать различные эмоции, в биологии исследуются значение и роль цвета в жизнедеятельности животных и растительных организмов и всей окружающей среды. Колористический фактор актуален для живописца и архитектора, дизайнера и ткача, учёного-языковеда, писателя и переводчика.

В современном цветоведении важное место отводится также другим научным дисциплинам, которые изучают роль цвета в более узких сферах человеческой деятельности. Не случайно выдающийся немецкий учёный В.Оствальд (1853-1932) задумывал изложить обобщающее классическое описание цветового феномена в пяти томах, включающих математическое, физическое, химическое, физиологическое и психологическое учение о цвете, из которых он успел написать и издать лишь первые три тома.

Как средство эстетической выразительности теория цветовой восприятия в некоторых случаях не может обойтись без научного цветоведения, без его методов и терминологии, которые позволяют объяснить многие специфические или не совсем понятные свойства цвета. В современном мире в изучении цвета как комплексного феномена очень важной остаётся координация разных научных дисциплин. Следует заметить, что, например, детальное описание основных параметров цвета и создание классификаций цветов, основанных на разных принципах, стало возможным именно благодаря привлечению разных научных дисциплин: физики, био-

логии, физиологии зрения, антропологии, социальной психологии и лингвистики.

О различных цветовых явлениях в разных языках и культурах написано очень много специальных научных исследований. После ознакомления с помещённым в конце этой книги обширным списком письменных источников, в которых детально рассмотрена или только затронута тема цвета, у читателя может возникнуть представление, что о цветовом факторе в различных культурах и языках уже почти всё сказано, что коммуникационные, семиотические и эстетические проблемы триады «человек-язык-цвет» уже в основном описаны и разрешены. На самом деле это не так. Цветовая проблематика хранит ещё много не исследованного или не до конца нами осознанного, но имеющего важное значение для понимания глубинных процессов человеческого сознания. В наши дни продолжает существовать глубокое противоречие между представителями естественных наук и представителями мира искусства и литературы. Оно основано на различиях в понимании и интерпретациях ими колористики в целом, а также конкретных проявлений цвета. Может быть отчасти именно в этом кроется причина того, что человечеству до сих пор не удалось создать единую гармоническую теорию цветового зрения или убедительную гипотезу, которая бы объясняла многочисленные аномальные явления восприятия цвета и их отражения в языке и в речи. Всё ещё не получены ответы на целый ряд основополагающих вопросов, в частности, о том, может ли существовать цвет как идея без его материального носителя? Как действует сложный механизм «вспоминания» и «узнавания» определённого цвета или оттенка цвета, осуществляемый через прочитанный текст или через услышанное слово? Чем отличается непосредственное визуальное восприятие цвета в окружающем нас пространстве от его опосредованного восприятия через слух или прочитанное слово в тексте? Существует ли и если существует, то каковы закономерности и отличия восприятия и эстетического переживания цвета непосредственно в природе и в произведении искусства вообще и в художественном тексте в частности. Несмотря на множество научных наблюдений и целый ряд высказанных оригинальных догадок относительно эстетических свойств цвета и его воздействия на культуру, искусство и литературу, мы всё ещё не так близки к пониманию места и роли колоризма в этих сферах современного общества.

Материалы, вошедшие в настоящую монографию, уже частично издавались¹. Настоящее издание кардинально переработано и дополнено.

В исследовании «Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках» анализируются семантические, стилистические и структурные характеристики цветообозначений как специфической разно-

---

¹ Károly Gadányi, Ljudmila Mojszejenko, Viktor Mojszejenko. *Слово и цвет в славянских языках*. Melbourne: Academia Press, 2000. -252 с. А также: *Свет и цвет в славянских языках*. Edited by Károly Gadányi. Melbourne: Academia Press, 2004. -260 с.

видности славянского имени прилагательного. В сопоставительном плане на материале русского, сербского, словенского и хорватского языков рассматриваются парадигматические, синтагматические и иерархические отношения прилагательных, называющих цвет, определяется их роль и место в формировании значения фразеологически связанных единиц. Важной составной частью работы является дифференцированный анализ славянских словообразовательных моделей, отражающий колебания в качественном и количественном составе цветowych прилагательных.

Настоящее исследование объединено тематическим единством интерпретируемого материала, стремлением к единообразию научного описания особенностей структурной, семантической и стилистической организации славянских цветообозначений, которые, как известно, представляют собой одну из наименее упорядоченных лексико-семантических групп. По отношению к наименованиям цвета понятие «система» становится не совсем точным, поскольку этот лексический пласт не обладает стабильной внутренней организацией. В то же самое время отдельные специфические синхронные характеристики слов с цветовой семантикой, позволяют классифицировать их именно как своеобразную открытую гетерогенную систему.

Сознавая проблемный характер рассматриваемой проблематики, автор расценивает свою работу как своеобразную попытку наведения мостов между естественно-научным изучением цвета и его эстетическим освоением с помощью языка и речи. Автор надеется, что данное издание будет способствовать расширению читательских представлений о сложной и разнообразной цветовой картине мира, поможет точнее осознать роль и место хроматизма в современной культуре и коммуникации, а наиболее заинтересованным читателям - провести собственные цветковые наблюдения в окружающем их пространстве.

ВВЕДЕНИЕ

1. Изучение прилагательных цвета. Цели и задачи работы

Исследование „Сопоставительное описание прилагательных цвета в славянских языках” продолжает тематическую традицию изучения семанко-стилистических и структурных особенностей славянского имени прилагательного. Это предпринимаемый впервые опыт сопоставительного анализа прилагательных цвета в четырех генетически родственных славянских языках: русском, сербском, словенском, хорватском. Сравнение проводится по следующим направлениям: 1) содержание отдельных лексических и фразеологических единиц с прилагательными, обозначающими цвет; 2) специфика реализации переносных значений прилагательных-цветообозначений в каждом из рассматриваемых языков; 3) особенности словообразования. Проводится также типологический анализ рассматриваемой группы слов с целью разграничения семантических совпадений лексических и фразеологических единиц с прилагательными цвета, которые являются следствием генетического родства, а также совпадений, связанных с эволюционными и цивилизационными общечеловеческими закономерностями восприятия, мышления и закрепления познанных реалий в виде понятий в значениях слов, которые имеют универсальный характер. Базой типологического анализа прилагательных, обозначающих цвет, является компонентный состав значений этих прилагательных – реальные и потенциальные семы его значения, выявленные путем анализа ассоциаций с исследуемыми прилагательными в русском, сербском, словенском, хорватском языках.

В данной работе также выясняется роль прилагательных, обозначающих цвет, в формировании значения фразеологически связанных единиц в рассматриваемых языках. Затрагиваются также системные связи, внутриязыковые и межъязыковые, возникающие при сопоставительном рассмотрении исследуемых единиц в этих славянских языках.

Компонентный состав этих образований определяется как мельчайшие единицы смысла, отражающие признаки денотата и составляющие их основное значения. Компоненты основного значения прилагательного рассматриваются как реальные семы его значения. Под потенциальными семами значения этих прилагательных понимаются реально существующие в коллективном сознании носителей языка устойчивые психологические ассоциации с этим прилагательным, о чём свидетельствуют исследования по психолингвистике. Под психологическими ассоциациями понимаются ассоциации непредметного и несинтагматического характера, т.е. отражающие лишь психологическое воздействие цвета и связанную с ним символику (устойчивые коннотации, метафорическое уподобление, составляющее связанное значение слова). [377; 66]. Психологические ассо-

циации вычленялись путем исключения предметных и синтагматических ассоциативных норм из ассоциативного набора прилагательного.

Под семантико-ассоциативной структурой прилагательного понимается набор реальных и потенциальных сем его значения, т.е. компонентов основного значения прилагательного, обозначающего цвет, и круга устойчивых ассоциаций не предметного и несинтагматического характера. Под внутриязыковой системностью связанных единиц с прилагательными, обозначающими цвет, понимаются системные связи в таких прилагательных в микросистеме каждого из исследуемых языков. Под межъязыковой системностью понимается наличие системных связей исследуемых единиц с прилагательными цвета, микросистемы одного языка с единицами микросистемы другого исследуемого языка.

Выявление межъязыковых синонимов, антонимов, омонимов проводится на основе семантического критерия – значения лексической единицы или фразеологически связанной единицы исследуемого типа независимо от ее материального оформления.

Исследование цветовых прилагательных представляет несомненный интерес как для фразеологии, так и для лексикологии в целом, поскольку освещает некоторые закономерности развития связанного значения слов и малоизученный аспект лексического значения слова и психологических корреляций с этим значением в коллективном языковом сознании. Данная работа представляет несомненный интерес также и в плане сопоставительного изучения лексики и фразеологии славянских языков, взаимодействия в них „своего” и „чужого”.

Выбор темы определяется актуальностью изучения живых закономерностей развития семантики слова, связанных лексических значений слов, психологических и социальных факторов, определяющих это развитие, типологического изучения лексики и фразеологии родственных и неродственных языков, развития лексических систем современного русского, сербского, словенского, хорватского языков, психолингвистического подхода к семасиологии.

Несмотря на значительное количество работ, посвященных исследованию лексической семантики и фразеологии прилагательных со значением цвета в разных языках, указанные группы прилагательных еще не были предметом специального исследования в плане их сравнительного типологического анализа именно в восточно- и южнославянских языках: русском, сербском, словенском, хорватском. Автор надеется, что выполненное исследование восполнит пробел и поставит его в ряд с уже реализованным описанием прилагательных цвета в других славянских языках.

Как уже подчёркивалось, в современном славянском и русском языкознании существует немало исследований, посвященных прилагательным цвета: их структурно-семантическим особенностям, истории и номи-

нации цветowych обозначений, их словообразовательному анализу, а также функциональному аспекту фразеологизированных единиц с этими прилагательными. Эта проблематика освещена в статьях, монографических и диссертационных исследованиях Н.Б.Бахилиной, Р.В.Алимпиевой, Н.Ф.Пелевиной, А.А.Брагиной, Л.Е.Кругликовой, С.Войновой, М.А.Суровцовой, И.С.Куликовой, Л.М.Чистяковой, Н.А.Кожевниковой, З.П.Даунене, Л.В.Судавичене, Ч.Хильде, Г.А.Лилич, С.В.Трифоновой, П.Хилла и других (См. библиографические сведения об этих и многих других исследованиях в разделе «Литература по теме: «Цвет и наименования цвета»).

В монографии Н.Б.Бахилиной „История цветообозначений в русском языке” рассматривается история русских цветоименований от эпохи первых древнерусских памятников 12-го до конца 18-го века, а для некоторых групп цветообозначений, где исторические изменения не завершились, вплоть до современности. Характеристике семантико-стилистических особенностей атрибутивных именных сочетаний на материале цветowych и светowych прилагательных, построенной на сопоставлении материала двух современных русских прозаиков, посвящено исследование И.С.Куликовой. Серия статей, посвященных различным аспектам цветowych прилагательных, подготовлена Р.В.Алимпиевой. Следует также отметить работы Н.Ф.Пелевиной об исследовании семантического поля цветообозначений, в которых в сопоставительном плане приводится также материал русского языка. Очень информативны наблюдения сопоставительного плана П.Хилла, А.М.Калюты, С.Войновой, Л.А.Шестак и др. В диссертационной работе Ч.Хильде рассматриваются контекстные реализации переносных значений прилагательных, обозначающих цвет, которые закреплены в лексике и связанных сочетаниях разной степени фразеологизации. Эти реализации рассматриваются как лексико-семантические варианты основного значения прилагательных, обозначающих цвет, и сравниваются с аналогичными вариантами в немецком языке. Устанавливаются также способы и признаки переноса значений цветowych прилагательных, закрепляющихся в устойчивых сочетаниях (символика цвета, метафорический перенос по цветовому сходству, метонимический перенос).

Исследование Л.Е.Кругликовой ставит своей целью создание семантической классификации фразеологических сочетаний с цветowymi прилагательными. При этом используется усовершенствованная методика семемно-трансформационного анализа². В диссертации Л.Е.Кругликовой объектом изучения становятся также грамматические особенности фразеологических сочетаний с цветowymi прилагательными и фразеологические серии с этими прилагательными; определяется также их граница. Классифицируя фразеологические сочетания указанного типа с точки зрения их

---

² Характеристика этого метода представлена в издании: Общее языкознание. Внутренняя структура слова. – М.: Наука, 1992, с.482-485.

происхождения³, автор устанавливает, что заимствованные единицы с цветowymi прилагательными составляют значительный процент рассматриваемых сочетаний (около четверти их общего количества) и рассматривает историю их происхождения. К заимствованным фразеологизмам с цветowymi прилагательными относятся рассмотренные в этой же работе: синий чулок (из англ.), пустить красного петуха (из нем.), голубая кровь (из франц.), видеть все в розовом цвете (из франц.), синяя птица (из нем.), голубой цветок (из нем.), коричневая чума (из нем.), белый танец (из франц.) и другие.

В диссертационном исследовании С.Войновой фразеологические единицы с компонентами-цветообозначениями сопоставляются с аналогичными единицами болгарского языка. Реализация переносных значений, закрепляющихся во фразеологических сочетаниях широкого характера, рассматривается автором в тесной связи с символикой цвета, повериями и предрассудками, связанными у русских и у болгар с определенными цветами.

В диссертации Л.А.Шестак в сравнительно-типологическом плане исследуется фразеология с цветowymi прилагательными в русском и польском языках. В ней автор предпринимает попытку обосновать теоретически возможность и правомерность использования специфики связанного значения слова – наличия круга устойчивых ассоциативных признаков переносимого слова как базы для сопоставительного и типологического изучения семантики языковых единиц. В работе рассмотрены системные отношения единиц русской и польской фразеологической системы с цветowymi прилагательными в целом; результаты типологического исследования русской и польской фразеологии с цветowymi прилагательными сопоставлены с аналогичным материалом германских языков с целью установления статистических универсалий в развитии вторичных значений цветowych прилагательных, закрепляющихся во фразеологии.

В числе исследований лексической семантики и словообразовательных возможностей прилагательных цветообозначений на материале неславянских языков следует отметить статьи и диссертационные работы Д.А.Бондерман, А.М.Куслик, Г.С.Свешниковой, Т.В.Король, М.Л.Жирмунской.

В кандидатской диссертации Г.С.Свешниковой типологическое сопоставление фразеологических единиц разной степени фразеологизации проводится на основе компонентного анализа семантики прилагательных цвета. Состав компонентов выделяется на основе анализа лексикографических определений понятия цвета в словарях немецкого, английского и шведского языков. Значения прилагательных, закрепляющиеся во фразеоло-

---

³ В соответствии с классификацией Н.М.Шанского, изложенной в его книге «Фразеология современного русского языка». – М.: Высшая школа, 1983, с.75-98.

логии, рассматриваются как перенос на основе того или иного компонента значения (например, для прилагательного *зеленый*, в составе которого автор выделяет компоненты „цвет”, „свежий”, „распущенный”, „молодой”, „растения”. Компонентом „свежий” обусловлены значения „бодрый, полный сил”, „несолёный”, „некопчёный”, „невыдержанный”, „невыделанный”, „недублёный”, „свежий, незаживший”, „необожженный”. Компонент „растущий” обуславливает значения „благосклонный”, „доброжелательный”, „красивый”, „оптимистический” и т.д.).

Диссертационная работа М.Л.Жирмунской посвящена выяснению словообразовательных возможностей прилагательных цветообозначения в германских языках, их способности к словопроизводству и словосложению. Полученные в результате исследования данные позволили автору вывести закономерности функционирования анализируемой группы слов и связать их с типологическими особенностями исследуемых языков.

В самое последнее время также опубликован целый ряд исследований, посвящённых особенностям семантики основных цветоименований в разных славянских, а также неславянских языках. Например, в 2-х томном издании «*Studia z semantyki porównawczej: nazwy barw*» под научной редакцией Renaty Grzegorzczukowej i Krystyny Waszakowej (Warszawa т.1, 2000; т.2, 2003). В этих научных сборниках в виде статей отдельных авторов представлен сравнительный анализ прилагательных цвета в польском, русском, чешском, украинском, а также шведском и вьетнамском языках. В связи с нашей темой предельный интерес представляет также монография Инны Беляевой, посвящённая компаративному описанию цветоименований в польском, чешском, русском и украинском языках (Inna Bjelajewa, *Niepodstawowe nazwy barw w języku polskim, czeskim, rosyjskim i ukraińskim*. Warszawa, 2005).

Как показывает анализ литературы, прилагательные, обозначающие цвет, исследовались в контрастивном плане на материале разных славянских, а также неславянских языков преимущественно в следующих основных аспектах: с точки зрения их наиболее характерных семантических особенностей, в том числе в составе несвободных фразеологизированных сочетаний на основе компонентного анализа его основного значения, как правило, с учетом связанной с цветом символики, а также с точки зрения их словообразовательных и грамматических особенностей. Обзор литературы по интересующей нас теме показывает, что на материале русского и других славянских языков наиболее полно исследованы связанные единицы разной степени фразеологизации. Вопросам изучения словообразовательных и грамматических особенностей прилагательных цвета во всех славянских языках уделено значительно меньше внимания.

Наше исследование своей основной целью ставит не только восполнить пробел в изучении отдельных аналогичных микроструктур со связанным значением прилагательных цвета в сербском, хорватском и словен-

ском языках в сопоставлении с идентичным русским материалом, но, главным образом, рассмотреть место таких языковых единиц в общей понятийно-предметной классификации качественных прилагательных в этих языках, определить лексико-семантическую структуру подсистемы и отдельных групп прилагательных-цветообозначений в единстве их понятийного содержания и экспрессивно-оценочных возможностей параллельно в четырёх рассматриваемых языках с выявлением синонимических связей в отдельных лексико-семантических группах цветовых и световых прилагательных. К сформулированной основной задаче диссертационного исследования примыкают и более частные: детальный контрастивный словообразовательный анализ прилагательных-цветообозначений в четырёх рассматриваемых славянских языках; изучение наиболее специфических грамматических категорий рассматриваемой группы слов (категория краткость/полнота, объем парадигмы прилагательного-цветообозначения, формы степеней сравнения).

Материалом исследования послужила лексика, извлеченная из толковых и фразеологических словарей русского, сербского, словенского, хорватского, материалы картотеки Института словенского языка Академии наук и искусств в Любляне, художественная литература и пресса, а также устная речь на этих языках. В результате исследования языкового материала, включающего более 1600 лексических единиц и более 500 сочетаний со связанным значением, определены, сопоставлены и обобщены как общие, так и отличительные особенности в семантике, фразеологии и словоизменении прилагательных-цветообозначений в рассматриваемых славянских языках. При этом материал сербского, словенского и хорватского языков в научный оборот введен впервые.

В качестве основного метода типологического исследования лексических, фразеологических и словообразовательных свойств цветовых прилагательных в славянских языках использовался метод компонентного анализа единиц в каждой из перечисленных областей, основанный на обработке лексикографических, ассоциативных и грамматических данных.

В настоящем исследовании, проводимом преимущественно в синхронном плане и парадигматическом аспекте, для рассмотрения отдельных специфических особенностей словоизменения прилагательных-цветообозначений использовались различные приёмы системного семантического анализа лексики, позволяющие выявить их семантико-стилистическую и словообразовательную характеристику. Проведенный автором анализ позволил получить ряд новых научных данных: в типологическом плане раскрыта динамика семантической деривации прилагательного, обозначающего цвет; выявлены некоторые тенденции функционирования прилагательных цвета в исследуемых славянских языках. Раскрыты некоторые закономерности развития прилагательных цвета, имеющие универсальный характер. Уточнена методика использования ассоциативных дан-

ных для установления семантической структуры и возможных путей развития значений слова, что находит свое подтверждение и в других языках, привлекаемых для сравнения. Апробированные приемы могут быть применены при исследовании и описании лексических и фразеологических единиц иных подсистем и типов.

Результаты проведенного исследования могут способствовать разработке некоторых теоретических проблем, связанных с изучением специфики семантических особенностей и связанного значения слова, раскрытием закономерностей косвенной номинации и закономерностей возникновения универсальных семантических явлений в языке.

Описанный в исследовании материал и конкретные наблюдения над его особенностями могут быть использованы в практике преподавания русского, сербского, словенского, хорватского языков, в курсе общего языкознания, а также при написании учебных пособий по этим дисциплинам, при составлении словарей, в переводческой практике, при проведении спецкурсов и спецсеминаров, написании научных студенческих работ на филологических факультетах педагогических институтов и университетов, а также при написании диссертаций.

Работа построена как сопоставительное исследование, в котором по единой схеме характеризуются сначала явления каждого языка, устанавливается инвентарь цветообозначений в каждом из них, а затем, путём сравнения аналогичных фактов, сравниваются элементы общего и специфичного в соответствующих подсистемах каждого рассматриваемого языка: семантика, словообразование, грамматика, а также функционально-стилистические особенности прилагательных цвета.

Исследование состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении обосновываются актуальность темы, определяются цель, задачи, предмет и методы исследования.

1-я глава посвящена теоретическим предпосылкам семантической типологии, анализу основных требований, предъявляемых современной наукой к типологическому исследованию языков различного строя. Рассматривается проблема связанного значения слова, отражательный характер семантики слова, определяются основные предпосылки и возможности типологического исследования семантики. Проводится сравнительный анализ отдельных слов или группы слов, а также фразеологических единиц с прилагательными, обозначающими цвет, в русском, сербском, хорватском и словенском языках, выявляется общее и специфическое в исследуемых группах слов с отдельными прилагательными цвета, устанавливается их реальная и потенциальная семантическая структура, предлагается типологическая модель для каждого прилагательного, анализируется его реализация в каждом из исследуемых языков.

2-я глава посвящена сравнительному анализу отдельных морфологических категорий, обладающих специфическими особенностями. Рас-

смачивается вопрос о полных и кратких формах прилагательных, обозначающих цвет, а также вопрос о степенях сравнения рассматриваемой группы лексики в четырёх генетически родственных славянских языках. Также рассматривается проблема неизменяемых прилагательных-цветообозначений.

В 3-й главе проводится синхронный сопоставительный анализ прилагательных, основными задачами которого является выяснение словообразовательных возможностей прилагательных, обозначающих цвет, их способности к словопроизводству и словосложению. Выявляются типологически существенные особенности в словообразовании цветообозначений путем сопоставления их общих и индивидуальных свойств; выделяются специфические черты цветообозначений, присущие каждому отдельному языку.

В заключении излагаются основные выводы по работе.

2. Цвета в природе и их языковые номинации

Под цветом понимают одно из объективных свойств окружающей человека материальной среды, существующее независимо от сознания человека и его органов чувств, но отражаемое в его сознании посредством мозга и зрительных ощущений.

При помощи органа зрения человек ощущает не только свет, но и цвет. Мы не только видим освещенные или светящиеся окружающие нас тела или предметы, но и можем судить об их окраске. Свойство глаза – не только видеть окружающие нас предметы и явления, но и ощущать их цвет – дает нам возможность наблюдать неисчерпаемые богатства красок природы и воспроизводить цвета, нужные нам в разных областях жизни и деятельности.

Как уже отмечалось, проблемами цвета занимается цветоведение – область науки, изучающая и объясняющая явления цвета: происхождение цвета тел и всех наблюдаемых нами объектов; изменения, которые претерпевают цвета при различном освещении и на различных расстояниях; смешение и взаимодействие цветов; деятельность органа зрения как анализатора видимого и другие.

Все цвета, встречающиеся в природе, разделяются на ахроматические и хроматические. В цветоведении белые, серые и черные цвета принято называть ахроматическими (т.е. бесцветными), а все же остальные – хроматическими (цветными). Ахроматические цвета отличаются друг от друга только по светлоте, т.е. тем, что одни светлее, другие темнее. Ахроматическими называются лишь чисто белые, чисто серые, чисто черные цвета. Цвет, имеющий хотя бы ничтожный еле уловимый цветовой оттенок, уже будет хроматическим. В ахроматическом ряду (от самого белого, например, цвета сернистого бария в порошке, до самого черного

/черного бархата/) выделяется более 300 переходов по светлоте, так называемых порогов различения [9:20].

К хроматическим цветам относятся все цвета кроме ахроматических. Прежде всего это основные цвета спектра: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Наименования перечисленных цветов спектра являются неточным их определением, так как все они охватывают собой целые области цветов, а цвета внутри каждой области различаются между собой. Кроме того, само разграничение спектра на области является условным, так как зависит от индивидуальных особенностей глаза.

Спектральные цвета являются самыми чистыми цветами, так как в них отсутствует примесь белого цвета. Однако, они не исчерпывают существующего в природе разнообразия цветов. В спектре нет белых, серых и черных цветов, а также цветов, получаемых смешением в разных пропорциях спектральных и белого цветов. Кроме того, в спектре отсутствуют малиновый, вишневый и сиреневый цвета, называемые иначе пурпурными. Пурпурные цвета, отсутствующие в спектре, представляют собой результат смешения в разной пропорции красных и фиолетовых или синих цветов. Если в смеси преобладают фиолетовый или синий цвета над красным, мы получаем сиреневые и вишневые цвета. В противоположном случае, когда красный цвет преобладает в смеси над фиолетовыми или синими цветами, получаются малиновые тона. Полный набор встречающихся в природе цветов может быть получен при смешении спектральных цветов между собой в различной пропорции, а также смешением спектральных цветов с ахроматическими (белым и серым).

Условно все цвета спектра можно разделить на 10 групп. Красные, оранжевые, желтые, желто-зеленые, зеленые, зелено-голубые, голубые, синие, фиолетовые и пурпурные цвета. При указанном делении цветового круга выделяются в самостоятельные группы желто-зеленые и зелено-голубые цвета. Обычно эти цвета считают переходными. Но если желто-зеленые цвета считать переходными от желтых к зеленым, а зелено-голубые – от голубых к зеленым, то с таким же правом можно оранжевые цвета считать переходными от красных к желтым, а фиолетовые и пурпурные – от синих к красным. Даже голубые цвета можно считать переходными к синим. Тогда в цветовом круге выделяется всего четыре цвета: красный, желтый, зеленый, синий. Эти четыре цвета часто называют главными цветами.

Цветовой спектр можно разделить пополам, так, чтобы в одну половину вошли красные, оранжевые, желтые и желто-зеленые цвета, а в другую – зелено-голубые, зеленые, синие и сине-фиолетовые. Цвета красно-желтой части спектра называют теплыми – они напоминают цвета накаливаемых тел, огня, солнечного света. Цвета голубо-синей половины круга называют холодными – они напоминают цвет дали, воды, льда, металла, т.е.

что-то холодное. Именно этот ассоциативный момент в восприятии цветов и лежит в основе разделения их на теплые и холодные.

Под смешением цветов понимается явление образования новых цветов путем составления их из двух или нескольких других цветов.

Ахроматические цвета при смешении образуют также ахроматические цвета. Например, при смешении сажи с мелом в различных пропорциях получаются всевозможные оттенки серого цвета.

Спектральные цвета при смешении, как правило, не образуют спектральных цветов. Однако опытами установлено, что некоторые пары хроматических цветов, смешанные в определенной пропорции, образуют ахроматический цвет. Два цвета, образующих при смешении ахроматический цвет, называются дополнительными. В природе существует бесчисленное количество пар дополнительных цветов, в том числе и спектральных. Например, дополнительными цветами в паре являются: красный и голубой, оранжевый и голубой, желтый и синий или голубой, зеленый и пурпурный, голубой и красный или пурпурный, синий и желтый, фиолетовый и желто-зеленый и т.д. Из этого перечня видно, что если один из двух дополнительных цветов относится к теплым, то другой к холодным цветам. Это объяснимо, т.к. в составе теплых цветов почти отсутствуют синие и голубые, а в холодных – красные и оранжевые излучения. В белом же присутствуют и теплые и холодные цвета.

Итак, цвет может быть однозначно охарактеризован тремя величинами: цветовым тоном, чистотой цвета, которые составляют качественную характеристику цвета, и яркостью, которая является количественной его характеристикой. Два цвета равны, если они имеют одинаковую цветность и одинаковую яркость.

Применительно к языку различия в вычленении частей цветового спектра представляют собой показательный пример различий между языками в отождествлении и отделении друг от друга явлений действительности. В отдельных языках переходные оттенки цветов нередко отождествляются в один цвет и противопоставляются другим цветам по-разному. В русском языке, как известно, выделяется семь основных цветов спектра, т.к. синий и голубой противопоставлены друг другу. В сербском, хорватском и словенском (как, впрочем, и в большинстве европейских языков) их только шесть, т.к. синий и голубой не противопоставлены. Ср. общее для них название в сербском: *plâvi*, в хорватском: *plâvi*, словенск.: *moder*; англ.: *blue*; франц.: *bleu*; нем.: *blau*.

В некоторых африканских языках различаются четыре части спектра, границы которых лишь частично совпадают с привычным для нас выделением цветов. В языке басса (Либерия) противопоставлено лишь два основных цвета. Один из них объединяет все оттенки от фиолетового до зеленого, а другой передает желто-оранжево-красную часть спектра. Та же часть спектра выделяется и в языке хануно (Филиппинские острова), обо-

значаясь словом *gaга*, но основное противопоставление различий цвета опирается на противопоставление темного и светлого: *biru* означает фиолетовый, темно-зеленый и черный; *lataу* – светло-зеленый и светло-коричневый, а слово *lagti* передает все светлые оттенки разных цветов [203:42].

В исследуемых славянских языках также развито противопоставление всех основных цветов спектра и его оттенков на светлые и темные. Ср. в русском: светло-зеленый, бледно-зеленый (салатный), ярко-зеленый (изумрудный), желто-зеленый (бутылочный, горчичный), буро-зеленый (болотный), темно-зеленый и т.д.; в сербском: светложути, јасножут, јаркожут, отвореножут, мркожут, загаситожут, бакрен, цитронаст, жутосмеђ, драп, глинаст и т.д.; в хорватском: *svijetložut*, *žučkastosmeđ*, *mutnožut*, *zativorenoplav*, *zagasitozelen*, *zelenkastobijel*, *otvorenoplav* и т.д.; в словенском: *rdeč*, *rdečkast*, *svetlordeč*, *karminast*, *malinov*, *temnomalinov*, *jasnordeč*, *ognjast*, *višnjast* и т.д.

Языки ⁴	Основные цвета спектра						
Русский	фиолет.	синий	голубой	зелен.	желтый	оранж.	красный
Сербский	љубичаст	плав		зелен	жут	наранч.	црвен
Хорватский	љубиčast	plav		zelen	žut	naranačast	crven
Словенский	vijoličast	moder		zelen	rumen	oranžen	rdeč
Английский	purple	blue		green	yellow	orange	red
Шона	cipswuka		citenа		cicena		cipswuka
Баса	hui				ziza		

Помимо противопоставления основных цветов спектра и его оттенков на светлые и темные, все четыре исследуемые славянские языка имеют множество прилагательных для обозначения цветовых оттенков, сопредельных, переходных цветов. В процессе установления лексической синонимии в группе цветовых прилагательных определенного тона, например, красного, соотносятся не слова во всей совокупности их смысловых возможностей, а только или значения этих слов, или их лексико-семантические варианты, или смысловые оттенки, приравниваемые к структурной значимости лексико-семантических вариантов. Ср., например, в русском языке случаи синонимической замены: алый – ярко-красный, светло-красный; багровый – густо-красный; малиновый – темно-красный с фиолетовым оттенком; маковый – ярко-красный, алый и т.д. В сербском: *зајапурен* – *црвен као пламеном опален*; *ружичаст* – *отвореније црвен*. В хорватском: *ružičast* – *nježno crvenkast*; *rujan* – *jasnocrven* и т.д. В словенском: *višnjeв* – *vijoličasto rdeč*; *rubinast* – *vijoličasto moder*; *rožnat* – *vinsko rdeč*.

⁴ Таблица отчасти заимствована из книги: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. – М., 1959, с.35. В нее внесены дополнительно данные славянских языков.

Синонимическое отождествление прилагательных цвета происходит как на предметно-понятийном уровне, так и на грамматическом, где синонимическому тождеству подлежат слова, относящиеся к одной и той же части речи, в нашем случае к прилагательному. Синонимические связи цветowych прилагательных не могут быть выявлены на основе только их смысловой близости. В определенных семантических позициях важными являются специфические моменты соотношенности цветowych прилагательных с другими словами как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровне их реализации. При выявлении смыслового соответствия прилагательных цвета определенного тона (в нашем примере группы красного цвета) следует учитывать, что на объективно осознаваемое цветoвое представление как вариацию основного цветoвого тона опять-таки влияют такие признаки, как степень яркости, светлости, насыщенности и чистоты тона. С этим связано наличие в шкале цветов всех рассматриваемых здесь славянских языков большого числа сложных прилагательных цвета, в которых указанные признаки присутствуют в большей или меньшей степени. Ср., например, в русском языке следующие цветообозначения красного тона: бледно-кирпичный (*Pallido – lateritius*), буровато-красный (*Fuscato-rubidis*), винный – (цвет разбавленного красного вина-кагора), киноварно-красный, вермильон (*Cinnabarinus*), лососево-колерный (цвет мяса лососины, сомон, *Salmonicolor*), кирпично-красный (*Rubro – lateritius*) и др. В сербском: светлоружичаст (као нешто блеђа црвена ружа, тађе црвено вино), светлоцигласт (*Pallido-lateritius*). В хорватском: *ruđičastorujan* (*Roseolo-lilacinus*), *tamnocrven – zatvoreno višnjewe boje, boje višnjje*. В словенском: *rdeče krvav – Sanguineus*), *rdeče rožnat – (Rubellus, Rubidus)*, *rdeče violeten (Purpureo-violaceus)* и т.д.

Обособленное выделение указанных дифференциальных признаков цветoвого представления в их противопоставленности друг другу связано с определенными трудностями. А эти признаки, как правило, находятся между собой в отношениях тесной взаимообусловленности. Яркость цветoвого представления может выявиться в связи с определенной степенью насыщенности и чистоты тона, а проявление признаков „темный-светлый” находится в непосредственной зависимости от самого свойства заданной тональности, в частности от степени смешанности данного тона с другими тонами.

Зная о том, что в художественной литературе на славянских языках определенные цветoвые впечатления передаются не отдельными словами, а целыми описательными конструкциями, следует иметь в виду, что не всегда удастся установить, какие именно оттенки определенного тона выражаются ими в каждом конкретном случае. Ср. в русском языке цвет морской волны, цвет мокрого асфальта, цвет мякоти арбуза, цвет оперения чижа и др.; в сербском: боје небеског плаветнила, боје лубенице, боје младог купуса и др.; в хорватском: *boje slame (žut kao slama)*, *boje ореке,*

boje duhana и др.; в словенском: ki je take barve kot čížek, bršljan, plavica, modrica, žafran и т.д.

Подобные речевые ситуации возможны также и в тех случаях, когда посредством слова обозначается окраска таких предметов и явлений действительности, которые обнаруживают себя как постоянные носители именного данного цвета, и когда подобные соотношения цвета и предмета хорошо известны носителям языка. В русском языке к случаям такого типа можно отнести окраску крови в ее различных состояниях (свежая, застывшая, засохшая): «Алая кровь хлынула из артерий шеи и черная из головы, и залила траву» (Л.Толстой, «Хаджи-Мурат»). Во всех рассматриваемых языках к этому же типу относится и цвет атрибутов социальной революции, большого огня (пожар, мощный взрыв), определенная окраска лица человека, некоторых растений, фруктов, ягод и т.д. Изучение синонимичных прилагательных цвета помогает приблизиться к пониманию их смысловой специфики, которая, определяясь рядом цветовых представлений, нередко нечетко выявленных и не закреплённых за структурой значения какого-то одного цветового слова, поддается анализу с большим трудом и, вероятно, поэтому не получает однозначного осмысления в толковых словарях русского, сербского, хорватского и словенского языков.

Большинство прилагательных цвета в славянских языках относится к наиболее древнему пласту лексики [39:11-43]. Вместе с тем, выясняется, что общий круг качественных определений, в том числе прилагательных цветообозначений, в праславянский период был не очень широк: *beľь, *blědь, *ъьтъ, *modрь, *rudь, *гьджавь, *sědь, *sivь, *sinь, *zelenь, žltь и некоторых других. Это подтверждают и данные старославянского языка, древняя литература восточных и южных славян [304:9]. В расширении круга прилагательных цвета в исследуемых языках прослеживаются как общие тенденции, так и специфические черты, присущие каждому отдельному языку. В русской литературной речи, например, расширению эмоциональных, красочных определений уже с 16-17 вв. во многом способствовал активный приток народных элементов. Влияние западноевропейских языков, в первую очередь французского в 18 в., еще более расширило в этом славянском языке круг прилагательных-цветообозначений [94:152]. Именно в этот период лишь из французского в русский пришли такие прилагательные, обозначающие цветовое качество, как: бордо, бордовый, кремовый, лиловый, оранжевый, палевый, пунцовый, розовый, фиолетовый, фреззовый и др.

Сходные процессы обогащения класса имен прилагательных, в том числе прилагательных цвета, происходившие в 17-19 вв. за счет увеличения относительных по происхождению прилагательных наблюдаются и в сербском, хорватском и словенском языках (например, грахаст, сламнат, каваст, кредаст, жабукаст; zelenkastožut = boje graška; žut kao slama = boje slame, slamnat; tamnosmeđ = boje kave; škrilični = boje škrilica (crn); grahast,

galičen, ilovnat, jabolčen, lanen, dimast, mišji, tobačen и др.). Заимствования цветообозначений из западноевропейских языков в трёх рассматриваемых южнославянских языках в 18-19 вв. проходили в основном через немецкий «фильтр». Иллюстрацией могут служить сербские и хорватские слова: браон – braun (нем.), цинобар – cinober (нем.), грао (грау) (нем.) цинквајс (нем.) и др. В боснийско-герцеговинских говорах штокавского диалекта находим специфический ряд прилагательных цвета с корнями ориентального (турецкого, персидского, арабского) происхождения: чивитан, кумријаст, мавен, сингав, мораст, алев, ален (ср. русск. алый), аласт и другие. Для словенского языка ориентальные цветообозначения нехарактерны.

Многие прилагательные цвета, в том числе достаточно древние, выражают цвет, указывая на сходство с предметом по окраске. Ср. в др.-русск.: жарькъ (от жарь – горящие угли), а также: маковый, смородинный и др. или более поздние образования: бутылочный, янтарный, шоколадный, фисташковый и т.д. Становится очевидным, что в группе цветowych прилагательных, наряду со словами, обозначающими непосредственно цвета (белый, черный, синий и т.д.), образуется длинный ряд прилагательных, выражающих понятия цвета через предмет. Ср. это же явление в сербском: кестењаст, наранчаст, маслинаст, љубичаст и т.д.; и в словенском: antraciten, biseren, glinast, gorčičen, jagodast, jantarjev, kanarčkov и др.

В славянских языках вообще конкретность значений древнего имени прилагательного, обозначающего цвет, особенно зримо проявилась в названиях мастей животных. В русском языке, например, тюркские по происхождению названия мастей лошадей (буланный, каурый, саврасый, чалый и др.), благодаря специфичности их употребления носили и носят сильный оттенок предметности. Отсюда и параллельное употребление образованных от них существительных: буланка, каурка, савраска и др. Аналогичные явления наблюдаются в родственной группе слов и в сербском языке в прилагательных алатаст, доратаст, кулатаст, ђогатаст и других, и соответствующих существительных: алат, дорат (доро), кулаш, ђогат (ђого), чилаш (чило); шаров, белов и др. Есть они также в смешанном состоянии (с ориентальными и славянскими корнями) в хорватском языке: šarac, sivas, kulaš (kulašast), alatast (ridan). Наиболее полно такие формы представлены в новом, ещё только формирующемся боснийском языковом стандарте.

В словенском языке, в отличие от русского, сербского и хорватского языков, названия мастей животных базируются в основном на исконной славянской лексике. Ср., pegav (пятнистый), šekast (пегий), rjav (гнедой), vran (вороной) или bledo rumenkast (буланный), svetlo rjav (каурый), sivo rjav (чалый), temno rjav (гнедой), rumenkasto rjav (рыжий) и т.д.

Как и в древности, переход относительных прилагательных в качественные, среди которых и прилагательные цвета, наблюдается в насто-

ящее время лишь в случае их употребления в переносном значении. Метафорическое использование относительных прилагательных в славянских языках даёт начало развитию в них качественного значения. Лишь в единичных случаях с течением времени при частом и уже привычном употреблении прилагательного в определенном переносном смысле, оно „отстаивается” в языке со своим категориальным качественным значением, лишенным образности. Ср. в этой связи происхождение прилагательного цвета голубой [262, 263, 265]. В большинстве случаев при переходе относительных прилагательных в качественные, прилагательные, обозначающие материал, как правило, все же указывают на сходство определяемого предмета с ним или предметами, идущими на изготовление чего-нибудь. Ср. в русском языке: золотые кудри (цвета золота), коралловые губы, янтарный закат и др.; в сербском: сребрна коса, бакрено тело, алабастарска кожа; в словенском: *antracitni lasje*, *biserini zubi*, *jantarjeva omaka*, *mlečna megla* и т.д.

Разграничение в прилагательных свойств, содержащихся в предмете, и свойств, которые привносятся извне, принимается некоторыми исследователями за основной признак классификации имен прилагательных. В свое время акад. Александар Белич в соответствии с таким разграничением делил все прилагательные на два разряда: 1) «настоящие прилагательные», обозначающие внутренние свойства предмета (это все качественные прилагательные и те из относительных, которые обозначают материал) и 2) «ненастоящие прилагательные», обозначающие свойства, не содержащиеся в самом предмете (это остальные относительные и все притяжательные прилагательные)[Вопросы славянского языкознания, вып. 2, АН СССР, М., 1957, с. 72].

Типологический семантический анализ прилагательных цвета в русском, сербском, хорватском и словенском языках

1. Принципы семантической классификации прилагательных цвета

Цвет является основным значением рассматриваемой группы прилагательных, в которое включены как основные, так и дополнительные или оттеночные цветообозначения, а также некоторые узкоупотребительные слова (название цвета волос, глаз, кожи; мастей и оперения животных и птиц). Именно это значение и выступает единственным нейтральным средством выражения понятия (в нашем случае – понятия цвета). Значение цвета является исходной точкой и смысловой опорой для последующих значений, которые могут появляться у прилагательных цвета в результате их регулярной сочетаемости с другими, новыми группами слов, которые объединяются определенным признаком. В задачу анализа семантической структуры входит выявление внутренних лексических связей, разных значений слов, составляющих лексико-семантическую группу прилагательных цвета. Возникающие в рассматриваемой группе слов переносные значения могут непосредственно опираться на цветовые значения, если в них продолжает присутствовать зрительный цветовой образ. Такие переносные значения во всех четырех исследуемых языках могут связываться с основным через промежуточные значения. При анализе лексического значения важно учитывать его структуру, т.е. состав, характер и взаимоотношения компонентов лексического значения. При этом роль основного ядра играет понятийно-предметное содержание, которое в свою очередь распадается на единицы элементарного смысла. Для их обозначения в современном языкознании употребляются многочисленные термины: «элементарное значение», «элементарный признак», «дифференциальный признак», «компонент смысла», «сема» и некоторые другие. Моменты экспрессивной оценки, однозначно и устойчиво характеризующие явление, обозначаемое словом, входят в состав семантической структуры слова. Некоторые учёные на основе коннотативных и стилистических особенностей выделяет в качестве особого типа лексического значения экспрессивно-синонимическое значение [93:44]. В состав лексических единиц с экспрессивно-стилистическим значением исследователи вводят и эмоционально-оценочные, «...являющиеся экспрессивными синонимами слов с непосредственно номинативным значением, через которое и определяются их соответствия с экспрессивно-синонимическим значением» [444:151].

При определении семантической структуры слова кроме устойчивых экспрессивно-оценочных признаков важным фактором является и относительная экспрессивность. Эта экстралингвистическая категория обусловлена многочисленными факторами психологического, биологического,

эстетического, социального характера, равно как и отдельными явлениями в самой языковой системе. Как известно, смысловая сущность слова в языковой системе не исчерпывается свойственными ему значениями. В этой связи акад. В.В.Виноградов пишет: „Слово по большей части заключает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями” [93:7]. Индивидуальное, эмоционально окрашенное восприятие слова может быть также обусловлено контекстом, в котором оно встретилось говорящему, ролью обозначаемых словом предметов и событий в его жизни, случайными звуковыми ассоциациями и т.д.

Механизм обозначения цветового признака предмета можно представить в следующем виде. Получив цветовое раздражение от конкретного предмета, носитель языка мысленно ищет ему соответствие среди имеющихся в сознании цветовых представлений и, найдя его, обозначает признак конкретного предмета соответствующими прилагательными. Бесспорно, что степень близости характеризуемого предмета представлению о признаке может быть различной. Для более точного называния признака язык предоставляет в распоряжение говорящего разнообразные названия оттенков основного цвета (ср., например, русские названия оттенков красного цвета: гранатовый, пунцовый, карминный, коралловый, огненный, алый, пламенный, пурпурный, багровый, бордовый, вишневый, малиновый и т.д.).

По мнению исследователей, „эталонные” представления формируются на основе ассоциаций, вызываемых признаками таких предметов, которые хорошо известны носителям языка, причем, эти признаки должны быть более или менее устойчивыми, постоянными для данного предмета. Так, представление о белом цвете возникает по ассоциации с цветом снега, молока, мела; представление о красном цвете связано с цветом крови и т.д. В некоторых других языках эти ассоциации закрепляются с помощью словообразовательных суффиксов. Так, например, в ненецком языке прилагательные со значением цвета образуются от названий конкретных предметов, которые обладают определенным цветовым признаком, при помощи суффиксов -раха/ -лаха, выражающего отношение сходства, подобия. Например, нумлаха – „голубой” (дословно „подобный небу”), надераха – „желтый” (дословно „подобный желчи”) и т.д. [444:153]

В русском языке, как и в других славянских языках, цветовые значения нередко возникают у относительных по образованию и исходному значению прилагательных, например, гранатовый, коралловый, малиновый, кирпичный, стальной и др. Названные выше особенности „эталонных” представлений о цветовых признаках вынуждают лексикографов к созданию „квасисодержательных” определений значений цветовых прилагательных. Эти определения включают указания на предметы, которые хо-

рошо известны носителям языка и характеризуются именно данным цветовым признаком. См., например, определения цветового значения прилагательных в толковых словарях русского, сербского и словенского языков: черный – „цвета сажи, угля ...”; црн (црни) - боје угља, ...; črn – „ki je take barve kot oglje ali saje”; белый – „цвета снега, молока, мела”; бео (бели) – „који има боју снега, млека...”; bel – „ki je take barve kot sneg ali mleko”.

По мнению А.Н.Шрамма, „...в повседневной мысли-речевой практике описанные операции осуществляются, так сказать, в снятом виде. В нашем сознании, по-видимому, устанавливаются более короткие пути определения, в частности, цветовых признаков. Но если человек сталкивается с необычным признаком, описанный выше процесс проявляется в полной мере” [445:20]. Ср., например, характерный процесс поиска необходимого „эталона” для обозначения цветовых характеристик цветка лилии, передаваемые через слова героини романа: „Смотри, смотри, ведь она не белая, то есть она белая, но сколько оттенков, желтоватых, розоватых, каких-то небесных, а внутри... она жемчужная, просто ослепительная, - у людей таких красок, и названий-то нет...!” (А.Фадеев, „Молодая гвардия”, ч.1, гл.1). Последние слова героини объясняются тем, что люди еще не нашли „эталонов” для определения тех цветовых признаков, которые она обнаружила, любуясь лилией.

В предлагаемой семантической классификации качественных прилагательных [445:27-45], в подклассе так называемых эмпирических прилагательных наиболее многочисленным является разряд, включающий прилагательные, обозначающие основные и оттеночные цветовые признаки. Указанный разряд можно разбить на 3 группы прилагательных на основе различий в сочетаемости их лексико-семантических вариантов:

I. Первая группа включает лексико-семантические варианты, обозначающие цвет любого предмета. В 17-томном академическом словаре русского литературного языка мы насчитали 134 наименования цветов и оттенков цвета. [757]. Структуру этой тематической группы слов составляют несколько рядов синонимов, каждый из которых имеет в качестве доминанты название одного из основных цветов спектра, а также слова белый, черный и некоторые другие. Синонимические ряды семантически связаны между собой посредством прилагательных, обозначающих промежуточные цвета или оттенки.

II. Вторая группа образуется названиями цветовых признаков частей человеческого тела – лица, глаз, волос. Например, седая борода, сивые усы, румяное лицо, светловолосые женщины, желтолицый китаец и т.д.

III. Третью группу образуют прилагательные, обозначающие цветовые признаки (масть) лошадей, собак и других животных. Например: гнедой, буланый, чубарый (конь), пегие (псы), муругие (быки), черно-бурые (лисицы) и др.

Помимо этих трех основных групп прилагательных, к цветообозначениям условно можно отнести следующие 2 разряда:

1. Прилагательные, обозначающие свойства поверхности, определяемые характером отражения света. Здесь можно выделить два синонимических ряда, противопоставленных один другому. Первый ряд объединяется общим значением „имеющий поверхность, хорошо отражающую свет”. Он включает такие прилагательные, как: блестящий метеорит, металлическое сверкание листьев, искристый снег и т.д. Ко второму можно отнести: тусклый металл, потускнелое стекло и т.д. Общее значение слов этого ряда: „не имеющий блеска, т.е. имеющий поверхность, плохо отражающую свет”.

2. Прилагательные, обозначающие наличие-отсутствие цвета и количество цветов: бесцветный (газ, жидкость). Прилагательное бесцветный (глаза, лицо) как и водянистый имеют несколько иное значение: „не имеющий ярко выраженной окраски, цвета”.

Прилагательные, обозначающие количество цветов, противопоставлены семантическими компонентами „один-много”. Наличие одного цвета обозначают синонимы: одноцветная (ткань), однотонная (рубашка). Наличие нескольких цветов — синонимы: разноцветное (дно моря), цветной (фильм), цветистая (шаль), пестрый (ковер), многоцветный (платок), радужный (дождь) и т.д.

С некоторой долей условности к цветообозначениям можно отнести также и следующие два разряда качественных (эмпирических) прилагательных. Входящие в них прилагательные обозначают уже не признаки поверхности предметов, а признаки окружающей среды, какого-либо вещества или помещения. В то же время, эти признаки обусловлены воздействием света, поэтому соответствующие прилагательные целесообразно рассмотреть в ряду цветообозначений.

1. Прилагательные, обозначающие разную освещенность среды, помещения, предмета: светлая комната, темное помещение, яркий день, сумрачное утро, непроницаемая ночь, беспросветная мгла и т.д.

2. Прилагательные, обозначающие свойства вещества, конкретного предмета, среды способной пропускать или не пропускать свет, например: прозрачный лед, ясный, прозрачный воздух, чистая вода, мутное стекло и т.д.

2. Типы многозначности у цветового слова

Объектом рассмотрения в этом разделе являются многозначные прилагательные-цветообозначения, т.е. такие объединения лексико-семантических вариантов, которые характеризуются одинаковостью материального выражения и определенными семантическими связями между отдельными значениями. Здесь наша цель - выявить типовые, характерные имен-

но для многозначных прилагательных-цветообозначений семантические структуры; установить направления развития переносных значений; обнаружить наиболее распространенные виды семантической связи семем; сопоставить в указанных аспектах материал четырех славянских языков.

Лексическое значение прилагательного может быть представлено как набор или система семантических компонентов. Связи и отношения между лексическими значениями определяются в основном их вхождением в различные лексико-семантические парадигмы; при этом выявляются и „значимостные” характеристики значений.

Такой объем анализа семантики прилагательных-цветообозначений мог бы оказаться достаточным, если бы в рассматриваемых языках существовали только однозначные слова. Однозначные прилагательные цвета представлены как в русском (ср., например: каурый, пегий), так и сербском (дорат – доратаст, алатаст...), хорватском (dorat – doratast, alatast, kulaš - kulašast...), словенском (šekast, marogast...).

Однозначные прилагательные характеризуются симметрией плана выражения и плана содержания (единственное однозначное соответствие). Поэтому при восприятии значений таких слов говорящие опираются на различия в их материальном облике. Применительно к таким словам понятия „лексико-семантический вариант” и „слово” („лексема”) практически совпадают. В отличие от однозначных слов, многозначные прилагательные-цветообозначения в своих переносных значениях выходят за пределы лексико-семантической группы собственно цветообозначений.

Так, например, у прилагательного серый [224:120] понятийное содержание определяется следующим рядом соприкасающихся друг с другом лексико-семантических вариантов:

- 1) – цвета, получающегося из смешения черного с белым; цвета золы;
- 2) – „пасмурный, облачный”;
- 3) – (перен.) „ничем не примечательный, бесцветный, безликий”;
- 4) – (перен., разг.) „необразованный, малокультурный” (фразеологизм „серая скотинка (скотина)” – До революции пренебрежительное название солдат);
- 5) – (термин.) В составе зоологических и ботанических названий: серый гусь, серый медведь, серая вика и др.

Многозначное слово как единица словарного состава представляет собой объединение семантически связанных друг с другом двух или нескольких значений, соотносящихся с представлением об одном звуковом целом (комплексе), а при экспликации в речи получающих тождественное материальное (звуковое, графическое) выражение.

Анализ многозначного прилагательного предполагает, с одной стороны, выявление различий между входящими в него значениями, а с дру-

гой – обнаружение связующих и объединяющих значения факторов, а также характеристику самих этих факторов.

Анализ приемов соотнесения значений многозначного слова с внеязыковой действительностью позволяет не только отличать одно значение от другого, но и выделять различные их типы. Так, можно говорить о значениях, которые непосредственно соотносятся с „предметом” внеязыковой действительности.

Исследователи называют их прямыми или номинативными значениями. Если у слова несколько свободных значений, „в которых непосредственно отражаются разные предметы и явления действительности”, то одно из них является основным, а остальные – производными. „Часто они бывают уже, теснее, специализированнее, чем основное номинативное значение слова” [93:12].

В приведенном выше многозначном прилагательном серый значений 1, 2 и 5 являются номинативными, прямыми; из них значение 1 – основное, а 2 и 5 – номинативно-производные. Что касается значений 3 и 4, то о них следует сказать отдельно. Это особые переносные значения слова, имеющие метафорический характер.

Лингвисты указывают на несколько признаков метафорического переносного значения. Во-первых, метафора как особый вид переносного значения характеризуется семантической дуплановостью. В нашем примере серый в 3-м и 4-м случаях объединяются основное цветное значение 1 и переносные 3 – „ничем не примечательный” (т.е. „незаметный, безликий”) и 4 – „необразованный, малокультурный”, связанные на основе общего ассоциативного элемента – представления о чем-то безликом, тусклом, скучном, лишенном индивидуальности, расплывчатом, а также ничтожном, мелком, мещанском. Ср. в этой связи описание этого цвета в художественном контексте: «...он бездарно смешивает два основных цвета в жизни в один тусклый, грязный, скучный» (М.Горький, Жизнь Клима Самгина, III, 374).

Во-вторых, метафора характеризуется образностью, наличием оценочного момента: „Взаимодействие основного (прямого, конкретно-предметного) и производного значений видоизменяет и усложняет номинативную функцию слова: оно уже служит не только средством наименования того или иного предмета, но также (и в этом специфика метафоры) средством субъективной оценки предметов и явлений действительности со стороны говорящего” [426:35].

Отсутствие самостоятельной номинативной функции, свойственное метафорам, нельзя понимать как отсутствие в них определенного содержания. Просто оно вторично, т.к. возникает при наличии в языке прямого названия предмета, явления или признака, т.е. при наличии значений „непосредственно отражающих связи языка с мышлением” [185:72].

Таким образом, в структуре многозначного слова различаются номинативные и метафорические значения, а среди номинативных – основное номинативное значение (исходное, первичное) и номинативно-производные значения. Метафорическое значение, при наличии в слове номинативного значения (значений), всегда является вторичным, „переносным”.

Отношения производности между значениями многозначного слова, или, по выражению С.Д.Кацнельсона, „связь деривационного характера”, заставляет говорить о его иерархической структуре: „главенствующую роль всегда играет одно – основное, или главное значение; все остальные значения прямо либо косвенно подчинены главному” [185:57-59].

Группа черного цвета

Среди многозначных прилагательных-цветообозначений как в русском, так и в трёх рассматриваемых южнославянских языках, наиболее частотными являются лексемы чёрный – црн (црњи) – сѣн – џн и бѣлый – бѣо (бѣлї) – бїо/бїјѣлї – бѣл.

В семантической структуре прилагательного черный в русском языке отчетливо выделяются три группы значений.

Первая группа включает номинативное непроизводное значение – „цвета сажи, угля...” (черный дым, черный гроб, черная шляпа) и номинативно-производные значения, включающие в свою семантику цветовые характеристики предмета. Значение „темный, более темный по сравнению с обычным цветом” (черные зубы, черный чай, черный как деготь, черные от загара люди) связано с исходным актуальной тождесемной связью, только „точкой отсчета” для второго значения является не цвет угля или сажи, а обычный (светлый или белый) цвет предмета. Значение „погруженный во мрак, без освещения” (черная зелень деревьев; ночь, черная как сажа и др.) реализуется в сочетаниях с названиями предметов и явлений природы. Связь с исходным значением – актуальная тождесемная. Значение „темнокожий (как признак расы)” (черная раса, черный дед мой Ганнибал, черные люди). Характер тот же, что и для предыдущего значения.

Вторая группа содержит метафорические переносные значения, включающие сему „грязный”. Значение – „испачканный чем-либо, грязный” (он весь черный; лица у них черные; черное белье). Семантический компонент „грязный” возникает на основе ассоциативного представления о черном предмете как о грязном (ср.: черная шея, черные руки и др.), следовательно это значение связано со значением „темный” потенциальной тождесемной связью. Значение – „предназначенный для каких-либо служебных или бытовых нужд” (черный ход, черная лестница, черное крыльцо). Если учесть, что черная лестница противопоставляется парадной лестнице, а черное крыльцо – чистому крыльцу, то включенность в значение семы „грязный” становится обоснованной.

Значение – „физически тяжелый, грязный и вместе с тем подсобный, не требующий особого умения, знаний” (добывать кусок черным трудом, черная работа по дому и т.д.). Связь со значением „темный” потенциальная тождественная.

Третья группа образуется значениями оценочного характера. Сюда входят значение „отрицательный, плохой” (черные стороны жизни), выставить кого-нибудь в черном виде); значение „горестный, безрадостный, тяжелый” (черные вести, черные мысли, черная тоска, отложить про черный день) и значение „низкий, коварный, злостный” (черная душа, черная зависть, черные дела). Все значения третьей семы возникают на основе потенциальной семы „плохой, неприятный, зловещий”, которая берет начало от ассоциативного представления, сопровождающего восприятие черного цвета.

Лексикографические источники русского, сербского, хорватского и словенского языков дают следующее толковое определение значения прилагательного черный – црн(й) – сrn – črn(i): „имеющий цвет сажи, угля, самый темный из всех цветов” (БАС, т.17, с.918; „Koju je boje ugljena или чађи” (РСКНЈ, т.6, с.820); ”Ki je take brave kot oglje ali saje” (SSKJ, т.1, с.313).

Общими компонентами этого прилагательного являются реальные семы 1. цвет и 2. темный. Набор реальных сем прилагательного дополняется потенциальными – психологическими ассоциациями с прилагательным черный – црн – сrn – črn в русском, сербском, хорватском и словенском языках. Психологическое воздействие черного цвета и его символика находят свое выражение в следующих ассоциациях: дьявол, мрачный, непонятный, неприятный, плохой, смерть, траур в русском языке; нечист, прлав, замазан; без светлости, таман, мрачан; тежак, мучан, тужан; мрзак, кобан, злокобан, одвратан; несрећан, јадан; рђав, зао в сербском языке; mračan, mićan, tužan, mrzak, odvratan в хорватском языке; grob; zelo perijeten, vrag, zloba в словенском языке.

Сведя набор ассоциаций по частотности проявления в сознании носителей языка в ряд и объединив значения погреб, жалость, гроб со значением «смерть», мрачан, таман со значением «мрачный, неприятный», zelo perijeten со значением «плохой», получаем следующий набор потенциальных сем прилагательного черный – црн – сrn – črn: 1. дьявол, 2. смерть, 3. грязный, 4. мрачный, 5. плохой, 6. неприятный. Реально существующий в сознании носителей языка этот набор сем должен полностью или частично реализоваться в значениях прилагательного черный - црн – сrn – črn как лексико-семантические варианты, закрепляющиеся в связанных сочетаниях. Поскольку механизм восприятия у людей одинаков, одинаковой в основных своих чертах является и языковая номинация как форма отражения действительности. Таким образом, должны быть одинаковыми и пути развития переносных значений как отражение общих законов

познания и мышления: от конкретных значений к абстрактным, от простой номинации к выражению оценки и экспрессии [349:7-15].

Прилагательное *черный* в современном русском языке встречается в следующих устойчивых сочетаниях: черная баня, черные береты, черная биржа, черный бум, черный взгляд, черные войска, черный ворон, черное время, черный генштаб, черный год; черная година, черная годовщина, черная горничная, черная гостья, черный двор, черное дело, черный день, откладывать на черный день, черная доля, черная душа, черная доска, черное духовенство, черная дыра, черная зависть, черная зараза, черное золото, черный интернационал, черная измена, черная касса, черная клевета, черная книга, черный континент, черных кобелей набело перемывать, черная компания, черный кофе, черная контрреволюция, черная кость, черная кошка пробежала (проскочила) между кем, видеть все в черных красках (тонах), рисовать черными красками (изображать в черных красках), черное крыльцо, черные люди, черная магия, черные металлы, черная металлургия, черная минута, черная меланхолия, черные мухи в глазах, черные мысли, черный народ, черная неблагодарность, черная неврастения, черный недуг, черная немочь, черная несправедливость, смотреть сквозь черные очки, ругаться по-черному, черный папа, черная печаль, черная печь, черная пилюля, черные планы, черный пожар, черные полковники, черная полоса (в жизни), черная порода, черная пятница, черная пропаганда, черное пятно, черная работа, черные рубашки, черная реакция, черный рынок, черная серия, черные силы, черное сердце, черная скука, черное слово, черная служанка, черная смерть, черная совесть, черный сон, черный список, черная сотня, черные стороны (чего-либо), черная суббота, черная судьба, держать (воспитывать) в черном теле, черная тоска, черный хлеб, с черного хода, видеть все в черном цвете, черный шар, бросить черный шар, черным по белому, называть черное белым (выдавать черное за белое), не отличать черное от белого, принимать черное за белое, черным-черно от чего-либо, черный юмор, черный ящик.

К группе фразеологизированных единиц в русском языке примыкают и такие единицы как: прокатить на вороных (бросить черный шар, проголосовать против) и соболю брови (густые черные брови).

В сербском языке прилагательное *црн(и)* встречается в следующих устойчивых сочетаниях: *црн бор*, *црни грах*, *црна буква*, *црни лук*, *црн бријест*, *црни граб*, *црн дријенак*, *црн дуд*, *црн глог*, *црна јагода*, *црни јасен*, *црна јова (јоха)*, *црни патлиџан*, *црни трн*, *црна зеленика*; *црне руке*, *црно рубље*, *црна крвца*, *црна кукавица*, *црно вино*, *црна кафа*, *црно зрно*, *црни хлеб*, *црно брашно*, *црни мрав*, *црни орао*, *црно говедо*; *црно-бело* (в случаях противопоставления) *црна минута*, *црни дан*, *црна година*, *црно доба*, *црне вести*; *црн петак*, *црна књига*; *црна судбина*, *црно весеље*, *црна дика*, *црна хвала* (ср. русск. „черная неблагодарность”); *црни тефтер*, *црна бильешка*; *црне чаролије* (ср. „черная магия”), *црна зима*; *црни грех*, *црна*

беда, црна несрећа, црни расап, црна штета, црне јади, црна сиротиња, црна злоба, црна незахвалност, црна слутња, црни сужањ; црни душманин, црна немаштина, црна длака, црна коса, црна одећа; Беле паре за црне дане (чувати); бити црн пред очима (коме); гледати кроз црне наочари; црно под ноктом (испод ноката); допасти црна руха; црну руну прести; ни беле ни црне, ни бело ни црно; приказати црним бојама; црн образ, црна берза, црна звона, црна земља, црна књига, црна магла му пада у очи; црна мрена, црна овца, црна птица, црне богиње (мед.), црни барјак, црна застава, црни облаци се надвијају, црни пришт (мед.), црни фратри, црни циганин, црно злато, црно на бело, у црно завити; црн ти образ био, метнути црн комад у торбу, црне капе, црна војска, црн као гавран, црн посао, црна табла, црна мисао, црна душа, црна завист, Црни континент, црна шума, црни људи, црни метали, црна металургија, црни народ, црна болест, црни пуковници, црн период (у животу), црна пропаганда, црне кошуље, црна реакција, црна смрт, црна савест, црна страна, црни хумор.

В словенском языке прилагательное črn встречается в следующих устойчивых сочетаниях: črn maček, črna tabla, črna noč, črna tema, črna prst, črne oči, črni grob, črna kri, črni kovači, črn kruh, črna kava, črna moka, črno vino, črni ribez, črna murva, črna redkev, črni dnevi, črna usoda, črne misli, črne slutnje, črna zloba, črn naklep, črni pogled, črna duša, črn obup, črna groza, črna revščina, črna žalost, črna nehvaležnost, črna zavist, črno sovraštvo, črni fond, črna vožnja, črna borza, črna občina, Črni kontinent, črni prebivalci Amerike, črni revirji, Črna Afrika, ljude prikazuje s črnimi barvami; v črni luči, črne bukve, črna kronika, črna lista, črna metalurgija, črna ovca v družini, dobil je črno piko, črna roka, črna smrt (kuga), črne srajce, črna suknja, črna šola, črna vojska, črna umetnost, pokriva ga črna zemlja, ponoči je vsaka krava črna, črno zlato, črno-žolta monarhija; če pravim jaz, da je belo, tvrdi on da je črno; ni ne belo ne črno; črna rasa, črni bor, črni hrast, črni koren, črni trn, črni zobnik, črni mož, črna kuhinja, črni gozd, črni Peter, črni smodnik, črno-bela tehnika, črne koze, črna pločevina, črni premog, črna barva, črna maša, črna figura, črni dular, črn medved, črn žužek, črna podgana, črna žolna; črno orisati položaj, črno obrobljen robec, črno vezana knjiga, črno črn oblak, črno gledati, vse črno jih je, črni in rdeči, črno se mi dela pred očmi, ne boš dobil niti toliko, kolikor je za nohtom črnega, dobil boš črno na belem, dokazati črno na belem; na črno prodavati tujo valuto (zidati hišo), zadel si v črno.

Компоненты значения прилагательного черный – црн – cрn – črn актуализируются в русском, сербском, хорватском и словенском языках в виде следующих лексико-семантических вариантов:

I. Цветовое значение реализуется в сочетаниях: черные береты (группы диверсантов); черная гвардия (иезуиты); черное духовенство (монашествующее); черная дыра (звезда, полностью поглощающая свет); черное золото (1. нефть, 2. уголь); черных кобелей набело перемывать (заниматься заведомо бесполезным делом); черный кофе; черная кошка

пробежала между кем-либо (произошла осора, размолвка); черный папа (глава ордена иезуитов); черный пожар (эрозия почвы); черные рубашки (фашистская организация в Италии; черная суббота (рабочая, обозначаемая черным цветом в календаре); черный шар (голосование против); черным по белому (1. на письме, 2. очевидным образом); черные мухи в глазах (мутит); черным-черно (много); черный ящик; черная кровь; в сербском: цире кошуље, црна кафа, црни фратри, црно злато, црно на бело, црна металургија, црни метали, црни пуковници, црна магла пада у очи, црна мрена, ни беле ни црне, ни бело ни црно, црна кутија, црно под ноктом: в хорватском: crno svećenstvo (monaštvo, kaluđerstvo), crna krv, crna kava, crni fratri, crna sukunja, crna kutija, crna metalurgija; в словенском: črna kava, črn maček, črna metalurgija, črna pločevina, črni Peter, črna suknja, črne srajce, črno zlato; če pravim jaz, da je belo, tvrdi on, da je črno; ni ne belo ne črno, črni gozd, črna tabla, vse črno jih je, dobil boš črno na belem, dokazati črno na belem; zadel si v črno, črno črn, črno se mi dela pred očmi.

Общими в четырёх языках являются сочетания: черное духовенство = црни фратри = črna suknja; черное золото = црно злато = črno zlato; черным по белому = црно на бело(м) = dokazati črno na belem; черные мухи в глазах = црна магла пада у очи = črno se mi dela pred očmi; черные рубашки = црне кошуље = crne košulje = črne srajce; черная металлургия = црна металургија = črna metalurgija; черная кошка = црна мачка = crna mačka = črn maček; черный кофе = црна кафа = crna kava = črna kava и т.д.

Только в русском языке функционируют сочетания „черная гвардия”: Средства информации фактически находятся в руках „черной гвардии”; „черный папа”: „Времена, когда „черный папа” мог вершить судьбы правительств и королей, миновали”; „черный пожар”: „Именно мощь новой техники, такой дорогой и красивой, стала на юге страны первым тараном эрозии: дорогу „черному пожару” прокладывает традиционный плуг” (ЛГ, 18.03.2005, с.13).

Только сербскому языку свойственны сочетания: црна овца – „опасный преступник”; црн ти образ био – „стыд и срам”.

Лишь в словенском языке функционируют сочетания: Črni Peter детская игра в карты, в которой проигрывает тот, у кого остается карта с фигурой черной головы; črna šola – название народных школ в Словении, предшествующих 6-летним гимназиям; črna goka – террористическая организация в Словении в годы 2-й мировой войны; črna umetnost – „типографское дело, печатное дело”; črna vojska – (истор.) нерегулярные войска в Словении, составленные из резервистов; ponoči je vsaka krava črna – в определенных обстоятельствах, когда человек довольствуется малым, чем-либо худшего качества; dobil je črno piko – снижавший плохую репутацию, отрицательное мнение; črna pločevina – чугун.

В сербском, хорватском и словенском представлены сочетания: црно под noktom - crno pod noktem –, ne boš dobil niti toliko, kolikor je za nohtom črnega, т.е. „мало”.

II. Значение «темный» во всех четырёх языках реализуется в сочетаниях: «черный бум» (интерес к негритянской культуре), «черный континент» (Африка), черный лес (лиственный), черный хлеб (ржаной), черная раса (темнокожие); црни хлеб, црно вино, црно брашно, Црни континент, црна шума, црна раса, црн човек; crn kruh, crna šuma, crno vino, crni javor, crna kosa, crne oči; črn kruh črna moka, črno pivo, črno vino, Črni kontinent, črna rasa, črni prebivalci Amerike, črna Afrika.

Общими по значению являются в этой группе связанные сочетания: черный континент = Црни континент = Crni kontinent = Črni kontinent; черный хлеб = црни хлеб = crni kruh = črn kruh; черная раса = црна раса = crna rasa = črna rasa. Характерно, что в русском языке „черный лес” – лиственный лес (ср., также, например, в польском: czarny las = liściasty las), а в сербском, хорватском и словенском: црна шума, crna šuma (les) и črni gozd (les) – хвойный лес (gozd z iglastim drevjem, les iglastega drevja). Здесь налицо явление межъязыковой омонимии.

III. Значение «связанный с дьяволом» реализуется в сочетаниях «черная книга» (колдовская, волшебная); «черная магия» (колдовство при помощи нечистой силы); «черный недуг, черная немочь» (таинственная, непонятная болезнь); «черная сила» (нечистая); «черное слово» (содержащее упоминание нечистой силы, черта); «черная пятница» (пятница 13-го числа, что по суеверным представлениям является вдвойне несчастливым днем); црна болест, црна магија, црни петак, црна књига; crne boginje, crna magija, crni petak, crna krv; črne bukve (po ljudskemu verovanju knjiga, s katero se da čarati, vedozevati), črni petek, črna magija.

Значение „дьявол, нечистая сила” имеет, однако, реликтовый характер и в современном языке замещается постепенно общенегативными значениями и значением „непонятный”. Так, сочетание „черная книга” в современном русском языке имеет также значение „список подозреваемых, опасных лиц, позорных дел”): „Действия пиночетовской хунты вписаны в черную книгу истории” (речь диктора радио). Ср. также во всех четырех языках сочетания черный список = црни списак (списак осумничених особа) = crni popis (lista) = črna lista (seznam osumljenih oseb, prekrškov, nesreč); „черные силы” – „силы войны и реакции” – только в русском языке.

Сочетания черная магия = црна магија = crna magija = črna magija наряду со значением „колдовство при помощи потусторонних сил” имеют значение „шарлатанство, надувательство”.

В русском языке сочетание „черное слово” (ругаться черными словами, по-черному), означает бранные, оскорбительные слова, не связанные уже в сознании современных носителей языка с нечистой силой. Сочета-

ниями „черная немочь”, „черный недуг”, кроме значения „непонятный, таинственный” присуще и значение „смертельный, губительный”.

IV. Значение „связанный со смертью, мрачный” реализуется в сочетаниях: черный анекдот, черный юмор, черная серия, черная гостья (смерть); черная зараза, черный недуг, черная смерть (чума); црни серијал, црна куга, црне богиње, црна болест, црна смрт, црни хумор; црна птица (весник несреће, смрти) црни барјак, црна застава (знак смрти, укопа), црни пришт; црна звона (знак смрти, погребца); црна земља (симбол смрти, гробља); допасти црна руха, црну вуну прести за ким (изгубити смрћу некога свога, жалити за неким); у црно завити некога (убити некое некога, ојадити кога); črna kronika (prometne nesreče); črna smrt (kuga); pokriva ga črna zemlja (je mrtev, pokopan); črna barva (v bogoslužju simbol žalosti, smrti), črna maša (maša, ki se opravlja v črnih oblačilih za umrle), črni humor.

Общими по значению в этой группе являются сочетания: черная зараза = црна зараза = crna zaraza (infekcija) = črna zaraza; черная смерть = црна смрт = črna smrt; черный юмор = црни хумор = crni humor = črni humor. В современном языке, однако, „черный юмор” (црни хумор, crni humor, črni humor) означает также смех над нелепостями, еще сохранившимися в обыденной жизни, а сочетание „црна књижевност” в сербском означает литературу о повседневных делах и событиях, а не о зверствах и убийствах.

Сочетание „черная сотня”, обозначающее реалии русской истории, „цветового” аналога в сербском, хорватском и словенском не имеет.

V. Значение „грязный” реализуется в сочетаниях: черная баня, черная горничная, черный двор, черная изба, черные сени, черное крыльцо, черный ход, черная лестница, черная печь, черная работа; црни посао, црна работа, црна кухиња, црна девојка (служавка), црно рубље, црне руке; črna kuhinja (kuhinja, v kateri dim ni speljan v dimnik) в следующих модификациях: 1. „закопченный, курной”, „грязный, темный” в „черная баня”, „черная изба”, „черная печь”; 2. „грязная, тяжелая” (о работе) и „человек, занимающийся такой работой” в сочетаниях „черная работа”, „черная горничная”, „черная служанка”, „черный посудник”; „црна кухиња”, „црни посао”, „црна работа”, „црн новац”, „црне руке”, „црно рубље”; 3. „непарадный, бытовой” в сочетаниях „черный двор”, „черное крыльцо”, „черная лестница”, „черный ход”. Значение 2 дало, очевидно, толчок возникновению свойственных только русскому языку выражений „черная кость”, „черный народ”, „черная порода” (неблагородного происхождения). Связанное сочетание „черный ход” подверглось в языке дальнейшему переосмыслению и стало означать также „по знакомству”, „по протекции”: „Вчера речь была о дефицитном галстуке, который не покупают, а „достают”, завтра – об устройстве с черного хода на желанную работу” (МН, 52, 2004, с.14).

VI. Значение «мрачный, несчастливый» реализуется в сочетаниях: черный взгляд, черное время, черная година, черная годовщина, черный день, откладывать на черный день, черная доля, видеть все в черных красках, черная меланхолия, черные мысли, черная неврастения, черная неблагодарность, черная несправедливость, черная полоса (в жизни), черная правда, черное пятно, рисовать в черных красках, держать в черном теле, черный сон, черные стороны, черная судьба, черная тоска; црна судбина, црн живот, црна незахвалност, црна мука, црна сиротиња, црна беда, црна вест, црно доба, црна мисао, црна немаштина, црни дан, црна година, црни јубилеј, гледати кроз црни наочари, црна страна живота, приказати црним бојама, црн образ (црн ти образ био), црни облаци се надијају, црна минута, црна слутња, црни пут, црна меланхолија, црна новост, црни петак; crni dani, crn obraz, crna slutnja, crn predosjećaj, crna sudbina, crna cesta, crn trenutak, crna okolnost; črni dnevi, črne slutnje, črna žalost, črn pogled, črna usoda, prikazati s črnimi barvami, črna nehvaležnost, črno gledati na razvoj dogodkov.

Общие для исследуемых языков в этой группе сочетания: черная доля = црна судбина = crna sudbina = črna usoda; видеть (рисовать) все в черных красках = приказати црним бојама = prikazati crnim bojama = prikazati s črnimi barvami; черный сон = црни сан = crni san = črn sen; черная тоска = црна мука = crna muka = črna muka; черная сторона (жизни) = црна страна (живота) = crna strana = črna strana; черные дни = црни дани = crni dani = črni dnevi; черное предчувствие = црна слутња = crna slutnja = črna slutnja; черная меланхолия = црна меланхолија = crna melanhlija = črna melanhlija; черная минута = црна минута = crni trenutak = črna minuta; смотреть сквозь черные очки = гледати кроз црни наочари = gledati kroz crni naočale; черная неблагодарность = црна незахвалност = črna nehvaležnost.

Только в русском языке используются сочетания „черная правда” (тяжелая, неприятная), „черная полоса” (период невзгод), „держать в черном теле” (сурово, строго обходиться с кем-либо).

Во всех рассматриваемых языках определение-интенсификатор употребляется с широким кругом существительных, обозначающих негативные состояния и ощущения.

VII. Значение „плохой” реализуется в виде широкого набора пейоративных вариантов: 1. „низкий, коварный” в сочетаниях: черное дело, черная душа, черная зависть, черная измена, черная неблагодарность, черная клевета, черные планы, черное сердце, черная совесть, черная компания; црна злоба, црна душа, црна незахвалност, црни мисли, црни сужань, црни душманин, црни грех, црна беда, црна немаштина, црна овца (велики, главни грешник); črna zavist, črna revščina, črna groza, črn obup, črna zloba, črno sovrašтво, črna duša, črne misli, črn naklep; 2. „позорный, осуждаемый” в сочетаниях: черная доска, черная книга, черные списки,

черное пятно, черный (волчий) билет, черный ворон (полицейская машина); црна карта, црни списак, црна књига, црна табла; črna lista; 3. "нелегальный, скрываемый" в сочетаниях: черная биржа, черная касса, черный рынок, с черного хода; црно подземље (террористы, ганстеры), црна берза, црна пијаца, црна финансија; črno gradenje (незаконное строительство), črna vožnja („левые перевозки“), črna borza, prodajati na črno tujo valuto, zidati hišo; 4. „позорный, несправедливый; контрреволюционный" в сочетаниях: черная армия, черные войска, черные полковники, черная реакция, черная сотня, черный террор, черный порядок; црни терор, црни пуковници, црна банда, црна реакција, црна војска, црни teror, црна reakcija, црна vojska; črna reakcija, črni teror, črni plani, črna vojska, črna banda.

Общими по значению связанными сочетаниями являются в этой группе: черная душа = црна душа = црна duša = črna duša; черные планы = црни планови = črni plani; черная книга = црна књига = црна knjiga = črna knjiga (hronika); черные списки = црни списак = црн popis = črna lista; черная армия = црна војска = црна vojska = črna vojska; черный рынок = црна пијаца; черная банда = црна банда = црна banda = črna banda; черная биржа = црна берза = црна berza = črna borza.

В русском языке существуют также сочетания: черное дело, черный интернационал, черный порядок, черный генштаб, черная пропаганда, черная пилюля, черный кабинет.

Сочетание črna ovca (edini, ki je drugačen) в словенском перекликается со значением „белая ворона" в русском (ср. также в сербском – бела врана, совпадающее с русским)⁵. В сербском, однако, „црна овца" означает „велики или главни грешник".

VIII. Значение «непонятный» реализуется в исследуемых языках в общей лексико-семантической единице «черный ящик – црна кутија – црна kutija – črna skrinja – «вещь в себе, непознаваемая или непознанная»: «Какой же это «черный ящик», неизвестность, икс, которым нас пугает Н.Иванова?» (ЛГ, 7.01. 2006, с.5).

„То је за мене црна кутија" – рекао је Грегор Самса (Ф.Кafka „Преображај").

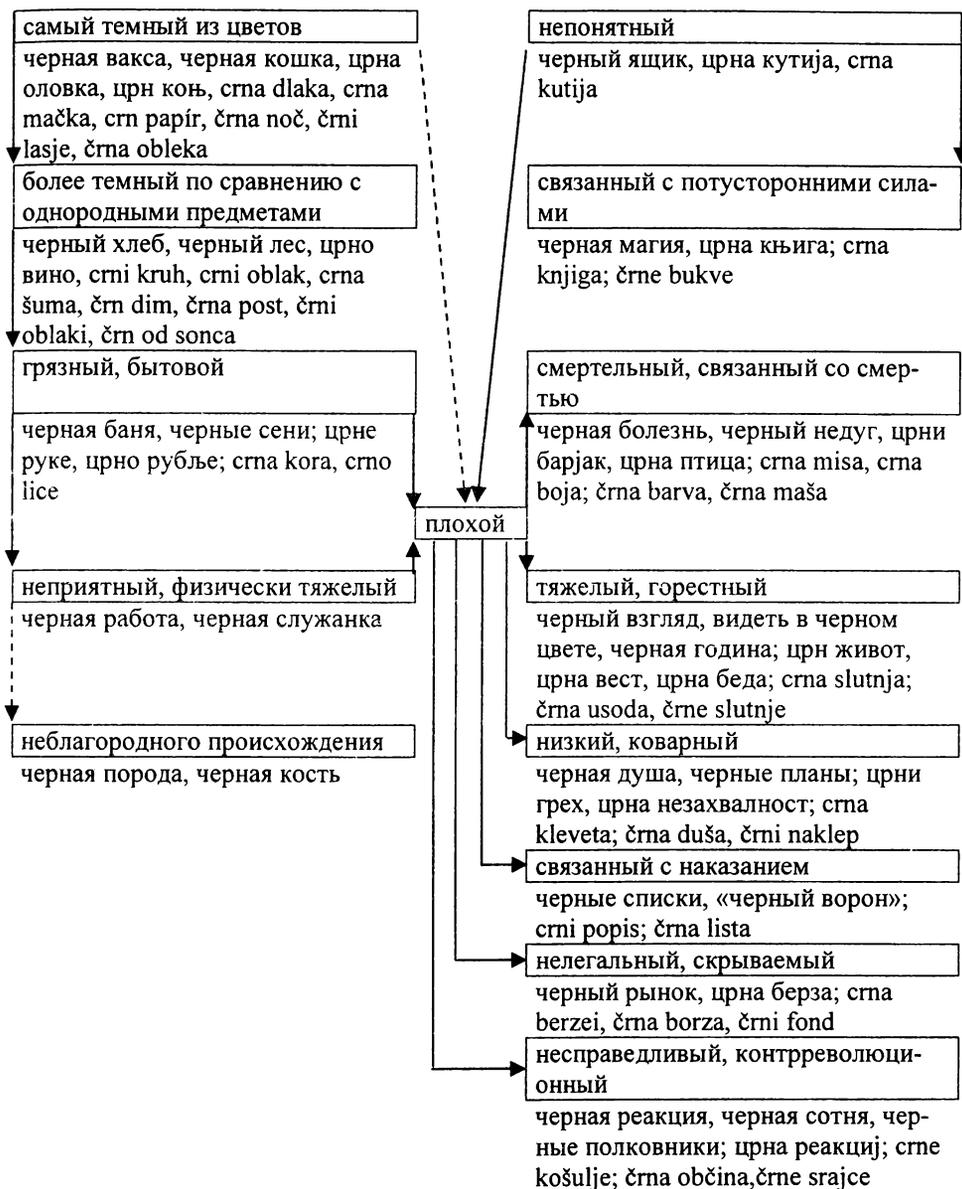
Таким образом, копоненты семантико-психологической структуры прилагательного черный – црн – црн – čрн представляют собой базу для формирования связанных единиц во всех исследуемых языках – русском, сербском, хорватском и словенском. Максимальный набор компонентов значения прилагательного черный – црн – црн – čрн полностью реализуется в исследуемых языках. Семантическая структура прилагательного черный - црн – црн – čрн, выведенная на основе ассоциативных данных, совпадает с

---

⁵ Ср. и параллельное употребление в словенском языке сочетания bela vrana с тем же значением „redkost, izjema": „Tale delavec je v podjetju bela vrana".

лексикографической экспликацией этого значения толковыми словарями и имеет следующий вид:

Семантическая структура прилагательного чёрный – црн – črn – črn

Группа белого цвета

В истории цветообозначений очень трудно выявить общие, закономерные пути развития. Характерной чертой цветообозначений, которую удается проследить, является выявление обобщенных или абстрактных цветообозначений. В определенные периоды развития языка в нем среди множества цветообозначений «...выделяются слова, которые обладают способностью выражать самым обобщенным образом данную цветовую субстанцию, самое важное, самое основное представление о цвете, поэтому они могут назвать любой оттенок данного цвета» [39:8]. Абстрактные цветообозначения способны не только обобщенно называть цвет. Они также наделены определенным рода качествами, которые обеспечивают такого рода возможности: они не связаны с производящей основой, имеют неограниченную сочетаемость, стилистически нейтральны. Уже для раннего периода такого рода абстрактным цветообозначением в русском языке (как и в других славянских языках) является белый (наряду с черным, зеленым, желтым). Ко времени создания первых письменных памятников, славянская письменность обладала сложившейся системой цветообозначения для основных цветов.

В ряду других основных цветов белый, являясь абстрактным цветообозначением, способно называть различные оттенки цвета, в том числе слабые оттенки хроматических цветов, близких к белому [39:9]. Вместе с тем, слово белый очень рано теряет свою выразительность как цветообозначение во всех славянских языках и требует уточнения. В качестве цветового образа, способного наиболее выразительно назвать чистый, яркий, без примесей белый цвет, у славян очень рано применяются сравнения типа: белый как снег, как волна (белая овечья шерсть), как молоко, как сыр и т.д. Затем этот круг еще больше расширяется, и вместе с прежними употребляются сравнения: белый как мрамор, как пена, как бумага, как вата, как гипс, как полотно и т.д. (30:9). Ср. в сербском: бео као снег, као млеко; бели као алабастар, као креда, као вуна; в хорватском: bijeli ko sir, bio kao mljeko; в словенском: beli kot sneg, mleko, sir и т.д.

Слово «белый» в исследуемых языках антонимическое прилагательному цвета «черный», и второе по частотности после него. Оно во многом похоже на прилагательное черный, хотя и имеет некоторые отличия в своей организации:

Во-первых, у него практически нет значений оценочного типа, которые мы обнаруживаем у прилагательного черный⁶. Во-вторых, у него появляется

---

⁶ К ним с некоторыми оговорками можно отнести необычные сочетания с цветным прилагательным белый, появившиеся в русской литературе 20 века; оно вступает в сочетания разного характера, и конкретные, и отвлеченные: белая радость (Анненский), белое озаренье (Сологуб), белая любовь (Пильняк), совесть белая, как снег (К.Некрасова); в метафорическом сочетании: чайка белой нежности (Клюев) и др. [45, 190:127].

значение, связанное с отражением социальных отношений и включающее оценочные семы отрицательного характера: «контрреволюционный, действующий против Советской власти или направленный против нее» (белая армия, белая гвардия, белый террор). Развитие аналогичных значений находим и у некоторых других цветowych прилагательных, например, красный – «относящийся к революционной деятельности, революционный» (красные партизаны, красные части); желтый – «соглашательский, реформистский» (желтая буржуазная пресса). Были такие значения и у слова черный – в дореволюционной России – «не принадлежащий к привилегированной части общества» (люди черной породы, черный люд), ныне устаревшее. Отражают прошлые социальные отношения и фразеологизмы с цветowymi прилагательными: белая кость, черная кость, голубая кровь и др.

Слово белый – это нейтральное слово с множеством значений, понятийное содержание которого определяется целым рядом соприкасающихся друг с другом лексико-семантических вариантов.

Структура лексического значения прилагательного белый была определена с помощью толковых словарей русского языка, где это слово отмечено со следующими значениями и в следующей последовательности. Так, в БАС имеем:

1. Имеющий цвет снега, молока, мела и т.д. или приближающийся к этому цвету (в противопоставление черному цвету).
2. Ясный, светлый (о времени суток, о свете и т.д.).
3. Чистый (устар. и област.) (о бумаге, избе, горнице и т.д.).
4. (полит.) Контрреволюционный, действующий против Советской власти или направленный против нее (в противоположность красному-революционному).
5. В условном употреблении (белая горячка, белый уголь, белая кость).

Первое, цветовое значение слова белый является главным, доминирующим над всеми указанными значениями. Это значение наиболее обусловлено парадигматически и наименее синтагматически. В главном, цветовом значении, прилагательное белый способно сочетаться неограниченно с самыми различными словами, которые обозначают предметы и явления окружающего реального мира [17:13]. Прилагательное-цветообозначение бѣо = бѣл(ѣ) в сербском и bijêl(ī) = bío в хорватском языке также имеет множество значений. По данным толкового словаря сербского языка (РСКНЈ, 1, с.442-457) это слово отмечено следующими основными значениями в следующей последовательности:

1. „Који је боје снега или млека; који се белином одваја средине”, „имеющий цвет снега, молока и т.д.”.
2. В значении „ясный, светлый”.
3. В значении „чистый”.

4. В значении контрреволюционный, действующий против Советской власти”.

Сходный набор значений находим и в Академическом словаре югославянской академии (ARj, I, str. 313-317).

Академический толковый словарь словенского языка дает следующее определение прилагательного bel(i):

1. „Ki je take barve kot sneg ali mleko” – „цвета снега или молока”. Как и в русском, так и в словенском языке, в этом главном, цветовом значении прилагательное bel способно сочетаться неограниченно с различными словами, обозначающими предметы и явления окружающего мира.
2. В значении „светлый” („Ki je svetle barve”).
3. В значении „чистый, нетронутый” („neizpolnjen, nepopisan”).
4. В значении „контрреволюционный, правый” („nanasajoč se na protirevolucionarje, desničarje”).

Анализ ассоциативных норм исследуемых языков обнаруживает следующие ассоциации, отражающие психологическое воздействие белого цвета и связанную с ними символику: зима, чистый, без пятен, больно, огромный; хладан, зуби, чиста, амбуланта, бол, лек, мали, мио, невин, млади, обострани, спокојан, миран, страх, свадба, смрт, беоњаче; zima, čist, zobje, pežni, čista, bolnišnica, bolečina, strah, miren, smrtien.

Приведение их к одному коэффициенту частотности и устранение дублетных и синонимических обозначений дает возможность выделить следующий набор ассоциантов прилагательного белый – бео – bijel(bio) – bel, записываемый как потенциальные семы его значения: 1. Цвет; 2. „Светлый”; 3. „Зимний, холодный”; 4. „Чистый”; 5. „Контрреволюционный, действующий против Советской власти”; 6. „Ангельский, святой”; 7. „Болезненный, смертельный”; 8. „Хороший, красивый”; 9. „Необычный”.

Этот максимальный набор сем должен реализоваться в значениях прилагательного белый – бео – bijel(bio) – bel как лексико-семантические варианты его значения, закрепляющиеся в связанных сочетаниях.

В русском языке прилагательное белый входит в состав следующих сочетаний, в том числе терминологического характера: белые акулы, белая армия, белый аист, белая баня, белое безмолвие, белое безумие, белый билет, сказка про белого бычка, белое вино, белые войска, белая ворона, белые воротнички, белая гвардия, белая горница, белая головка, белая горничная, белая горячка, довести до белой горячки, белый гусь, белый гриб, белый день, средь бела дня, Белый дом, белое духовенство, белая зависть, белое золото, белая губа, белый как стена, довести до белого каления, белый клоун, Белая книга, въехать на белом коне, белая кость, белая кровь, белая кухарка, белая кухня, белый лес, белые люди, белая магия, белый медведь, белые места, белые мухи, белое мясо, белый негр, шито белыми нитками, белая ночь, белое образование, белая Олимпиада, белое оружие,

белые перчатки, белая пахота, белый плат, белое племя, белая половина, белая полоса (в жизни), белая порода, белые профессии, белое пятно, белая раса, белая работа, белая революция, белый режим, белые ризы, белый рынок, белые ручки, белый свет, не видеть света белого, прощаться с белым светом, белые силы, белая смерть, белый соус, белые стихи, белый террор, белые телефоны, белое утро, белая фигура, белый флаг, выкинуть белый флаг, белый фронт, белый хлеб, белая чайка, белый шар, белая швея, белый шум, белый экран, белая эмиграция.

К группе белого цвета примыкают прилагательное „седой”, представленное сочетаниями „до седых волос” (до старости), „седая старина”, „седые туманы”, „седая древность”; „серебристый”: серебристый мех, серебристый кролик, серебристый тополь и „жемчужный”: жемчужные (белые) зубы.

В сербском языке прилагательное *beo* = бел(и) входит в состав следующих сочетаний: бели хљеб, бела застава, бели човек, Бела кућа, бели калуђер, бела емиграција, бела врана, бела звезда, бела гвардија, бела грозница, бела финансијера, бели флот, бела карта, бела кафа, бела крв, бела књига, бела коса, бели маратон, бела Олимпијада, бело месо, Бела недеља, бела планета, бело јутро, бели сос, бели спорт, бела смрт, бела техника, бели свет, бели терор, бело танго, бели валцер, бели угаль, бело вино, бело злато (1. платина, 2. алюминий), бели зуби, бијела вила, бијела преметача, бијела хаљина, бели лептир, бели анђео, бела риба, бели ат, бели лабуд, бела ружа, бели мрав, бела цигерица, бело сребро, бели медвед, бело олово, бела удовица, бело време, бели пут, бела зора, бела ноћ, бели дан, бела ракија, бела душа, бело жито, бела фигура, бели поток, бело посуђе, бела река, бела куга, бијела длака (седа), бели лист, бела невиност, бело море, бели стих, бити на белом хлебу, не видети ни белу мачку, начинити од белог црно (оцрнити, предпоставити ружним), бело или црно, црно или бело (има или нема, повољно или неповољно), бело у оку, ни беле ни црне (речи) (ни повољно ни неповољно), усред бела дана, на бели дан изнети, црно на бело, црно на белом (написмено, потпуно јасно), бијеле новце за црне дане, бијеле руке туђ посао милују, бијело баби на оку па не види, бијело као јаје.

К группе белого цвета в сербском языке примыкают прилагательные „сив”, представленное сочетаниями сива давнина, сива старост (глубокая старость), „алабастарски”: алабастарски зуби, „млечан”: млечна магла, млечно стакло.

В словенском языке прилагательное *bel* входит в состав следующих сочетаний: *bel labod*, *bel prst*, *bela srajca*, *bela vrtnica*, *bel kot mleko*, *bel kot zid*, *bela cesta*, *bela Ljubljana*, *bela smrt*, *belo mesto*, *beli grad*, *bela zastava*, *bel obraz*, *bel vrat*, *bela polt*, *biti belih lic*, *beli gospodarji*, *bel kruh*, *bela moka*, *belo vino*, *bel krompir*, *bela murva*, *beli lasje*, *bela brada*, *bela zora*, *bela garda*, *bel denar*, *Beli kontinent*, *beli menihi*, *beli rudarji*, *Bela hiša*, *bela Olimpiada*, *bela*

Istra, knjiga je zagledala bel dan (книга увидела свет, т.е. издана); то же самое в хорватском: izvjesti na bjeli dan – objelodaniti), bela kuga, bela odeja pokriva zemljo, predajati se beli opojnosti, obleči belo suktnjo, tale delavec je v podjetju bela vrana, bela žena, mojstri bele žogice, trgovina z belim blagom, če pravim jaz, da je belo, trdi on, da je črno; ni ne belo ne črno; zelen božič, bela velika noč, bela žita, bela rasa, bela krvnička, belo krvno telesce, beli gaber, beli javor, bela omela, bela riba, bele noči, bela omaka, beli cement, beli fosfor, bela galica, beli žar, bela kovina, bela knjiga, bela nedelja, bela figura, bela polja, bela posoda, bela črta, belo zlato, beli medved, bela uš, beli biseri.

Компоненты значения прилагательного белый – бео – bijel (bio) – bel актуализируются в русском, сербском, хорватском и словенском языках в виде следующих лексико-семантических вариантов:

1. Цветовое значение реализуется в сочетаниях: белые акулы (служащие здравоохранения), белый билет (освобождение от воинской обязанности), белая головка (особый сорт водки), сказка про белого бычка, белая ворона (человек, резко отличающийся от окружающих), белые воротнички (служащие, интеллигенция), Белый дом (1. Здание парламента России; Дума; 2. правительство США; резиденция президента США), белое духовенство, белое золото (хлопок, платина), доводить до белого каления, Белая книга (свод /сборник/ международных документов), въехать на белом коне (триумфально, помпезно), белый соус, белый лес, белые места (нерешенные проблемы), белые мухи (снег), белая мука, шито белыми нитками, белые перчатки (символ идеализации жизни), белый плат (вдовый), белое пятно (неисследованная территория), белые ризы, белые телефоны (символ изысканности, эстетизации), белый флаг (символ капитуляции, прекращения боя), выкинуть белый флаг (сдаться), белый шар (голосование за кандидатуру, предложение), белая швея, белый экран (экран кино); бела застава (знак пораза, капитуларања), бели калуђер, бела vrana (изузетан, није онакав као остали), бела техника (прецизна, електронска техника); бела ракија (жестоко пиће, алкохол), бели сос, бела финансирија (служебници, пословни интелектуалци) Бела књига (збирка међународних докумената), бело zlato (1. платина, 2. памук), Бела кућа – резиденција америчког председника, бели спорт (тенис), не видети ни белу мачку (бити потпуно пијан, ошамучен), бијеле руке туђ посао милују, бити на белом хлебу (чекати смртну казну), бијеле новце за црне дане, бели лист, бела фигура, бело посуђе, (свечано), бело вино, бела удовица («соломенная вдова»), бело брашно (од пшенице), бела длака, бела риба, бели мрав, бели медвед, бело место (неизвесно, неистражено подручје, територија), Бела недеља, бели хлеб, бели лабуд, бела ружа, бело олово, бели поток, бела река, бела кафа (с млеком), бели ат (арапски коњ), бела коса; bel konj (arabski), бела omela, obleči belo suktnjo (nastopiti v vojaško službo), mojstri bele žogice (namiznega tenisa), trgovina z belim blagom (z dekleti), beli denar, бела žita (pšenica, rž, ječmen, oves), beli gaber, beli javor, beli trn, Бела hiša (sedež predsednika

Združenih držav Amerike v Washingtonu); bela kuga (čezmerno omejevanje rojstev), bela nedelja (prva nedelja po veliki noči), bela figura (šah), bela knjiga (zbirka mednarodnih diplomatskih dokumentov); bela odeja pokriva zemljo (sneg), bela polja (šah), bela posoda (posoda iz porcelana), bele lise (neraziskano ozemlje, področje); bela kava (z dodatkom mleka); bela moka (pšenična), belo vino, bela Ljubljana, belo zlato, bela riba (riba boljše vrste), bela kovina (zlitina bakra, cinka in svinca); če pravim jaz da je belo, trdi on, da je črno (najini mnenji); ni ne belo ne črno (je neizrazito, nejasno).

Общими в четырёх языках являются: Белый дом = Bjela kuća = Bela kuća = Bela hiša; белое золото = бело zlato = bijelo zlato = belo zlato; белая мука = бело брашно = bijelo brajno = bela moka; белые пятна (места) = бела места = bijele fleke = bele lise; белое духовенство, белые ризы = бели калуђер = bijeli mnih, fratar = beli menihi, bela barva; белый флаг = бела застава = bijela zastava = bela zastava; выкинуть белый флаг = подићи белу заставу; белая ворона = бела врана = bijela vrana = bela vrana; Белая книга = Бела књига = bela knjiga; белая фигура (шахм.) = бела фигура = bela figura; белая лебедь = бели лабуд = beli labod; белый как молоко = бео као млеко = bijeli ko mlijeko = bel kot mleko; белые волосы = бела коса = bijela kosa = beli lasje; белый соус = бели сос = bjeli sos, umak = bela omaka.

Только в русском и словенском функционируют сочетания: белая рыба (благородная, осетровая) = bela riba; белый как стена = bel kot zid; выражение: белые одежды покрывают землю (о снеге) = bela odeja pokriva zemljo; до белой зари = do bele zore.

Только в южнославянских, сербском, хорватском и словенском функционируют сочетания: бело жито = bijelo žito = bela žita; бела кафа = bijela kava = bela kava; Бела неделя = bela nedelja; бела куга = bela kuga; бели ат (конь) = bijeli konj = beli konj; бела длака = bela dlaka; бело посуђе = bjelo posuđe = bela posoda.

Только в сербском и хорватском: бела техника, бела финансирација; не видети ни белу мачку; бити не белом хлебу, бела удовица, бело zlato в значении „алюминий” (Рекорд „бијелог злата” из комбината алуминијума у Титограду – „Борба”, 29.12.1983); беле новце за црне дане, бела радост, бела ствар, Бијела субота, Беле покладе (масленица); biti na bijelom kruhu, bjela udovica, bijelo zlato, Bijeje Peklade.

Только в словенском: obleči belo suktnjo, bela kovina, trgovina z belim blagom, mojstri bele žogice, beli žar, bela žena, beli rudarji („delavci na naftnih polih”), bel denar.

Функционирующая только в русском языке фразеологическая инновация „белые перчатки” означает лицемерие, внешнюю непричастность к происходящему, нежелание видеть истинное положение вещей („Мунк далек от иронии над идеализмом Лизы и не спешит уличить ее в лицемерии. От эпизода к эпизоду он прослеживает эволюцию героини, в результате которой обнаруживается то, что и должно обнаружиться: Лизин фа-

шизм „в белых перчатках” – не более чем чудачество, прихоть, особенность”. – ИК, 1980, 5, с.142). Только в русском языке функционируют сочетания: белые акулы („Озлобление „белых акул” вызывают предложения сделать здравоохранение государственным...” – Нед., 2.12.2005, с.28); белый билет („Месяц от белого билета отбивался, месяц упрашивал, чтобы на фронт пустили”. – Симонов); белая головка; сказка про белого бычка („Куда же пойти-поехать сегодня Фету и Толстому за писчебумажными товарами? В тот же „Школьник”? Сказка про белого бычка...” – ЛГ, 2.9.2004, с.13); белые воротнички (Профсоюзы ответили... массовыми митингами протеста, которые сейчас катятся по всей стране. Работу покинули „белые воротнички”, в том числе и служащие правительственных учреждений столицы...” – МН, 4.8.2005, с.23); довести до белого каления; въехать на белом коне; белые мухи („Раньше Отяев не замечал зим. Теперь он видел зиму от ее прихода, с первого шага до широкого размаха. Еще в больнице он пережил тревожность первых белых мух, редких, но крупных” – Авр., 1995, 8, с.66); белый плат („В „Божественной комедии” Данте... происходит встреча поэта с его другом, благородным Нино Висконти, пизанским сеньором. Тот сетует на свою жену, недолго носившую вдовий „белый плат” и вышедшую замуж...” – ИК, 1989, 12, с.148); белый экран („Белый экран появился нынче в самых отдаленных уголках республики” – РЯР, 1997, 1, с.79). Зафиксировано нами и сочетание белые телефоны („После Освобождения неореалисты, изголодавшиеся по правде в эпоху кинематографа „белых телефонов”, подхватили открытие Висконти, и пейзаж страны предстал в реалистическом облики...” – ИК, 1979, 2, с.154).

2. Значение „светлый, светлее однородных предметов”, „яркий” реализуется в следующих сочетаниях: белый день, середь бела дня, белый человек, белая кровь (кровь белых людей, чистота расы), белое мясо (куриное мясо, телятина), белый негр (эксплуатируемый, угнетаемый человек), белая ночь, белое образование, белые профессия (образование, профессия только для белых в расистском государстве), белое племя (буры, белое население ЮАР), белый свет (окружающий мир) не видеть света белого (1. „не знать покоя, отдыха, нормальной жизни”; 2. „мучительно страдать от нестерпимой боли, болезни и т.д.”), прощаться (расставаться) с белым светом („умирать”), белый свет опостылел, постыл, не мил („жизнь не интересует”), белый свет клином сошелся на ком-либо, чем-либо („кто-либо, что-либо является главным жизненным интересом”), белый уголь („энергия, заключенная в водных ресурсах рек”), белое утро, белая заря („рассвет”), белый хлеб, белое вино, белое безумие („расизм”), белая революция („влияние США на развивающиеся страны”), белый режим („расистский”).

В сербском и хорватском языках в значении „ясный”, „светлый”, „светлее однородных предметов” прилагательной бео-бели – бијели – bijeli

может употребляться в следующих случаях: все то, что выделяется светлой окраской на окружающем фоне:

«Па не иди путем бијелим,
ман' ти хајде кроз гору зелену»

(Вук Караџић, «Нар.пословице» 2, 116);

- в словосочетаниях типа: бели дан, бела ноћ (бели ноћи у северним земљама), бело јутро, бела зора, бело свануће, бели месец, бела звезда и др. в значении: «хорошо видимый, светлый, блестящий, освещенный»;

„Piје vino tri bijela dana
Tri bijela i četivi tavna”

(Nar. poslovice, „Vila”, 1866, 699),

- „до беле зоре”; в связанном сочетании: „Усред бела дана” („среди бела дня”) в сочетании со словами: сунчани зрак, месец, месечина, свет, видело, светлост с общим значением lux:

„Mјesečina je sve belija i jača”

(J.Galović, Začarano ogledalo, 18)

- в сочетании со словом свет в значении „mundus” – („мир, вселенная” – „као све скупа што се види”);

1. „Сви што нас је на белом свету,
кад се родимо, ништа не знамо”

(Д.Обрадовић, „Басне”, 143);

2. „Упутио га на дужност тамо
негде преко бела мора”

(„Самоуправа”, 1983, 20);

- о коже человека, некоторых частях тела, кажущихся белыми; со светлым цветом кожи (bijela rasa, bije čovjek, bjeli gospodar):

„Образ bijel kao mlijeko,
Tek u srijedi rumen”

(I.Ignjatović, Djela, 1, 132);

- в значении „прозрачный” (о жидкости). Чаще всего о сорте вина, (в фольклоре и художественной литературе также и о ракии). Ср.:

„Купи мени два товара вина

А и трећи бијеле ракије”

(Вук Караџић, „Нар.пословице”, 3, 445);

„бело вино” – белое, зеленоватое вино; бело месо (дијететско) бело брашно, бели хљеб, bijeli kruh; бели угаљ; bijeli ugljen (водная энергия рек).

В словенском языке в значении „светлый”, „ясный” прилагательное bel употребляется в следующих связанных сочетаниях: bele noči – (kratke, svetle noči v visokih zemljepisnih širinah), bel oblaček, bel polt, biti belih lic (иметь светлую кожу), beli mesec, bela mesečina, bele zvezde, belo jutro; beli gospodarji (ljudje bele rase) so jih izkoriščali; bel kruh (kruh iz bele moke); bela moka (pšenična moka, ki vsebuje majhno količino otrobov), belo vino (vino rumenkaste, zelenkaste barve); Zgodilo se je sredi belega dne; plesali so do

belega dne; do bele zore; pri belem dnevu; belo meso, bela klobasa, beli premog („vodna moč, ki se da izkoriščati za pogon elektrarn“).

Общими в этих языках являются сочетания: белый дан, белое утро, белая заря, белые ночи, белый месяц = бели дан, бела зора, бело свануће, бела месечина, беле ноћи, бело јутро = bijela zora, bijeli dan = bel dan, bele noći, bela mesečina, bela zora; белый хлеб = бели хлеб (крух) = bijeli kruh = bel kruh; белая мука = бело брашно = bijelo brašno = bela moka; белое мясо = бело месо = bijelo meso; белый уголь = бели угаљ = bijeli ugljen = beli premog; среди бела дня = усред бела дана = sredi belega dne; pri belem dnevu; до белой зари = до беле зоре = do bijele zore = do bele zore; белое вино = бело вино = bijelo vino = belo vino; белая раса = бела раса = bijela rasa = bela rasa.

Только в сербском языке употребляется сочетание бело море – в значении „мир (mundus)“. Только в словенском – bela klobasa – „сорт диетической колбасы“ и bele zvezde – „светлые, яркие, ясные“.

Только в русском языке функционирует сочетание: белый свет, не видеть света белого, прощаться с белым светом; белый свет опостылел (постыл, не мил); белый свет клином сошелся на ком-либо, чем-либо.

3. Значение „зимний, холодный“ реализуется в сочетаниях: белое безмолвие (Арктика, Антарктида, ледяная пустыня), Белая Олимпиада (зимняя), белая пахота (разрыхление снега на полях, снегозадержание); „Алые флаги над белым безмолвием“ – РЯР, 1, 1978, с.14. „До Белой Олимпиады в Лейк-Плесиде осталось три недели“ – Пр., 22.1.1980, с.6; Бела Олимпијада („Боро Кнежевић истиче да су борилишта беле Олимпијаде практично спремна за почетак највеће спортске манифестације у нашој земљи“ – Борба, 12.XII.1983); бели марафон; Bela smrt („Plazovi v gorah grozijo z belo smrtjo (s smrtjo v snegu); bela krajina, beli kontinent (Antarktika); bela odeja pokriva zemljo (sneg); Bela Olimpiada.

4. Значение „чистый“ реализуется в сочетаниях: белая баня, белая горница, белая половина (парадная, чистая, обставленная); белая горничная, белая кухарка (обслуживающая господ); белый клоун (выполняющий „чистую“ работу); белая работа (чистая, более почетная); белые ручки (человек, не любящий работать; чаще „белоручка“); белая кость, белая порода; бели лист, бела хартија, бели папир; бели поток, бели слап; bel list, bel papir, bel potok. В этой группе сочетаний в сербском языке при употреблении прилагательного бео – бели – бијели, так же как и в русском и словенском языке, нередко прослеживается сложный, порой двоякий смысл, получаемый от слияния по меньшей мере двух (а иногда и трех) значений: главного – цветового, значения „чистый“, а иногда и „светлый“. Такие случаи совмещения значений подтверждают мнение о том, что авторы толковых словарей при описании различных значений того или иного многозначного слова порой сильно преувеличивают степень прерывистости (дискретности) этих значений и видят четкие границы там,

где фактически, при ориентации на реальное разнообразие текстов, обнаруживается неясная, размытая промежуточная область. Ср., например, в хорватском языке значение а) „чистый”, „умытый” (Vala i čemo tako, pečeš ti sam izgledati bio i čist” (В.Ђаја, Naši pomorci, 70).; б) „чистый, неписанный” (о листе бумаги) („Ter mi tuj pero di i jedan lis bio” (N.Nalešković, ARj, 1, 317); в) „чистый, прозрачный” (о воде, ручье, водопаде, реке) (Bijeli Potok, Bijela Rijeka и т.д.); bel potok, slap.

В хорватском языке сема „чистый” в переносном значении „невинный” реализуется в сочетаниях bela – bijela (bila) duša, bijela nevinost: „Lijepa dušo, ka u nas shodiš neumrla, čista i bela (J.Gundulić, ARj, 1, 315); „A zmija ... previjala se radi crnoga zločinstva, što je počinjila nad bijelom nevinošću” (F.Marušić, Lječnikovi zapisci, 79). И у других славянских и неславянских народов белый цвет часто символизирует чистоту, невинность, девственность, добродетель, дружбу. Ср., например, в польском языке: białość или в венгерском: fehér személy – женщина, «белая особа», fehér nép – женщины (букв. «белый народ») [441:66].

5. Исследователи прилагательных, обозначающих цвет, считают, что цветовое значение прилагательного дало толчок развитию значения „реакционный, контрреволюционный, направленный против Советской власти” (от белого цвета знамени, символизовавшего чистоту идеи белогвардейцев).

В сербском языке прилагательное бели (только в полной форме) также применяется в связанных сочетаниях. В определенных случаях, они обусловлены правилами лексической сочетаемости, а также содержательной стороной текста, связанной с конкретным историческим периодом – эпохой после 1-й мировой войны в Европе и Октябрьской революции и гражданской войны в России.

В словенском языке выражение bela garda имеет два значения, связанные с историческими событиями как в Словении, так и в России: а) protirevolucionarna organizacija med narodnoosvobodilnim bojem v Sloveniji; б) protirevolucionarna organizacija med državljansko vojno po oktobarski revoluciji.

Ср. также следующие сочетания в рассматриваемых языках: белая армия, белые войска, белая гвардия, белые силы, белый террор, белый фронт; бела фронта, бела гарда, бела армија, бела војска; bela garda, bela fronta, bela vojska. („U aprilu Revolucionarnom ratnom savetu republike potpuno jasno je pretila opasnost da se ustanici spoje s belom frontom” (M.Šolohov „Tihi Don”, prev. M.Moskovljevića, 1, s.270).

6. Значение „ангельский, святой” реализуется в сочетаниях: белые ризы (символ причастности к ангельскому чину); белая магия (колдовство при помощи добрых сил); бело рухо (код свештеника); бела магија; beli menihi (cistercijani), bela barva (v bogoslužju simbol čistosti, luči), bela magija. „В условиях, когда на данный товар создается реальный дефицит, виза моя

– это так, скорее абстракция. Виртуальное действие. Правильно, мистика. Немножечко черной или белой магии. А за магию с кого спрос?” – ЛГ, 17.4.1998, с.11); („V srednjem su vijeku razlikovali bijelu magiju koja se stvarala „čudesa” s pomoću „božanskih sila” i crnu magiju koja se utjecala za pomoć „nečistoj sili, đavlu”, - B.Klaić, Vel. rječnik stranih riječi s.757).

7. Значение „болезненный, смертельный” реализуется в сочетаниях: белая горячка (припадок временного помешательства с галлюцинациями вследствие алкогольного опьянения); довести до белой горячки (переносно: до высшей степени раздражения, гнева); белая смерть (наркотики): „Среди преступного мира много наркоманов, которые готовы пойти на что угодно, лишь бы добыть деньги для покупки очередной дозы „белой смерти” – Комс. пр., 8.9.1998, с.3); белый рынок (торговля наркотиками). В словенском языке: bela žena (smrt), beli žar – а) temperatura, pri kateri zažarjo trdna ali plinasta telesa belo; б) velika temperatura kot bolnika. В сербском, а также в хорватском языке связанных сочетаний с прилагательным бео - бели / bijeli в этом значении не обнаружено.

Сочетание „белая смерть” (наркотики) в русском языке является межъязыковым омонимом к сочетанию bela smrt (смерть по снегом, подо льдом) в словенском языке.

8. Значение „хороший, красивый” реализуется в сочетаниях: белая зависть („А счастливы ли мы? Может ли слово „учитель” вызвать у кого-либо зависть? Ту белую зависть, когда не желаешь зла?” Комс. МН, 7.10.2005, с.4.); белая полоса (в жизни); называть черное белым; выдавать черное за белое; бела ствар (срећна); бела радост (велика).

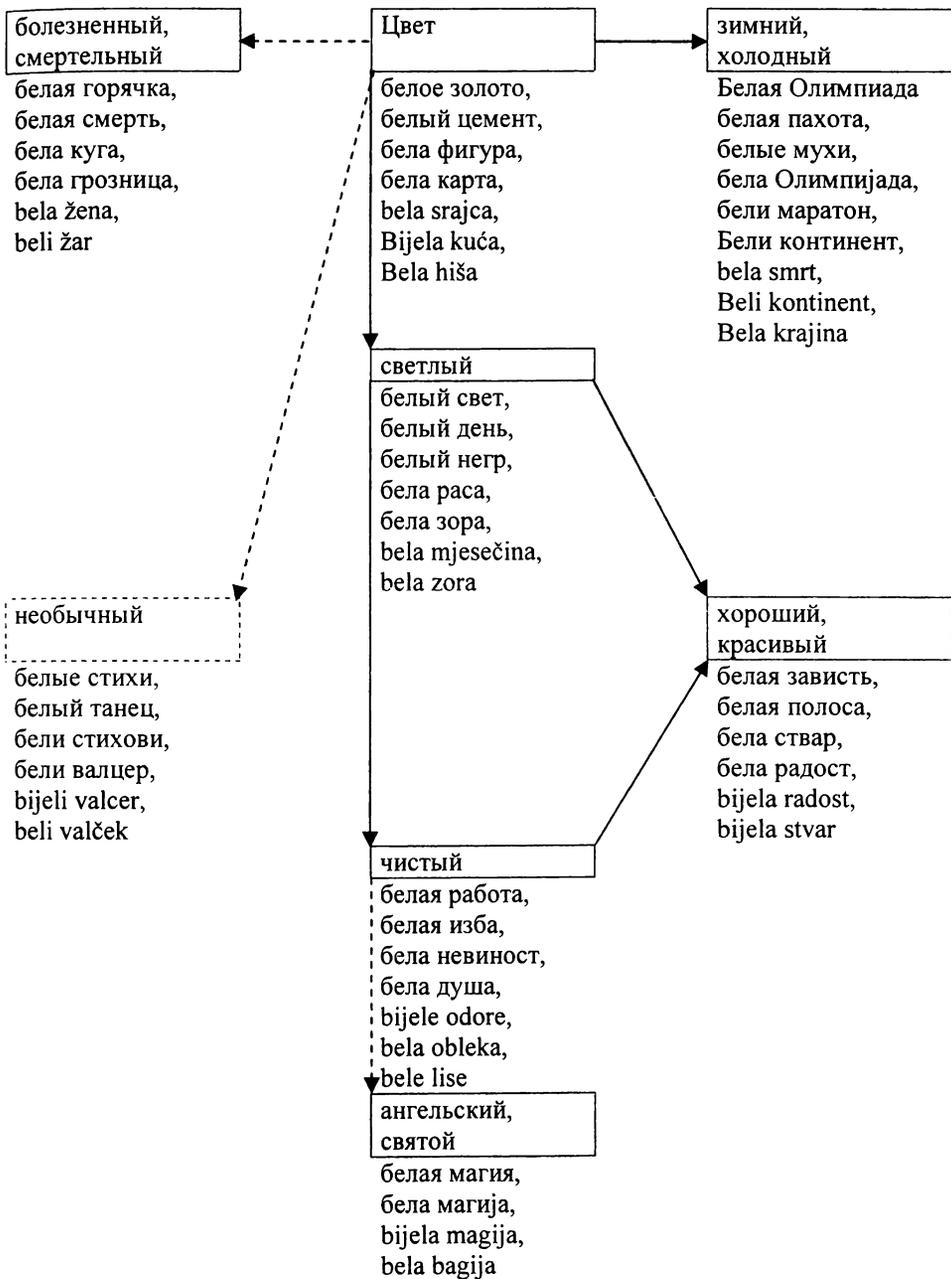
Совпадающими по значению фразеологическими единицами являются здесь во всех рассматриваемых языках: называть черное белым, выдавать черное за белое = начинити од белог црно; če pravim jaz, da je belo, trdi on, da je črno (najini mnenji si popolnoma nasprotujeta).

9. Совпадающие в русском, сербском, хорватском и словенском языках словосочетания: белые стихи = бели (слободни) стихови = bijeli stih = beli stih (verz); белый танец (вальс, танго) = бели валцер (танго) = bijeli valcer = beli valček реализуют значение „необычный”. Ср. также: белая ворона (нечто необычное, резко отличающееся от общепринятого) = бела врانا = bijela vrana = bela vrana (redkost, izjema).

Таким образом, в связанных сочетаниях русского, сербского, хорватского и словенского языков реализуется весь набор реальных и потенциальных сем прилагательного белый – бео – bijel – bel, а также значение „необычный”, отсутствующее в ассоциативной структуре прилагательного „белый”.

Графическое изображение семантической структуры прилагательного белый – бео – bijel – bel имеет следующий вид:

Семантическая структура прилагательного белый – бео – bijeli – bél

Группа красного цвета

Толковые словари русского, сербского, хорватского и словенского языков дают следующие определения прилагательного красный – *crven* – *crven* – *rdeč*: «Имеющий окраску одного из основных цветов радуги, цвета крови и его близких оттенков» (БАС, 5, стлб. 1596); «Који је боје крви; који је поцрвенио од прилива крви под кожу» (РСКНЈ, с.812); *rdeč* – *ki je take barva kot kri ali (zrele) jagode, kateri je postal rdeče barve* – (SSSK – 1997, s.1145).

Интересные результаты показало специальное экспериментальное исследование по выявлению ассоциативного окружения лексического значения слова красный [16:107] [18:123]. В эксперименте принимали участие 50 студентов-филологов, которым в течение одной минуты предлагалось записать на карточках на основе психологических ассоциаций все слова, которые будут связаны с ключевым словом, в качестве которого было представлено прилагательное „красный”. При обработке результатов были выявлены три основные группы ассоциантов:

а) предметные, указывающие на соотнесенность прилагательного красный с определенными предметами и явлениями действительности;

б) оценочные – выражающие отношение к цвету или указывающие на эмоции, возбуждаемые этим цветом;

в) фразеологические – восходящие к определенному устойчивому сочетанию. Данные, полученные в результате эксперимента, говорят, прежде всего, о сложности и противоречивости ощущений, вызванных соответствующим словом-стимулом.

Анализ ассоциативных норм исследуемых языков обнаруживает следующие ассоциации, отражающие психологическое воздействие красного цвета и связанную с ним символику: красиво, красивый (леп, красан, привлачан; *lijep, prijatan, privlačan; prijeten, lep*); броский (упадлив; *očit, očitien*); ярко (блесак; *munja; jasen, izrazit*); партия (комунизм, левичарство, советски; *revolucionavan, revolucionaren*); воля (моћан, снажан); противно (аларм, зао, крвав; *krvav; slab, krvav*); молодец; хорошо (весео, сретан; *sretan = svečan; slavnosten, zmagoslaven*). Устранение дублетных и синонимических обозначений и распределение ассоциаций по частотности их проявления в сознании носителей языка дает возможность представить семантико-психологическую структуру прилагательного красный – *crven* – *crven* – *rdeč* в виде следующего набора компонентов: 1. цвет; 2. «горячий, яркий»; 3. «красивый, хороший»; 4. «революционный, коммунистический»; 5. «сила»; 6. «тревога, запрет»; 7. «праздничный, торжественный»; 8. «плохо»; 9. «жизнь»; 10. «кровавый, кровопролитный». Этот максимальный набор сем должен полностью или частично реализоваться в значениях прилагательного красный – *crven* – *crven* – *rdeč* как лексико-семантические варианты его значения, закрепляющиеся в связанных сочетаниях.

В русском языке прилагательное «красный» входит в состав следующих устойчивых сочетаний: Красная армия, красный аттестат, красная биография, красные бригады, красная (красненькая) бумажка, красная весна, красное вино, красные ворота, красный воскресник, красная гвардия, красная горка, красный двор, красная девица, красный день, красное дерево, красный десант, красный диплом, красная доска, красный дьявол, красный зверь, красный звон, красное знамя (красный стяг, красный флаг), красная изба (уст.), красная икра, красный командир, красная конница, красный конник, Красная книга, красная кнопка, красная крамола, Красный крест, красное крыльцо, красный лес, красное лето, красный милитаризм, проходить красной нитью, красный обоз, красная опасность, Красный остров, красный папа, красный петух, пускать красного петуха, красная планета, Красная площадь, красный полк, красный полумесяц, красный поэт, красная присяга, красный призрак, красная профессура, красная раса, красные ракеты, красные рубашки, красная рыба, красные ряды, зажечь красный свет, красные следопыты, красное слово (словцо), красное солнце, красная столица, красная страна, красная суббота, красный угол (уст.), красный уголок, красная угроза, красный террор, красный терроризм, красный товар (уст.), красный флот, красный фонарь, красный фронт, бросаться как бык на красную тряпку, красная цена, красные чернила, под красную шапку, красный как мак (кумач, рак и т.д.).

К группе красного цвета относятся также такие сочетания, как червоное золото, червоный (червовый) валет (плут, пройдоха), рыжий клоун (плохой), алые паруса (символ счастья), алая заря, алая роза, аленький цветок, малиновый звон, малиновые береты (десантники), пунцовые щеки, кровавый рассвет, кумачевый стяг, рубиновый закат, гранатовый браслет, коралловые губы, багровый закат, пурпурные одежды, румяный плод, киноарный фон, огненный закат, рыжая шельма (плут, пройдоха), кирпичное лицо и др.⁷

В сербском языке прилагательное „црвен” встречается в составе следующих устойчивых сочетаний: Црвена Армија, Црвена гарда, црвени (х)ат, црвена уста, црвени патлициан, црвена омладина, црвене бригаде, црвени болшевик, црвена застава, црвена крвна зрнца, црвени восак („сургуч”); црвени ветар („краснуха”), црвена репа („свекла”), црвена боровица („брусника”), црвени багрем („дикая акация”), црвени глог («боярышник»), црвени фронт, црвен крст, црвен полумесец, црвен од гњева, црвено вино, црвена кућа, црвена детелина, црвена клека, црвени лук, црвени мрави, црвена нит, црвена помоћ, Црвена субота, Црвено барјаче, црвени кутић, црвенога петла пустити (пуштати), црвена опозиција, црвена коса, црвено светло, црвена раса.

---

⁷ Ввиду многочисленности и продуктивности в русском языке сочетаний с прилагательным розовый, они в данной публикации представлены отдельно.

В хорватском языке к группе красного цвета относятся также сочетания: *riđi konj*, *riđa brada* (*brkovi*), *rusa kosa* (*glava*), *rujno vino* (*zora*), *zajapureno* (*zajapreno*, *zapraženo*, *zažareno*) *lice* (*obraz*), *aleva paprika*, *rumeno lice*, *rumeni bregovi*. В хорватском языке, на котором говорят градишчанские хорваты в западных областях Венгрии, для обозначения красного цвета употребляются два равноправных синонимичных прилагательных *rumen* и *čarjen*, причем, *rumen* помимо основного цветового значения, имеет и значение „молодой”, „здоровый”. Так же и в других славянских языках: восточнославянских, чешском и болгарском в этом же значении: „свежий”, „молодой”, „здоровый”: румяное яблоко, румяная девушка и т.д.

В словенском языке прилагательное *rdeč* встречается в составе сочетаний: *rdeča zvezda*, *rdeče vino*, *rdeča paprika*, *rdeči hrast*, *rdeča ilovka*, *rdeča glina*, *rdeče meso*, *rdeča kopriva*, *rdeči* (*kostni*) *mozg*, *rdeče krvničke*, *rdeči bor*, *rdeči železnovec*, *rdeči fosfor*, *rdeča taščica* („малиновка”), *rdeče žarenje*, *rdeče lice*, *rdeča zora*, *Rdeča planeta* (*Mars*), *rdeča armada*, *rdeča flota*; *rdeč kot kuhan rak*; *rdeč kakor tulipan*; *rdeč kakor makov cvet*; *rdeči fazol*, *rdeče zelje*, *rdeča lisa*, *rdeča barva*, *rdeča prst*, *rdeče brinje*, *rdeča pesa*, *Rdeča kapica*, *rdeč kakor mak*, *rdeč kakor puran*; *postavil mu je rdečega petelina* („пустил красного петуха”), *človek rdečih las* (*brade*, *lica*).

Компоненты значения прилагательного красный – *crven* – *crven* – *rdeč* актуализируются в русском, сербском, хорватском и словенском языках в виде следующих лексико-семантических вариантов:

1. Цветовое значение реализуется в сочетаниях: красный аттестат (аттестат с отличием, красного цвета), красная (красенькая) бумажка (десятирублевый денежный знак, „червонец”), красное вино, красное дерево, красный диплом (диплом с отличием), красная доска (почетная), красное знамя (стяг, флаг), красная икра (икра лососевых рыб), красные кровяные тельца, красная кнопка (кнопка приведения в действие оружия ядерного и термоядерного уничтожения), Красный крест, Красный полумесяц (международные организации медицинской помощи), красный лес (хвойный, по цвету коры), проходить красной нитью⁸, Красная планета (*Mars*), красная раса (краснокожие), красная рыба (осетровые), Красная Шапочка, красная строка (начинающая новый абзац), бросаться как бык на красную тряпку, красный фонарь (обозначение публичного дома), красные чернила (цензорские); *crvena rasa*, *crveno mastilo*, *crvena nit* (оно што се провлачи као основно, *lajtmotiv*), *crvena pomoћ*, *crveno vino*, *crвени ат*, *crвени багрем*, *crвена крвна зрнца*, *Crвени Крст* и *полумесец*, *Crвена планета* (*Mars*), *crвен барјак* (застава), *crвено дугме*; *Crzeni Križ*, *crveno*

⁸ История появления этого фразеологизма объясняется следующим образом. С 1776 г. во все канаты для кораблей английского флота стали по всей длине вплетать красную нить. Вытащить ее можно было только уничтожив канат. Отсюда красная нить как обозначение самой сути [Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. 3-е изд. М., 1966, с.340].

vino, crveno svijetlo, crvena olovka, crvena zvijezda, crveni bor, rdeća zvezda, Rdeća planeta (Mars), rdeća glina, rdeće vino, rdeći bor, rdeće krvničke, Rdeća kapica, rdeća zastava, rdeća rasa; rdeč kot kuhan rak; vleči se kakor rdeća nit.

Общими по значению в четырёх исследуемых языках являются в этой группе сочетания: красное знамя (флаг) = црвена застава (барјак) = crvena zastava = rdeća zastava; красное вино = црвено вино = rdeće vino; проходить красной нитью = провлачити се црвеном нити = vleči se kakor rdeća nit; красная раса = црвена раса = rdeća rasa; Красный Крест и Красный полумесяц = Црвени Крст и полумесец = Crveni Križ = Rdeći Križ in Rdeći polmesec; красные кровяные тельца = црвена крвна зрнца = rdeće krvničke; Красная планета = Црвена планета = Rdeća planeta; красный как (вареный) рак = црвен као кухани рак = rdeč kot kuhan rak (kakor makov cvet, kakor tulipan); Красная Шапочка = Црвена капа – Crvenkapa = Rdeća kapica.

Только в русском языке употребляются сочетания: красный аттестат („Редакция напоминает предложения наших читателей... отменить школьную медаль как устаревшую форму поощрения отличников, ... доверить школе выдачу „красных аттестатов” не за гладкое итоговое сочинение, а за систематическую отличную учебу...” – ЛГ, 8.4.1991, с.12); красная бумажка; красный диплом; красная доска; красный лес; красная кнопка; красная строка; красный фонарь.

Связанное сочетание „красная суббота” и „Црвена субота” являются межъязыковыми омонимами. „Красная суббота” в русском языке означает коммунистический субботник, проводимый в бывшем Советском Союзе до середины 80-х годов обычно перед годовщиной рождения В.И.Ленина („С хорошим настроением выходят советские люди на этот праздник труда, со стремлением в красную субботу ударно поработать, показать образцы высокой производительности, подлинно коммунистического отношения к труду.” – Комс.пр., 15.4.1972, с.75.); „Црвена субота” в сербском языке означает большой религиозный православный праздник (Црвена субота – Велика субота, субота пред Ускрс) – „последняя суббота накануне Пасхи”.

2. Значение „горячий, яркий” реализуется в сочетаниях: красный петух (пожар) = црвени петао = crveni pjevac = rdeći petelin; пустить красного петуха = црвенога петла пуштити (пуштати) (подметнути, подметати ватру) = staviti (iskati) rdečega petelina: „Вы сняли его в багровом свете, словно в зареве помещичьих имений, которым суждено историей запылать три десятилетия спустя от красных петухов 1905 года.” – Комс.пр., 2, 3.1995, с.3.; „Црвеног петла” пуштао је под кровове кућа у напуштеним устаничким селима” – Московљевић); „Gori, gori, gori ... so zakričali ... Vsi so se pognali iz gostilne, se zbegano vrteli po trgu in iskali rdečega petelina”. – Kosmač, „Naša sodobnost”.

3. Общепозитивное значение „красивый, хороший” реализуется в сочетаниях в модификациях: 1. „Красивый”: красная девица (а. красивая

девушка; б. застенчивый юноша); красная горка (веселый праздник весны); красный звон (красивый, мелодичный); Красная площадь; 2. „Парадный, почетный”: красные ворота, красный двор (нарядные, почетные, барские); 3. „Ясный, погожий”: красное солнышко, красный день, красная весна; 4. „Ценный” в сочетаниях: красная роза, красный зверь, красный товар, красная цена (самая подходящая, высокая)⁹; 5. „Меткий, остроумный” в словосочетании красное словцо.

Такое разнообразие общепозитивных значений прилагательного красный обусловлено его остаточным значением „красивый”, а в связи с этим также целой гаммы положительных качеств: красивый, прекрасный, превосходный, ценный, богатый, отличный, отменный, достойный, знаменитый, славный, светлый, ясный и др. в древнерусском языке, получившим с середины 16 в. цветовое значение [39:162]. Ср. в этой связи прилагательные с корнем красъ-нъ с этим значением в других славянских языках, в том числе сербском (красан), хорватском (krasan) и словенском (krasen).

Сочетаний с прилагательным crven, crven и rdeč в значениях „хороший”, „красивый”, „ценный”, „веселый” и т.д., подобных описанным выше в русском языке, в сербском, хорватском и словенском языках нами не обнаружено.

4. Прилагательное „красный” в русском языке в значении „революционный, коммунистический” встречается уже в начале девятисотых годов 19 века у русских пролетарских поэтов Е.Нечаева, Ф.Шкулева, А.Гмырева и других [393]. В 1905 году Ленин писал: „На красную и черную армию распадается и войско... Оно распадается с громадной быстротой именно теперь на войско свободы и войско черной сотни... Армия сознательного пролетариата сольется тогда с красными отрядами российского войска, - и посмотрим, осияют ли полицейские черные сотни всю новую, всю молодую, всю свободную Россию” [Ленин В.И. Между двух битв. Полн. собр. соч. т.12, М.1979, с.57]. С 1917 г. „красный” значительно чаще выступает на страницах печати в газетно-журнальном стиле с двойным значением – прямым (цветовым) и переносным (политическим). При этом в поэтической речи, в языке прозаических художественных произведений прилагательное „красный” чаще всего употребляется в значении „революционный”, а цветовое значение отходит на второй план [429:202]. В послеоктябрьский период красный значительно чаще сочетается со словами, обозначающими конкретные понятия, но служащие символами революции и революционных событий: красная лавина, красная лава, красные лавополки, красные полки, красный прибой, красный ураган, красные струи; крас-

⁹ Во всех сочетаниях, выносимых в подрубрику 4. «ценный», значение высокой степени качества тесно переплетается с цветовым значением (напр., яркий цвет ситцев, часто красный с его оттенками). Исследователи цветообозначений русского языка отмечают, что в большинстве случаев здесь невозможно отделить цветное значение от качественного [39:169].

ная буря, красный поток, красный вал, красные птицы, красные октябрьские цветы и др. [143].

„Буржуй, не удержишь! Напрасно не тужься!

Беги от красной кометы в ужасе”

(В.Маяковский, „Красное знамение”, РОСТА, №3,3,19)

Создание в 1918 г. Красной Армии обусловило в русском языке употребление слова „красный” в значении „красноармейский” в сочетании со словами, отражающими военные события и военный быт: красная гвардия, красная присяга, красный взвод, красные полки, красные командиры, красная пехота, красный защитник, красные казармы, красная конница, красный офицер, красная кавалерия, красный эскадрон, красный флот, красный фронт и др.

В значении „советский” прилагательной „красный” сочетается многочисленными словами, относящимися к сферам государственного устройства: красная республика, красный наркомат, красный полпред, красная звезда, красный флаг, которые одновременно являлись символами советского государства. „Красный” в сочетании с рядом слов социального, общественно-политического и культурного характера: Красный Интернационал, Красная Россия, Красный Питер, Красная Москва, Красная Татария; со словами: город, деревня, спартакиада, народ, орден, праздник, передающими те изменения, которые произошли в жизни советского общества после революции. Значение „революционный, коммунистический” актуализируется в таких сочетаниях с прилагательным „красный” как: красный уголок, красный поэт (пролетарский), красная биография (пролетарская), красный воскресник (коммунистический), красный призрак, красная опасность, красная угроза, красный дьявол, красная крамола (используемые преимущественно на Западе идеологически окрашенные названия идей коммунизма); красный обоз (продотряды времен гражданской войны); красные следопыты (школьные организации, изучающие военное и революционное прошлое страны); красная профессура (первые советские преподаватели, первые научно-технические кадры страны Советов) и др. В названиях предприятий – заводов, фабрик, артелей: «Красное Сормово», «Красный путиловец», «Красный треугольник», «Красный пролетарий» и др. [374:97].

В значении „революционный, коммунистический” прилагательные црвен, crven и rdeć в контекстах 40-80-х годов 20-го века встречаются в сочетаниях: Црвена армија, Црвени флот, црвени војник, Црвена гарда, црвена помоћ (организација у радничком покрету ради пружања правне, новчане, здравствене и друге помоћи борцима за радничка права), Црвени фронт; црвени кутић (место, угао или просторија у установи, дому, предузећу за културно-просветни рад); „Црвени фронт као моћна лавина приближио се Дону” („Тихи Дон” прев. – М.Московлевић). „Мирнодопска служба у Црвеној армији није за црвене војнике касарнска служба” – Ройс;

Rdeča armada, rdeča flota, rdeči vojak, rdeča fronta, rdeči kotichek, rdeča gvardija, („Zbrali smo se okrog kresov in prepevali naši in ruske borbene pesmi, kajti Rdeča armada je pri Murski Soboti stopila na našo slovensko zemljo...“ Н. Bratož, „Dnevnik partizana“).

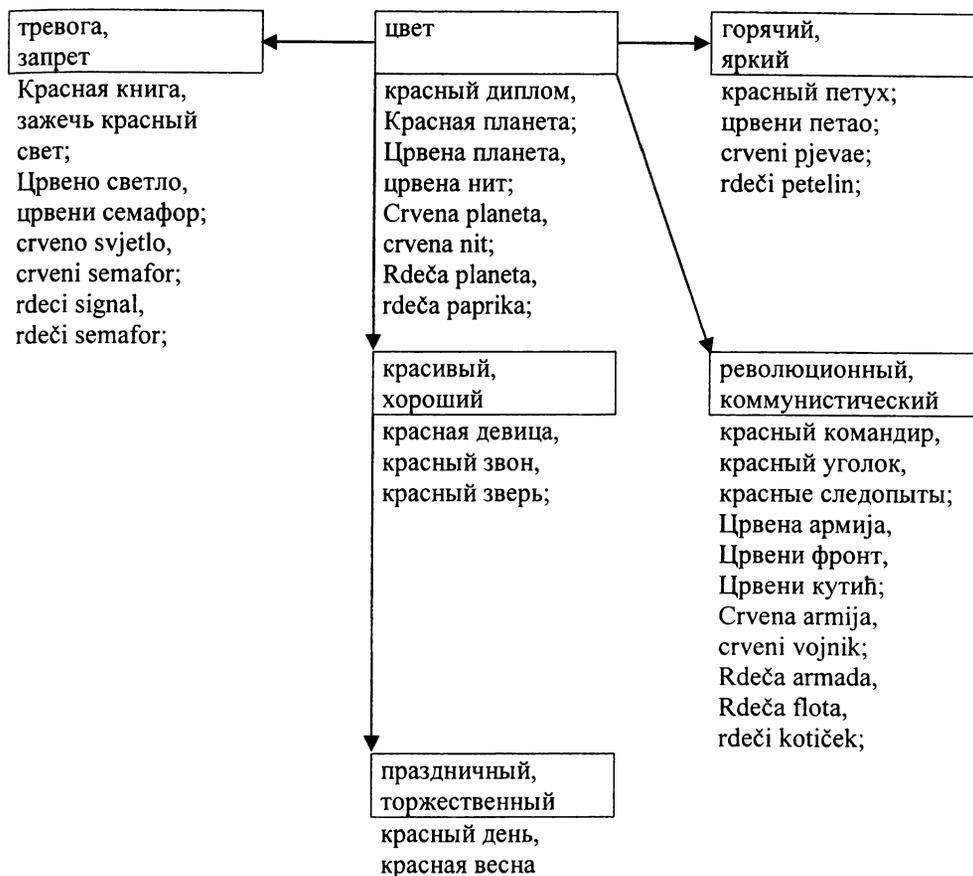
Общими по значению в этой группе являются сочетания: Красная Армия = Црвена армија = Crvena Armija = Rdeča Armada; красная гвардия = Црвена гвардија = Crvena gvardija = rdeča gvardija; красный флот = Црвени флот = Crveni flot = Rdeča flota; красный боец = црвен војник = crveni vojnik = rdeči vojak; красный угол = црвени кутић = crveni kutić = rdeč kotichek. Все они являются кальками соответствующих русских выражений.

5. Значение „тревога, запрет“ актуализируется в сочетаниях: Красная книга (сведения о распространении, численности, биологии и мерах по охране редких видов животных и растений всего мира); красный свет = црвено светло, црвени сигнал, црвени семафор = rdeči svetlobni prometni signal, rdeči semafor; зажигать красный свет (запрещать) („Красный свет на пути к соглашению на этот раз пыталась зажечь Италия, традиционный поставщик фруктов и овощей, интересы которой пришли в столкновение с требованиями Голландии“ – Изв. 25.7.2001, с.3).

6. Значение „праздничный, торжественный“ актуализируется в связанных сочетаниях только русского языка: красный день: „Я видел красный день: в России нет раба! И слезы сладкие я пролил в умиленьи...“ – Некрасов; „Нам бы всегда, постоянно, а не только в красные дни говорить ветеранам войны добрые слова, окружать теплом и заботой.“ – Комс.пр. 29.04.2004, с.4; красная весна (Первомай), красная горка.

Таким образом, набор компонентов семантико-ассоциативной структуры прилагательного красный – црвен – crven – rdeč в русском, сербском, хорватском и словенском языках реализуется в связанных сочетаниях следующим образом: цветовое значение, значения „горячий, яркий“, „революционный, коммунистический“ и „тревога, запрет“. Значения „красивый, хороший“ и „праздничный, торжественный“ реализуются только в русском языке, что объясняется значениями положительной оценки, свойственными прилагательному красный в древнерусском языке. Связанных единиц с прилагательным красный – црвен – crven – rdeč, актуализирующих значения „сила, жизнь“, „кровавый, кровопролитный“ и общенегативные значения, в русском, сербском, хорватском и словенском языках нами не обнаружено. Эти значения могут быть обнаружены в других славянских языках. Так, С. Войнова в своём труде, посвященном исследованию фразеологических единиц с прилагательными цвета в современном болгарском и русском языках, указывает значение прилагательного червен как синонима здоровья и силы: „Червен като битолски просяк“ [99:74].

Семантическая структура прилагательных красный – црвен – crven – rdeč

Таким образом, набор реальных и потенциальных сем прилагательного красный – црвен – crven – rdeč реализуется в виде лексико-семантических вариантов значения прилагательного красный – црвен – crven – rdeč в русском, сербском, хорватском и словенском языках не полностью. Значения „красивый, хороший” и „праздничный, торжественный” реализуются только в связанных сочетаниях русского языка, значения „сила”, „плохо”, „жизнь” и „кровавый, кровопролитный” не реализованы в связанных значениях в русском, сербском, хорватском и словенском языках, но встречаются в других славянских языках, например, в болгарском.

Прилагательное розовый – ружичаст, ružičast – rožnat

Прилагательные розовый – ружичаст – ružičast – rožnat являются обозначением оттенка красного цвета: „светло-алый, цвета бледной розы” – (БАС, 12, стлб.1427); „Који има тонове, нијансе црвенкасте, ружичасте боје; који је такве боје у лицу” – (РСКНЈ, стр.314.); „Ki ima ottenke bledne rože, svetlordečkast. (Kartoteka SAZU). Оно входит в состав связанных сочетаний русского языка (18 единиц) и в значительно меньшем количестве в сербский, хорватский и словенский языки. По наблюдениям исследователей, в отличие от южно-славянских языков (словенского, сербского, хорватского и болгарского), прилагательное „розовый” в составе связанных сочетаний в западно-славянских языках представлено гораздо полнее. Например, в польском языке зафиксирована 21 фразеологическая единица с прилагательным różowy [442].

Это прилагательное реализует в связанных сочетаниях исследуемых языков следующие значения:

1. Цветовое значение в сочетаниях: розовое дерево („древесина различных тропических деревьев, окрашенная в розовый цвет”, БАС, 12, стлб. 1427); ружичасто вино; ružičasto vino, rožnato lice.

2. „Ясный, безоблачный”: розовый день, розовое утро.

3. „Счастливым, безмятежным” в сочетаниях: розовая благодать, розовое детство, розовая юность.

4. „Наивный, идеализированный (идеализирующий)” в сочетаниях: розовые воззрения, розовые представления, смотреть сквозь розовые очки, видеть все в розовом свете (цвете), флёре; све му је ружичасто; видети у ружичастим нијансама, видети у ружичастом светлу, videti vse rožnato¹⁰. Ср. также в русском языке в этом же значении выражения: рисовать розовые картины, расписывать в розовых тонах, розовый период (творчества); розовый герой, розовый характер, розовая характеристика, розовая сказка, розовый туман.

5. „Заветный, тайный” в сочетаниях: розовая мечта, розовые надежды; ружичасте наде; rožnata nada.

Как показывают приведенные примеры, прилагательное розовый – ружичаст – ružičast – rožnat также является продуктивным средством образования связанных сочетаний с прилагательными, обозначающими цвет, в современно русском, сербском, хорватском и словенском языках.

---

¹⁰ Ср. в болгарском: Гледам през розови очила; в польском: nosić różowe okulary; tatrzyć przez różowy okulary; в чешском: dívat se růžovými brýlemi – „смотреть сквозь розовые очки”.

Семантическая структура прилагательного розовый – rужичаст – ružičast – rožnat

Группа синего цвета

В русском, сербском, хорватском и словенском языках используются следующие прилагательные, обозначающие синий цвет и его оттенки: синий, голубой¹¹; plāv, mđdar, sīnyī; móder, sínji, plāv. Поскольку рассматриваемую группу слов составляют и прилагательные, обозначающие светлый оттенок синего цвета (голубой – плав – moder), то для определения „семантико-психологической” структуры прилагательных группы синего цвета в работе используются лексикографические и ассоциативные данные, определяющие структуру значения как синего, так и голубого цветов. Прилагательные группы синего цвета определяются словарями русского, сербского, хорватского и словенского языков следующим образом: „Синий – имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между голубым и фиолетовым” (БАС, 13, стлб.830); „Голубой – имеющий цвет ясного неба, светло-синий, лазоревый, лазурный” (БАС, 3, стлб.240); „Синий – фиолетово-голубой, иногда с серым оттенком, темно-голубой”; „Го-

¹¹ По соображениям величины объема в работу не внесены многочисленные оттеночные цвета, преимущественно распространённые в русском фольклоре и поэзии. Ср., например: небесный, бирюзовый, васильковый, лазурный (лазоревый), сапфирный, ультрамариновый и т.д. По этой же причине не рассматриваются многочисленные оттенки синего цвета в сербском, хорватском и словенском языке. Ср. в этих языках: љубичаст, мор, мави, мавен, плаветан, азуран, чивитан и др.; azuran, ljubičast, modar, modrikast, plav, sinjkast, plavetan, lilast; azur, azuren, nebesen, železno sinji, vijoličast, ultramarinski, lilasto moder, lanen, dimasto plav, blede sinji и т.д.

лубой – находящийся в шестой полосе спектра, цвета чистого неба, цвета льна, лазоревый”; Сињи – а) „који је боје пепела, сив; б) који је боје мора, између плаве и љубичасте, модар (о очима, мору, небу)” – (РСКНЈ, с.773); Modar – „који има једну од основних боја спектра, који је боје ведрог неба”; Plâv (plâvi) – „taj se pridjev uzima za različite boje (caeruleus flavus, pallidus)”. Особито треба истаћи значење modar – (ARj, knj. 4. s.23-24); Moder – „Ki je take barve kot plavica, jasno nebo (SSKJ, II, s.818).

Прежде чем приступить к детальному анализу семантической структуры рассматриваемой группы слов, кратко охарактеризуем несовпадения отдельных значений в семантике прилагательных группы синего цвета разных языков, нередко встречающиеся при делении цветового континуума. Такого рода примеры приводит Л.Ельмслев, характеризуя полную произвольность семантических систем, когда границы между зеленым и голубым, голубым и серым, серым и коричневым не совпадают, например, в уэльском, английском и датском языках [533:32]. Несовпадение обозначений цвета в разных языках является почти правилом. Однако, несмотря на расхождения, семантические системы обусловлены действительностью, внешней или психологической. При этом кажущиеся отклонения от действительности могут проявляться в целом ряде языков (и относиться к смешению зеленого с голубым, голубого с серым и т.д.), а иногда даже и во всех языках.

Показательным примером является различие в степени обозначенности двух цветов, расположенных в противоположных частях спектра: синего и красного (представителя холодного цвета из коротковолновой части спектра и теплого цвета из длинноволновой части спектра). Еще с середины прошлого века психологи и лингвисты обращали внимание на полное отсутствие или слабую выраженность холодных цветов (по сравнению с теплыми) в разных языках, особенно в древних [519, 570, 608].

Между тем, уже древние языки имели разнообразные обозначения для красного цвета. Не составляет исключения праславянский язык, где теплые цвета спектра обозначены достаточно полно: *ъгѣвъ, *гудъ, *гумень, *гѣдѣвъ, *зѣлѣ и другие: русский – рудой (рудый), рудожелтый, багряный (багрянистый), багряничный, багрецовый, багровый, багряноватый, рыжий, редрый, оброшенный; червлёный (червчатый, чермный), румяный, прапрудный и др. [150:23].

История славянских обозначений синего и голубого цветов довольно сложна и для древнего периода не совсем ясна. Многозначность и некоторая неопределенность слова как цветообозначения в древнейший период¹² давали повод некоторым исследователям делать выводы о том, что в

---

¹² В словаре И.И.Срезневского (Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам, т.1-3, СПб, 1893-1912) отмечены следующие значения прилагательного со значением «синий»: темно-голубой, синеватый, синий, синева-

эпоху ранних древнерусских памятников прилагательное синий не являлось цветообозначением, что современное значение у слова выявилось позднее [372:112].

Несомненно, что обозначения синего и голубого цветов в славянских языках возникают поздно, в них нередко можно проследить другие цветовые значения, чаще всего ахроматические – „белый”, „черный”, „серый”, характерные как для русского, так и для рассматриваемых южнославянских языков. Другие значения прилагательного плав – *plav* в сербском и хорватском (русск. диалектное „половый”, ст.-слав. *плавъ*, прасл.* *polvъ*) мы рассмотрим ниже.

В русском языке прилагательное „голубой”, связанное этимологически с «голубь», первоначально значило «серый». Э.Бернекер даже отмечает цветовое значение «жёлтый» для этого русского прилагательного, очевидно, побочное [801].

Значение слова синий в древнерусском языке не совсем ясно, однако сочетания типа „синя аки сажа” („Житие Андрея Юродивого”) прямо указывает на связь со значением „черный” [425, 734].

Иные цветовые значения, чаще всего ахроматические, можно встретить не только в языковых системах, сложившихся в доисторические времена, но и как закономерные явления в сравнительно молодых системах. Так, например, в польских диалектах, куда не проникло литературное *niebieski* голубой и синий цвета обозначаются как ахроматические – „светлый”, „беловатый”, „серый”, т.е. *jasny*, *białawy* (*białasy*), *siwy*. Все эти прилагательные приняли значение „голубой, синий” в историческое время; в старо-польском они выражали только ахроматические цвета [665].

По мнению Н.Ф.Пелевиной в современных языках с развитой лексической системой, в частности, в русском, обозначения красного цвета превалируют над синим. Такое преобладание обозначений красного цвета над синим, „... закономерность, свойственная не одному языку, а многим, возможно всем языкам, во всяком случае на древних этапах их развития [306:149].

Все вышесказанное о наличии других цветовых значений (и не только ахроматических) в прилагательных „синий” и „голубой” в полной мере подтверждают данные русских, сербских, хорватских, словенских этимологических и исторических словарей. Ср., например, только различные цветовые значения прилагательного плав (*plav*) в академическом словаре хорватского или сербского языка (ARj, XII, str. 23-24): 1) *žut*, *nažut*, *žučkast* (о *kosi* и о *brcima*) – „желтый, желтеющий, желтоватый” (о волосах, усах); 2) „*Kao vosak, slama, paranja* – „цвета воска, соломы, апельсина”; 3) *bjeloputan* – „белокожий, имеющий светлую (белую) кожу” (*blondo*, *flavus*);

тый, голубой, посиневший, темный, иссиня-темный, потемневший, сумрачный и т.д.

4) modar – как в примере „modro vedro nebo” – „голубое чистое (ясное) небо”. Прилагательное modar со значением „голубой”, „синий” (главным, доминантным ныне значением) встречаем уже в первом „Хорватско-латинском словаре” Ф.Вранчица 1595 г. (F.Vrančić. Hrvatsko-latinski rječnik 1595 g. Zagreb, 1971, s. 26): modar – lividus 5) blijed – „бледный”; 6) smeđ, crnkast – (fuscus) – „темный, черноватый”; 7) crvenkast – „красноватый”; 8) plav = riđ – „рыжий” (flavus) – (Plavo vino – vinum rubellum); 9) crn – „черный” („Plavac je neko crno grožđe od kojega se čini najbolje plavo vino).

Ср. также ст.-слав. плавь, древнерусское половъ, русское диалект. плавый, половый (половой) – „светло-желтый, блеклый”. Данные этимологических и исторических словарей показывают, что значение „светлый, светло-желтый, блеклый, буланый, светловолосый, соломенный” имеют все славянские языки (у нас отсутствуют лишь данные белорусского языка); значение „синий, голубой” развилось лишь в южнославянских языках: болгарском, сербском, хорватском, словенском, македонском.

Анализ ассоциативных норм исследуемых языков выявляет следующий круг психологических ассоциаций с этой группой прилагательных: мелкий, свежий, светлый, красивый, приятный, высокий, далекий, низкий, приятно, яркий, глубокий, искристый, любимый, небесный, нежный, спокойствие, темнота, хороший, хорошо, чистый; хладан, хладно, анђео, мир, зањимљив, васиона, стакло, љубав, драги, невиност, рај, романтичан, сунце, тактичан, заљубљен, жалба, hladnoća, nježnost, kozmos (svemir), staklo, romantičnost, raj; svež, hladen, čist, mlad, nebo, živahen, zrak, zdrav, bliskanje, lep, prijeten, angel, zanimiv, steklo, ljubezen.

Определенный интерес представляет сравнение результатов лингвистического анализа прилагательных группы „красный” и „синий” с результатами психолингвистического анализа этих слов. Отмечается почти полное совпадение специфических признаков, составляющих значение этих слов. В результате красный характеризуется как „хроматический цвет, красивый”, который иногда, в зависимости от контекста, может приобретать дополнительный оттенок „зловещий, мрачный”. Синий определяется как цвет „ахроматический, ассоциирующийся с удалением в пространстве, времени, мысли, красивый”. Интересно отметить, что интроспективный анализ прилагательных blau и rot в немецком языке дал почти идентичные результаты. Так blau, так же как и русское „синий”, характеризуется как нечто туманное, беспредельное, далекое, а rot, как и русское „красный”, - ограниченное, резкое, близкое [65].

Объединив близкие по значению ассоциации и сгруппировав их по частотности, можно представить семантико-ассоциативную структуру прилагательных „синий, голубой” в виде следующих составляющих: 1. цвет; 2. холодный; 3. свежий; 4. светлый, яркий; 5. светловолосый, светлокожий; 6. мертвенно-бледный; 7. красивый, приятный; 8. пространство, удаленность; 9. небесный; 10. чистый, невинный; 11. спокойствие; 12. темнота, бездон-

ность; 12. тяжесть, мука, смерть. Этот набор реализуется в виде лексико-семантических вариантов значения прилагательных, закрепляющихся в сочетаниях.

В русском языке прилагательные группы синего цвета встречаются в составе следующих сочетаний разной степени семантической слитности, в том числе новых образованиях окказионального характера: синяя ассигнация, бумажка; синяя (голубая) даль, Синяя борода; синие воротнички; синий кит, Синяя книга; синие мундиры; гореть синим пламенем; синь порошок в глазу; ни синь пороха; синяя птица, синий чулок; голубая артерия; голубые береты; голубой герой; голубые города; голубой городок; голубое детство; голубой день; Голубая дивизия; Голубая лента (Атлантики); Голубая линия (обороны Тамани); голубые дороги; голубые дорожки; голубой континент; колубая кровь; голубая лошадь; голубые магистрали; голубые мечты; голубая нива; голубой огонь; голубой огонек; голубой песок; голубые плантации; голубые представления; голубые пути; голубая роль, голубой стадион; голубое топливо; голубые тропы; голубой характер; голубая характеристика; голубой цветок; голубая целина; голубой экран; голубой экспресс.

В сербском языке прилагательные группы синего цвета используются в следующих устойчивых сочетаниях разной степени фразеологизации и окказиональных сочетаниях: плави бркови, плава коса, плави во, плава длака, плава девојка, плав момак, плава боја, плава свила, плав памук, плав зумбул, (јоргован), плава перуника (љубица), плаве очи, плав образ, плави облак, плави континент, плав понедељак, плави стомак; плава (поларна) лисица, сиње море, сиње очи, сиње небо, сиња коса, сиња ноћ, сињи мрак, сињи гавран; сињи терет, сиња сиротиња; сиња коса, сињи гром; сињу ли му душу (нар. клетва), сиња кукавица (несрећа, јадна, бедна, кукавна особа / јер је, по народном веровању, кукавица весник несреће и жалости); модар цвијет, модро перје, модар облак, модар пламен, модри дим, модро тијело, модри Исус, Modar Jezus), модро лице, модра уста, модра карта, модар од зиме као шљива, модар испод очију, модра трава (змајевка), модри патлиџан.

В хорватском языке: plava djevojka, plava boja, plava kosa, plav jorgovan, plavi zeludac; sinji mrak, sinja sirotinja; modar cvijet, Modar Jezus, modra usta, modar ko šljiva и т.д.

В словенском языке прилагательные группы синего цвета фиксируются в следующих устойчивых сочетаниях: sinje more, sinje nebo, sinji Kamen, plavi lasje, sinja Adrija, sinji kit, sinja lisica, sinji som, sinja skrbinka, sinja riba, sinja tišina, sinja samota, sinja utrujenost, sinja dalja, sinje sanje, sinji veter, sinji zrak, sinje roke, sinja višina; moder cvet, moder ton, modri kontinent, modro more, modro nebo, modre oči, modra obleka, modre podplutbe, modre ustnice, moder od vpičja; ves moder od zavisti; koncert za modri abonma (abonma s vstopnicami modre barve); modri vlak, modre čeljade, modra galica;

v njem se pretaka modra kri; vozila z modro lučjo; dobil je modro polo; modra frankinja; modra cona; modri glavač; modri glavinec; modra kopija; modro kuhanje rib; modro blato; ladja si je pridobila modri trak; modri Dunajčan; modro sitce; modro pobarvana ploskev; modro žareča žica; ptica je odletela v modro; izvesek v modrem in zlatem; lomljivost v modrem.

В устойчивых сочетаниях русского, сербского, хорватского и словенского языков реализуются следующие компоненты семантико-психологической структуры прилагательных группы синего цвета:

1. Цветовое значение реализуется в сочетаниях: синяя ассигнация, бумажка («пятирублевый денежный билет в дореволюционной России»); Синяя борода («кровожадный сказочный персонаж. Переносно: опасный, жестокий человек»); синее (голубые) воротнички («рабочие; техническая интеллигенция»); синие мундиры («жандармы в дореволюционной России»); Голубая книга («сборник правительственных документов»); гореть синим пламенем («пропадать совсем»); синь пороха в глазу (1. – «близкий, самый дорогой»; 2. – «очень назойливый, мешающий своим постоянным присутствием»); ни синь пороха («совсем ничего»); синяя птица («символ счастья»); синий чулок («женщина, поглощенная научными интересами, лишенная обаяния»); голубая артерия (река); голубые береты (солдаты сил ООН); голубые дорожки (дорожки плавательного бассейна); голубая Европа (страны Общего рынка, занимающиеся рыбным промыслом); голубой городок (комплекс водно-спортивных сооружений); голубой континент (водное пространство земного шара); голубая кровь (благородное происхождение); голубые магистрали (водные пути страны); голубая нива (водоемы, используемые в рыбохозяйственных и др. целях); голубой огонь (газ); голубой огонек (1. светящийся экран телевизора; 2. вечер на телевидении); голубой песок (дымчатый); голубые плантации (пруды для разведения рыбы); голубые пути (водные пути страны); голубые поезда (поезда метро); голубой стадион (водоем, где проводятся соревнования); голубое топливо (природный газ); голубая трасса (линия строительства газопровода); голубые тропы (речные туристские маршруты); голубой цветок (символ мечты); голубая целина (мировой океан); голубой экран (экран телевизора); голубой экспресс (поезд метро); плави Јадран, пучина плава, плаве очи, плаво небо, плаве беретке (капе), плави воз, плаве партије (боржоаске политичке партије), плава девојка, плава крв, плави патлиџан, плава коса, плави брокрови, плав образ, плаво вино (црно); плав као восак, слама, наранча; сињи камен, сињи камењар, сиње море, сиња коса, сињи гавран; модро небо, модро лице, модар Исус, модра тишина, модре усне; moder svet, modri vlak, modre oči, modra zastava, modro nebo, modra kri, modre ustnice, modre čeljade, modri glavac, modra galica (bakrov sulfat); sinji zrak, plavi lasje, modri trak, modri abonma, dobil je modro luč, modra kopija, modri glavinec, modra cona, modra frankinja, dobil je modro polo, modro sitce.

Общими по значению в исследуемых языках являются сочетания: голубая кровь = голубые косточки = плава крв = plava krv = modra kri; голубые береты = плаве капе = plave beretka = modre čeljade; голубая лента (Атлантики) (приз, присуждаемый кораблю, пересекающему Атлантику за рекордно короткое время) = plava traka = modri trak (ki ladja si je pridobila (priznanje za najhitrejšo vožnjo čez Atlantski ocean); голубой песок = плава (полярна) лисица = plava lisica = sinja lisica.

Большая часть связанных сочетаний рассматриваемой подгруппы в русском языке означает реалии, связанные с морем, водными бассейнами: голубая артерия («... герои этой истории держат руку на пульсе «голубой артерии» так грубо, что пульс этот едва прощупывается» – ЛГ, 15.10.2005, с.16); голубые дороги («Голубыми дорогами» – заголовок в газете – ЛГ, 19.7.1991, с.4); голубой городок («Голубой городок будет открыт в мае 1986». – РЯР, 1, 1987, с.78); голубая Европа («...целых четыре года участники «голубой Европы» по существу топчутся на месте, ибо интересы стран-членов «Общего рынка», занимающихся рыбным промыслом, оказались настолько противоречивыми, что все предпринимающиеся до сих пор попытки найти приемлемый для всех компромис кончились неудачей». – ГЛ, 27.3.2005, с.5); голубой континент («Ученые и инженеры на «голубом континенте» (заголовок) – За руб. 27.3.1991, с.29); голубые магистрали («Начался сплав леса по голубым магистралям страны» – РЯР, 1, 1987, с.78; голубая нива («На ... добротной основе решают сейчас наши труженики «голубой нивы» задачи, которые ставит перед ними время, проявляя заботу о том, чтобы на столе у людей была высокосортная и разнообразная пища». – МН, 27.2.2006, с.4.); голубые плантации; голубые пути; голубой стадион («Вот уже много лет Москва-река является голубым стадионом столицы». – РЯР, 1, 1987, с.78); голубые трассы («Голубые трассы» /заголовок/ - Огонёк, №17.2005, с.5); голубые тропы; голубая целина («Продолжается изучение и освоение «голубой целины» – Мирового океана». – За руб., 27.3. 1991, с.20).

В сочетаниях голубой огонь, голубое топливо, голубая трасса прилагательным обозначен цвет природного газа («Краем голубого огня называют геологи саратовскую землю». – РЯР, 1, 1987, с.78; «В нынешней пятилетке с увеличением мощности действующего газопровода Уренгой – Петровск – Новопсков дополнительное количество голубого топлива получат Поволжье и Нечерноземье». Изв., 29.4. 1997, с.2; «Голубая трасса (линия строительства газопровода) протянулась на несколько сот километров». – РЯР, 1, 1987, с.79).

Только в русском языке функционируют связанные сочетания: голубой экран, Синяя борода, гореть синим пламенем, синь пороха в глазу, ни синь пороха, Голубая дивизия («... предполагалось, что в ином случае Франко был бы заменен прусским генералом Муньосом Грандесом (командиром испанской «Голубой дивизии» на советско-германском фрон-

те». – Неделя., 26.5.2001, с.28); голубой цветок («Это и есть «голубой цветок» Давтяна, его синяя птица счастья, цветок, выросший не на почве немецких романтиков, и птица, залетевшая не из знаменитой драмы – все свое, все из собственной судьбы». – ЛГ, 15.4.2006, с.6); голубой экспресс («Лучшим (работникам) было доверено вывести на трассу первые голубые экспрессы». – Огонек, 17, 2001, с.16).

Только в сербском языке функционируют сочетания: модра вила („рассерженная волшебница”), модра карта („термин карточной игры”), плава љубица („сорт фиалок”), плав као восак, слама, наранча, плаво дрво („сорт тропического дерева”), сињи мрак („беспросветный мрак”), сињи камен („темный камень”), сиња ноћ („темная, черная ночь”).

Только в хорватском функционируют сочетания: Modra Slatina, Modra Stijena, plavo vino („темное, чёрное вино”), plava tuberoza („сорт ту-берозы”).

Только в словенском языке функционируют сочетания: modri vlak – специальный поезд для высших государственных деятелей; modra galica (сульфат меди); vozila z modro lučjo (специальные автомобили); modra kopirja (копия белыми красками на синем /голубом/ фоне); modro kuhanje rib (приготовление морской рыбы в подсоленной воде, когда рыба чешуя приобретает синеватый оттенок); modro blato – морская впадина на больших глубинах; modro sitce – мотылек с голубыми крыльями; modra sopa – территория, на которой временно запрещен паркинг автомобилей).

Межъязыковым синонимом является фразеологическая единица синяя птица (символ счастья: „Мистер Гудбар – это всего-навсего „синяя птица”, которая должна принести счастье. Но ведь такое встречается только в сказках...” – ИК, №10, 1998, с.156) и словенская modra ptica = nebesna (nebeska) ptica – „свободная, вольная, связанная с небом” (перен. – „беззаботный человек”).

К межъязыковым омонимам следует, видимо, отнести и связанные сочетания сиња коса – „седающие волосы” и plavo lasje – „светлые, блондинистые, соломенного, рыжеватого цвета волосы” (Коса му је као чекиња, иако већ прилично сиња – „која почиње седети, проседа).

2. Значение „светлый, яркий” актуализируется в связанных сочетаниях голубой день, голубое утро = плави дани, плаво јутро = plavo jutro = sinji zrak („А дни стоят один лучше другого – голубые, безоблачные”. – „Gledaše ... u plavo jutro jadransko” – (Šenoa).

3. Значение „красивый, приятный” реализуется в сочетании голубая мечта („Фантазер ты, - сказал Уваров. – Вот уж не ожидал. Хорошо, что у тебя это сочетается с делом. Втихоря, значит, вынашивал свою голубую мечту”. – Новый мир, 1, 2004, с.122). В сербском, хорватском и словенском языках, связанных сочетаний, реализующих это значение прилагательных группы синего цвета, не обнаружено.

4. Значение „пространство, удаленность” реализуется в сочетаниях синяя (голубая) даль = плави видик, сиње плаветнило = plavi horizont = sinja dalja, sinja višina.

5. Значение „небесный, воздушный” реализуется в сочетаниях голубые дороги, голубые трассы (линии воздушного флота: „По голубым трассам летают блестящие лайнеры”. – РЯР, 1, 1987, с.68) и plavi vjetar (в языке отдельных хорватских поэтов (A.G.Matoš)).

6. Значение „чистый, невинный, идеальный” реализуется в сочетаниях голубой герой, голубые представления, голубая роль, голубой характер, голубая характеристика („Секретарь партбюро А.Булатов и председатель профбюро А.Хрумов заняли позицию благожелательного нейтралитета. Выдали дебоширу голубую характеристику”. – Изв. 11.10. 2005, с.2).

В сербском, хорватском и словенском языках значение „чистый, невинный” реализуется иным „цветовым” прилагательным – бео (бели) – bel (beli) (см. группу белого цвета).

7. Значение «черный, темный» реализуется в сербском и хорватском языках в сочетаниях сиња ноћ, сињи мрак, sinji suton, sinji mrak, sinja поć (темная ночь, непроглядная тьма); «Већ умираше дан, и мрак је сињи већ свему живом труде ублаживо» – «Какое чула сиње гавранове, ни били јој мили николико» – (Нар. посл. Вук.); риçина плава, plavo vino („Plavac је неко crno grožđe, od kojega се çini najbolje plavo vino”).

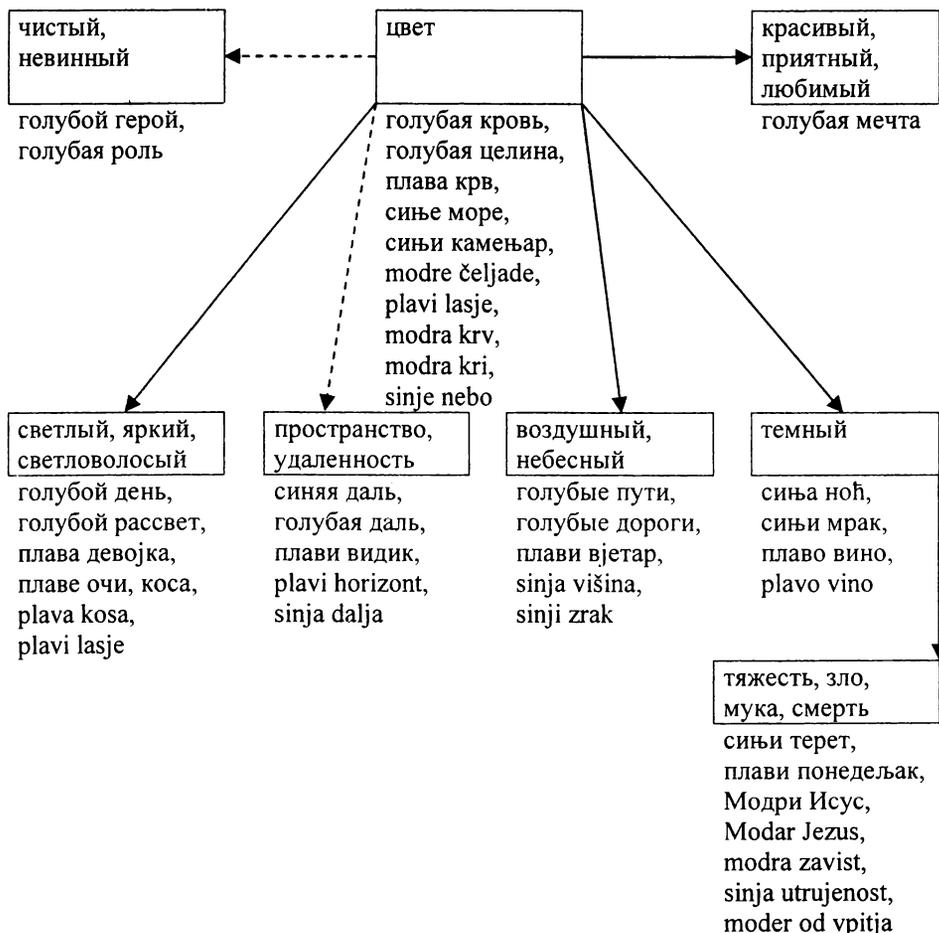
8. Реализацией значения тяжести, зла, муки, смерти в сербском и хорватском языке являются сочетания сиња кукавица; плави понедељак, sinji teret, plavi želudac, modri Isus „Јао, кукавче сињи, па ти си бос” (Ћосић); „Муçно ме, drobio ме sinjim teretom”; „Plavi ponedeljak tj. mamurni ponedeljak, kad је çovek od mnogoga pića u nedelju mamuran u ponedeljak” (ARj, 8, s.24); в словенском: modre ustnice; otrok је bil moder od vpitja; ves moder od zavisti; sinja utrujenost.

Связанных единиц, реализующих потенциальные значения прилагательных группы синего цвета как „холодного”, „свежего” и „спокойного, строгого”, в русском, сербском, хорватском и словенском языках нами не обнаружено.

Таким образом, набор компонентов семантико-психологической структуры прилагательных группы синего цвета реализуется в исследуемых языках следующим образом: цветное значение, значения „светлый, яркий, светловолосый”, „пространство, удаленность” и „небесный, воздушный” реализуются в русском, сербском, хорватском и словенском языках. Значения „красивый, приятный” и „чистый, невинный” реализуются только в русском языке; значение „темный” – только в сербском и хорватском; „тяжелый, зло, мука, смерть” – только в сербском, хорватском и словенском языках. Компоненты „холодный”, „свежий” и „спокойный, строгий” в этих языках не реализуются.

Семантическую структуру прилагательных группы синего цвета можно представить следующим образом.

Семантическая структура прилагательных синего цвета (синий, голубой; сѣнь, мѡдрѣ; plav, mѡdar, sѣnji; mѡder, plāv, sѣnji)

Семантическая структура прилагательного зеленый – зѣлен(ѣ) – zèlenī – zelèn

Прилагательное зеленый – зѣленѣ – зѣлен – zèlenī – zelen в лексикографических источниках русского, сербского, хорватского и словенского языков толкуется как: а) «один из цветов солнечного спектра, находящийся между желтым и голубым...; имеющий цвет травы, листья» – (БАС, т.4, стлб. 1188); б) „Koji je boje lišћа, траве” – имеющий цвет листьев, травы” – РСКНЈ т.4, с.772; в) Koji je boje, što se nalazi između plave i žute; koji ima

boju svježe trave ili lišća (ARj, knj. XXII, s.739); r) Ki je barve kot trava ali list drevesa; ki je take barve kot trava ali (mlado) listje (SSKJ, 1658).

Анализ ассоциативных норм исследуемых языков обнаруживает следующие ассоциации, отражающие психологическое воздействие зеленого цвета и связанную с ним символику: свет, весна, молодой, красивый, рай, свежий, светлый, горький, дурак, злой, сочный, спокойно, съедобный, чистый; ядовитый; пролеће, ветар, мај, лето, радост, мирни, глуп, неискусан, лепи, сан, свежи, коров, трава; hladan, mirišljiv, svijež, mlad, miran; trava, hladen, svež, čist, okrepljen, mlad; strupen, poletje, radost, veselje, miren, lep, neizkušēn, trava, hudoben.

Анализ словарных и ассоциативных данных дает возможность выделить следующую семантико-психологическую структуру прилагательного зеленый: 1. Цвет; 2. Зелень, растения; 3. Жизнь; 4. Молодость; 5. Красота; 6. Покой, свобода; 7. Неопытность; 8. Горечь, злость.¹³

Этот набор сем реализуется в значениях прилагательного „зеленый” в виде следующих лексико-семантических вариантов:

В русском языке прилагательное зеленый входит в состав следующих устойчивых сочетаний: зеленая архитектура, зеленая аудитория, зеленые береты, зеленая валюта, зеленый курс, зелено вино, зеленый возраст, зеленое войско, зеленая волна, зеленая гидра, зеленый друг, зеленый змей (змий), пить (напиться) до зеленого змия, зеленое золото, зеленая зона, зеленая жатва, зеленая Европа, елки зеленые, зеленая линия, зеленый конвейер, зеленый континент, зеленый корм, зеленая молодежь, зеленое море, зеленая нива, зеленый огонек, зеленое ожерелье, зеленый океан, зеленое поле, зеленый патруль, зеленый пояс, зеленая революция, зеленый стол, зеленый свет, дать зеленый свет, зеленая скука, тоска зеленая, зеленый театр, зеленая улица, дать (открыть) зеленую улицу, зеленые фуражки, зеленый цех, зеленый чай, зеленый шум, зеленая эстафета, зеленый юнец (юноша).

В сербском языке прилагательное зелени входит в состав следующих устойчивых сочетаний: зелени коров, зелена трава, зелени лонац, зелено поље, зелени врх, зелени терен, зелени долам, зелени мундир (униформа), зелени батальони, зелена соба, зелени мач, очи зелени као у гуске, пратити зеленим оком, зелени инсекти, зелено језеро, зелено море, зелени рефлекс муња, зелена месечина, зелени водоскок, коњи зелене длаке, зелени курјак, зелени вук, зелена кобила (коза), зелен реп, зелени смижех, зелена завист, зелена пожуда, зелени грашак, зелене биљке, зелена девојка, зелена младост, зелени рекрут, зелено дрво, зелена длака, зелена (пикова) боја (у картама), зелено белило, зелени бостан, зелена бућ, зелена врана, зелени грм, зелени гуштер, зелени детао, зелени сто, зелени угар,

---

¹³ Порядок следования ассоциативных характеристик дан в соответствии с частотностью проявления в сознании носителей языка.

зелена буба, зелена галица, зелена жаба, зелена када, зелено врење, зелено ђубре, доћи до зелене грање (на зелену грану), калемити се на зелено, појести на зелено, обрати зелен бостан, зелени чај, зелено светло, зелена штафета, зелена жетва, зелена граница, зелени континент, Зелен Божић, зелена пијаца, зелени мирис, зелена навлака, зелени песак, зелене партије. Особују разновидност устойчивих сочетаний в сербском языке представляют так называемые полусложения (полусложенице), в которых первым словоэлементом является прилагательное зелен-: зелен-биље, зелен-венац, зелен-вир, зелен-гај, зелен-гора, зелен-грана, зелен-двор, зелен-јела, зелен-ливада, зелен-лист, зелен-лишће, зелен-поље, зелен-рузмарин, зелен-смрека, зелен-трава, зелен-шума и т.д. Широко представлены в поэзии и фольклоре. В хорватском языке: *zelena trava, četvrtak (od Vaskrsa do posle Trojica), zeleni kamen, zelena mladica, zelen konj* и т.д.

В словенском языке прилагательное *zelen* входит в состав следующих устойчивых сочетаний, в том числе терминологического характера: *zelena karta, zelena gora, zelena mladost, zelena zavist; v zelenih letih, zeleni začetnik, zeleni vojaki, zeleni pas, zelena cona, zelena politika, zelena miza, zeleni bor, zelena lilija, zeleni silvanec, zelena alga, zeleni kontinent (Južna Amerika), zelena krma, zeleno zlato, zelena internacionala; zelen božič, bela velika noč; domača gora najbolj zelena; zdrav bodi do zelenega groba; zelen kakor kuščar; zelen kot špinača; zeleni car; zeleni Jurij; zelen Božič, bel vuzem.*

Компоненты основного значения и потенциальные семы прилагательного *зеленый* – *зелени* – *zeleni* – *zelen* актуализируются в русском, сербском, хорватском и словенском языках в виде следующих лексико-семантических вариантов:

1. Цветовое значение реализуется в сочетаниях: *зеленые береты* – *зелене капе* – *zelene beretke* – *zelene čerpe* – «десантные войска США»; *зеленая волна* – *зелени талас* – «централизованная система последовательного включения светофоров»; *зеленая гидра* («алкоголь»): «А пьют в «Живой воде» так страшно, что первым делом думаешь: хочет еще одно даровитое перо обрушить проклятие на многоглавую зеленую гидру.» – ЛГ, 4.2.1995, с.5; в глазах *зелено* («сильное переутомление»); *зеленый змей* (змий) (алкоголь, пьянство); «Он бился с зеленым змеем неистово, пользуясь всеми возможностями милицейской службы.» – Нов. мир, 1. 1980, с.90; *пить* (напиться) до *зеленого змея* (мертвецки, до умопомрачения, до нервного расстройства); *елки зеленые, зеленый огонек* (свободное такси); «Такси не появлялись. Обычно зеленые огоньки шныряли взад и вперед, а в нужную минуту не было ни одного.» - Работн. №7, 1989, с.12; *зеленые фуражки* (1. пограничники; 2. лесничие); *зеленый чай*; *травница зелена, зелен коров*; «Покри коња зеленом либадом»; «Али сједе ока триста другах, на свакога зелена долама» (Ньегош, 7, 157); «Нахрани га лепо и напоји, па га одведе у собу сву зелену» (Нар. пр. Вук, 76); «Инсекти, који се лишћем хране су зелени» (Радовић М., 3, 116); «Мален, рић; очи зелене као у гуске»

(Веселиновић, 11, 71); «Оне (бабе) будно прате зеленим оком колико је пасти одмјерених удараца» (Горан. 1, 28); «Крени ћецу до зелена Лима» (НП Вук 2, 535); «Хајде злато зелену језеру» (НП Петран. Б. 2, 7); «Не, то није моја Венеција, невеста сјајна мора зеленог» (Јакшић. 9, 5); „Od vtemena na vteme zelena refleks munja” (Krlježa, 3,56). «Кроз капке капље та зелена мјесечина...» (Симић Н. 4, 83); «Ту, даље, тополе, зелени водоскоци» (Ђоновић Ј. 1, 192); «Држао је карте за играње са ознакама зелене (пикове) боје». В отличие от русского и словенского, как сербский, так и хорватский язык в цветовом значении может обозначать (1) цвет масти домашних и диких животных и птиц (зелен коњ, зелена крава (сив, пепељаст), зелена коза (зеленкастосиве длаке), *zelen konj*; зелен соко, зелени детао, *zelen sokol* (ср. здесь «зеленая синица» в русском), зелени угар, зелена буба и др.; (2) Традиционная двухцветная (черная и красная) маркировка игральнх карт нарушается символическим введением третьего цвета – зеленого (зелена /пикова/ боја у картама за играње); (3) Отсутствующее в двух других рассматриваемых языках значение «светлый, сверкающий» («сјајан, блистав» – обычно об оружии): «Са зеленим мачем у десници» /НП Драгован., 44); «Па зелене топе /топове/ опалимо».

В словенском языке в цветовом значении: 1) *Zeleni Jurij* – народный обычай в некоторых районах Словении, когда в день Юрия юношей одевают в одежду зеленого цвета; 2) *zeleni sag* (студент старших курсов).

2. Значение „зелень, растительность” реализуется в сочетаниях: зеленая архитектура (метод разбивки садов и парков); зеленая аудитория (ботанический сад, станция при вузе); зеленая валюта, зеленый курс (цены на сельскохозяйственную продукцию в национальной валюте ЕЭС); зеленое войско (лесоводы); зеленый друг (лес); зеленая зона (парковая зона); зеленая жатва (уборка трав, силоса); зеленая Европа (аграрный Общий рынок); зеленая линия (граница); зеленый конвейер (уборка овощей и фруктов); зеленый корм (растительность, используемая для корма скота); зеленое море (лесопарковая зона вокруг города); зеленый океан (лес); зеленое поле (футбольное); зеленый патруль (друзья леса); зеленый пояс (лесопарковая зона вокруг города); зелени бостан, зелена буђ („Зелена буђ се развија као паучина на свим органским материјама.”) (Јурца Ж. 1.175); зелени грм; зелени сто; зелена пијаца, зелено ћубре; зелена валута (цене пољопривредних производа на европском тржишту); зелено злато (шума); зелена жетва, зелена паша, зелена њива, зелено море, зелена револуција (истраживачки напредак у селекцији и гајењу пољопривредних производа); Зелени континент (Латинска Америка као експортер пољопривредних производа); зелена површина, зелено поље (фудбалско; *podometiško*); зелена роба (пољопривредни производи; продукција); зелена трава; *Zeleni Kontinent* (Южная Америка); *zeleni pas* – зелена зона; *zelena politika* – парковое строительство, *zelena krma* – зеленый корм, *zelena miza* – зеленый стол, *zeleno zlato* – лес, *zelena internacionala* – международный аграрный

союз, zelena karta – удостоверение о страховании туриста; zeleni bor, zelena lila, zeleni silvanec, zelena alga, zelena elsa, zeleni sršaj – названия растений и птиц; domača gora najbolj zelena – своя гора самая зеленая; zelena revolucija; zelen Božič, bel vuzem.

Общими по значению являются здесь сочетания: зеленое ожерелье, зеленый пояс, зеленая зона, зеленое место (территория) = zelen pas, zelena površina, zeleni teren = zelena površnost, zelena cona (pas); зеленая революция = zelena revolucija = zelena revolucija; зеленая жатва = zelena žetva = zelena žetva – zelen žetev; зеленый стол = зелени сто = zeleni stol = zelena miza; Зеленый континент = Зелени континент = Zeleni kontinent; зеленый корм = зелена крма = zelena krma; зеленое золото = зелено злато = zeleno zlato = zeleno zlato. Русский язык располагает целым рядом синонимичных фразеологизированных сочетаний, обозначающих лес. Наряду с общим сочетанием „зеленое золото”, функционирует еще несколько, которые подчеркивают народнохозяйственное значение леса: зеленый друг: „И это наш долг – позаботиться о „зеленом друге” так, чтобы его жизнь длилась в веках и достойно отражала наше время на пороге третьего тысячелетия”. – Комс. пр. 16.9.1998, с.1; зеленый цех: „...Сегодняшний праздник, думается, хороший повод для разговора не только о достижениях... тружеников „зеленого цеха”, но и о самом лесе – красе и гордости нашей земли”. – Комс. пр. 16.9. 1998, с.1.

Все четыре языка располагают единицами, подчеркивающими размеры лесных зон: зеленая волна, зеленое море, зеленый океан = зелено море, зелени океан = zelena pučina, zeleni ocean = zeleno morje, zeleni ocean.

Во всех языках (в наименьшей степени в русском) присутствует значение «зеленый – сырой, мокрый, свежесрубленный», примыкающее к значению «зелень, растительность». Ср.: «В костер бросили еще зеленый ствол молодой березы»; «Дрво растово и кестеново нарочито jošte зелено садржава у себи опоро, трпко и горко вештество» (Болка, 2, 92); «Огледало има 34 палца у пречнику ... сагоревало је у најкраћем времену на зеленија дрва» (Станковић. 2, 121).

Велико в исследуемых языках количество устойчивых сочетаний, где прилагательное зеленый – зелени – zeleni – zelen связано с обозначением сельскохозяйственной продукции: зеленая валюта, зеленый курс: «Министры решили девальвировать так называемые слабые «зеленые валюты» Общего рынка (как известно, в рамках аграрной политики ЕЭС помимо официального валютного курса используется особый «зеленый курс», специально предназначенный для внешнеторговых операций и используемый для определения единых «европейских» цен на сельскохозяйственную продукцию в национальной валюте). Одновременно ревальвированы так называемые сильные (с устойчивым высоким курсом) «зеленые валюты»: западногерманская марка, бельгийский и люксембургский франки:.. – Нов. вр. 6.7.1989, с.23; зеленый конвейер, зеленый корм,

зеленая жатва, зеленая Европа: «Когда весной переговоры по аграрным вопросам Общего рынка зашли в тупик, французская «Эко» предсказывала, что «зеленая Европа» будет находиться в состоянии «паралича» до июня...» – Нов. вр. 6.7.1989, с.23; «Зелена раж и кукуруз служе као зелена крма» (ИП 18.12.95); «Латинска Америка – Зелени континент – зове се тако, јер последних деценија постао највећи експортер кафе и тропског воћа» (спикер РТБ); «У неким нашим местима зелена пијаца није баш на највишем нивоу»; «Повећао се удео „zelene robe” на jugoslavenskom vanjskom tržištu» (Politika, 7.8.76). „Na čitavoj teritoriji pokrajine odigravaju se zelena žetva, a u isto vreme i berba kukuruza i ranijeg grožđa” (Politika, 2.9.91.).

Прилагательное зеленый – zeleni – zelen в этой группе означает также озеленение городов и других населенных пунктов: зеленая архитектура – зелена политика – zelena politika (парковое строительство): „Особое впечатление парк производит в погожий солнечный день, благодаря контрасту созданной рукой человека строгой „зеленой архитектуры”, где царит безупречная геометрия прямых линий...” – (Нов. вр. 14.10.1990, с.2); „Zelene investicije” se ulagaju delomično u objekte zelene arhitekture u jadranskim mestima” (Vjesnik, 23.4.2003).

3. Значение „свежесть” реализуется в сочетаниях: зеленый запах – зелени мирис - zeleni miris - zelen duh (vonj): „Za mlade službenice preporučujemo u popodnevnim vrućim časovima miris sa svežijim „zelenim” sastavcima” – (Praktična žena, 8.1994, s.12); „Они спадају у групу такозваних „зелених” мириса: свежекошене траве, свежих краставаца, посебних врста зелених јабука.” – „Илустрована политика”, №43, 1986, с.32; Ср. также в словенском: Aroma zelenega jabolka.

4. Значение „неопытность, молодость” широко представлено во всех четырёх языках: зеленый юнец, зеленый новичок, зеленая молодость (юность), голова зеленая (неопытная, молодая); зелени младићи (неискусни, наивни, због младости), зелена девојка, зелена младост; „У војску су одлазили све зеленији рекрути” (Колта. 2, 8); „Зелени су то младићи, кажу – скоро дјечаци” (Типов, 12,317); zeleni bruc („Ta je najbolj zelen izmed vseh zelenih brucov”) – (самый молодой, неопытный студент); zeleni začetnik, v zelenih letih, zelena mladost.

5. Значение „свобода” в связанных сочетаниях: зелени сигнал, зелено светло (семафора); zelena luč svetlobnega prometnega signala совпадает по значению с сочетаниями зеленый свет, зеленый сигнал (светофора); дать зеленый свет, дать зеленую улицу (разрешить, создать благоприятные условия для чего-либо; создать все условия для какой-либо деятельности), где значение разрешения является вторичным от произвольно выбранной цветовой сигнализации, принятой в уличном движении: „В конечном итоге фашистским агрессорам был дан „зеленый свет”, и результаты не замедлили проявить себя в самой трагической форме”. – Неделя, №35, 2001, с.11; „На промышленных предприятиях страны и республики закажем

Метростроя была открыта „зеленая улица”. – (Огонек, 17, 2005, с.16); Ne govori se ovdje o „zelenom svjetlu” za grafomane nego o zdravoj toleranciji prema mladom naraštaju” – (Politika, 16.XI.1992, s.6).

6. Значение „горечь, злость” и функция интенсификатора присущи в равной степени прилагательному зеленый в русских фразеологических единицах зеленая тоска, зеленая скука; в сербохорватском связанном сочетании зелена завист; в словенском zelena zavist. К указанному значению тесно примыкает „ненавистный, позеленевший от ненависти, болезни, тоскливый”, широко представленное в сербском, хорватском и словенском языках: зелени смех („Пелен са зеленим смјехом из најдубљег себе рече...” (Косор, 4, 152); зелена завист („То гарантује да ће бити победи ... а зависти, зелене зависти можда на другој страни” (Секулић 4, 237); зелена пожуца („Две гадне зелене пожуце у његовим очима горе, два гадна зелена смешка” (Крклец, 1, 89); зелен у лицу као незрели патлиџан, зелен од јада; zelen pogled, zeleno poželjenje. В значении „ядовитый” в сербском и хорватском языке употребляется связанное сочетание зелено белило (безбојна отровна течност која служи такође за прављење боја): „Зелено белило ... узимају жене и за руменило и за бојадисање памука” (Батушић, 1, 49).

7. Значение „старый, покрытый зеленью, окисью, патиной” присуще в равной степени всем четырём языкам: медная зеленая ручка; бакрени зелени лонац; bakrena zelena posoda.

8. Значение „чистый, невинный” в языке градишчанских хорватов, проживающих на территории Венгрии в области Ваш, реализуется с непривычным для этого значения прилагательным zeleni: „A sad ti je došal jedan mili klinčac ki te ti uvenut tvoj zeleni vijenac.”

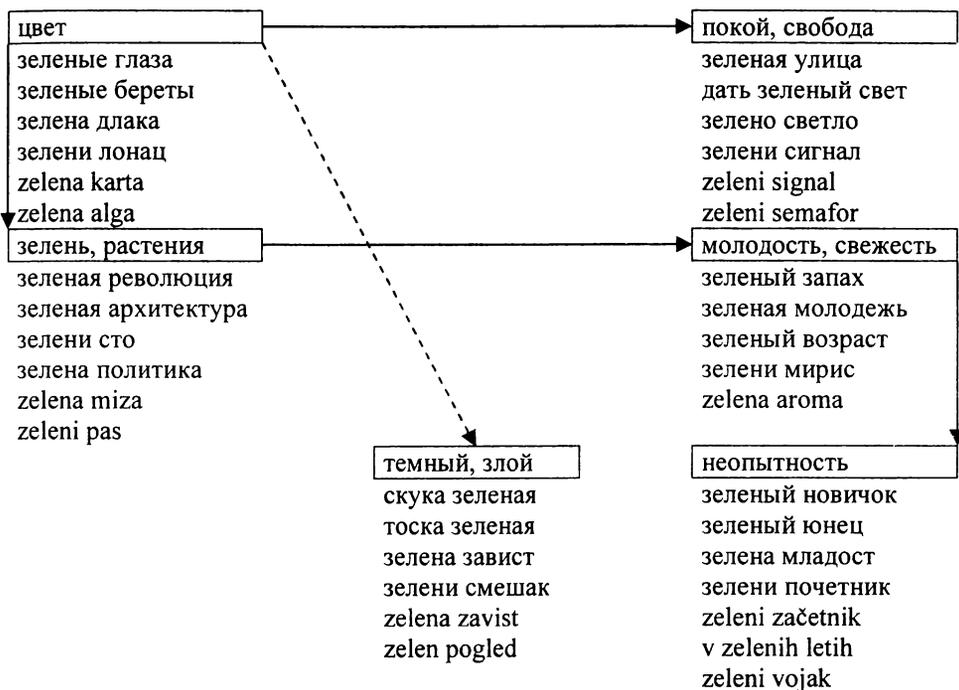
Отсутствуют в русском и словенском языках значения прилагательного зеленый, которые характерны для следующих фразеологических сочетаний сербского и хорватского языка: а) доћи до зелене гране, доћи на зелену грану; на (за) зелено (са плаћањем унапред, док је усев још зелен, док плодове нису сазрели и сл.; уз високу камату односно добит, зараду због плаћања унапред, зеленашки) – «с оплатой вперед, пока посев еще зеленый и урожай еще не собран; под высокие проценты, прибыль, за взятое займы у ростовщика»; б) појести на зелено; обрати зелен бостан – (унапред потрошити нешто што тек треба зарадити) – «истратить (съесть) еще не заработанное».

Таким образом, набор компонентов «семантико-психологической» структуры прилагательного зеленый – зелен(и) – zeleni – zelen реализуется в русском, сербском, хорватском и словенском языках следующим образом: цветовое значение, компоненты „зелень, растения, „свежесть”, „свобода, покой”, „неопытность”, „злость, ненависть, горечь”, „старый, позеленевший” реализуются во всех исследуемых языках. Значение „ссудить (деньги) под проценты” фиксируется лишь в сербском и хорватском языках и их диалектах; значение „чистый, невинный” – также в языке градишчанских

хорватов. Фразеологические единицы с прилагательным „зеленый”, актуализирующие значения „жизнь”, „красота”, входящие в ассоциативную структуру прилагательного, не нашли своего отражения в исследуемых языках¹⁴.

Выведенная на основе анализа ассоциативных данных и реализации значения прилагательного „зеленый” семантическая структура прилагательного зеленый – зѐлен(й) – zèlenī – zèlen имеет следующий вид.

Семантическая структура прилагательного зеленый – зѐлен(й) – zèlen – zèlen

Набор реальных и потенциальных сем прилагательного зеленый – зѐленй – zèlenī – zèlen реализуется в виде лексико-семантических вариантов в русском, сербском, хорватском и словенском языках не полностью. Реализуются цветовое значение, значения «зелень, растения», «свежесть», «свобода», «неопытность», «злость, ненависть, горечь», частично значения «чистый, невинный», «данный под залог, под проценты».

¹⁴ В болгарском языке, однако, прилагательное «зеленый» символизирует весну, новую страницу жизни: да излезем на зелено – «доживем до весны» [99, 258].

Группа серого цвета

Серый является прилагательным, означающим смешанный цвет. «Серый – цвета, получающегося из смешения черного с белым, цвета золь» (БАС, 13, стлб. 714; сѣв (сѣв) – који је боје пепела, боје која се добива мешањем црне и беле боје» - (РСКНЈ, књ. 3, с.750); sív – „ki je take barve kot pepel, barve, ki se dobije z mešanjem črne in bele” (SSKJ (1164).

Данных ассоциативного эксперимента, определяющих круг ассоциаций с этим прилагательным в русском, сербском, хорватском и словенском языке, нами не обнаружено. Поэтому выделение значений, реализуемых прилагательным серый – сив(сив) – sív – sív может быть проведено только эмпирическим путем (контекстуального) анализа связанных сочетаний с этими прилагательными.

В русском языке прилагательное серый встречается в составе следующих сочетаний: серая жизнь, серое существование (безрадостное, монотонное); серая зона (территория с ядерным оружием, потенциальный театр военных действий); „Большинство людей в Европе живет в „серой зоне”. Так называют ту часть континента, где сосредоточено тактическое и евростратегическое оружие, которое не является предметом переговоров ни венских – о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, ни ОСВ – переговоров об ограничении наступательных стратегических вооружений. Эта зона возникла давно и не по нашей вине”. – ЛГ, 21, 20.5.1991, с.14; „Попытку рассказать населению правду о „серой зоне” предпринял западногерманский журналист Антон-Андреас Гуха... Издательство „Фишер” выпустило в свет его книгу с броским заголовком „Смерть в серой зоне”. – Нов. вр. 15, 1991, с.26; серый кардинал, серый человек (тайный организатор, руководитель террористов); „Штерн” отмечает вместе с другими, что „ни один министр, ни один советник не стоит так близко к Джимми, как Збиг. Его называют „серым кардиналом” Белого дома”. – ЛГ, 1, 2001, с.14; „Серый человек” обрел реальность, еще раз напомнив потрясенной Италии о кровавом десятилетии, пережитом страной”. – ЛГ, 15.4.2003, с.9; „Серая книга” (книга о возрождении фашизма): „В „Серой книге” о возрождении нацизма в Западной Германии, выпущенной издательством „Цайт”, говорится ... о реставрации и усилении концентрации экономической и политической власти финансовых тузов, о подготовке новой почвы для нацизма”. – Нов. вр. №14, 1991, с.28; серого понятия о чем-либо не иметь (уст.) (не иметь ни малейшего понятия); серое спокойствие (равнодушие, бесчувственное состояние); серая суета (мелкая, непрерывна); серая скотина (устар.) (до революции пренебрежительное название солдат царской армии); „Ведь эта самая святая серая скотина, когда дело дойдет до боя, вас своей грудью прикроет”. – (Куприн); серая тоска (безнадежная, беспросветная); серый фильм, спектакль (бездарный, ничем не выделяющийся, не запоминающийся); серый ящик („понятие о сущности и функционировании системы при невозможности ее моделиро-

вания”). К группе серого цвета в русском языке примыкают также сочетания голубая лошадь (пепельного цвета), а также фразеологизмы врать как сивый мерин (бесстыдно) и бред сивой кобылы (полнейшая чушь).

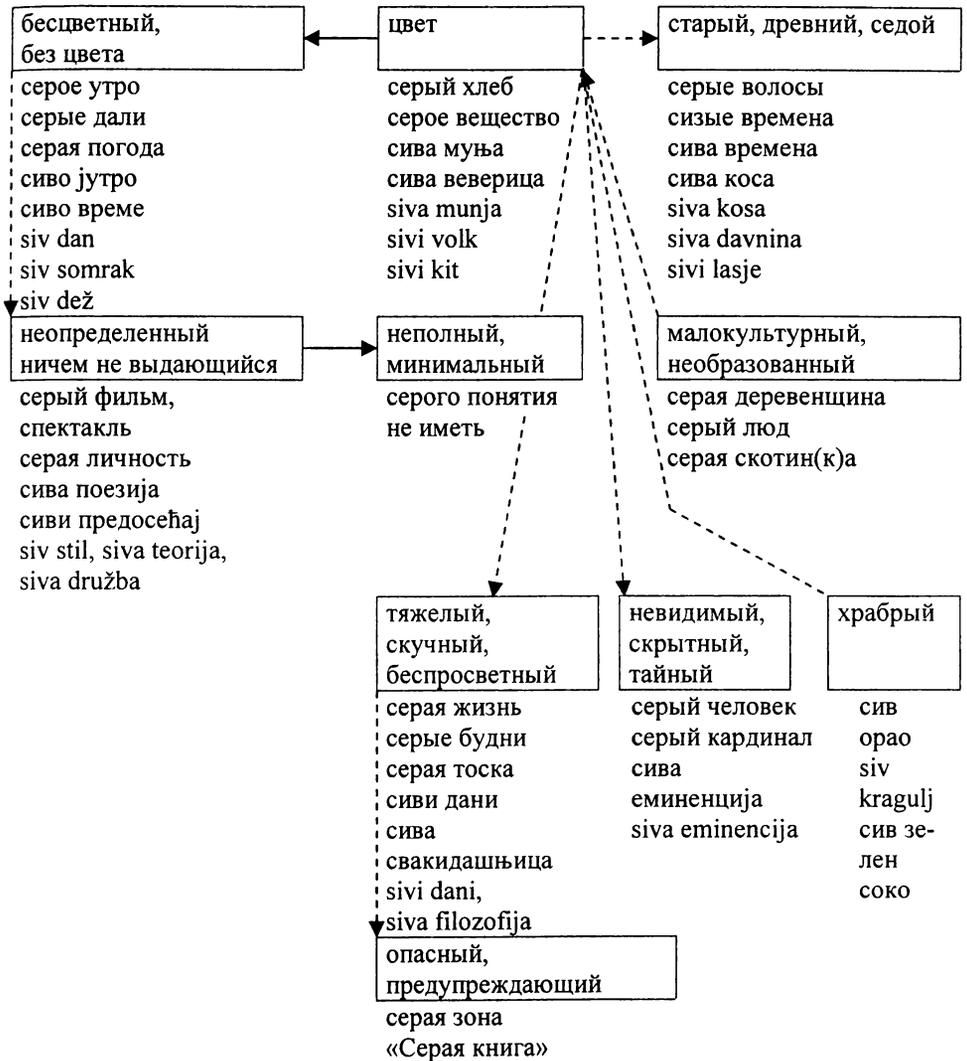
В сербском, хорватском и словенском языке прилагательное сив – siv – siv также проявляет большую активность, выступая в большом количестве устойчивых сочетаний, в том числе терминологического, фразеологического и окказионального характера: Ср., например: Ту је небо било тамно као чађ, а море сиво као пепео (Дудић); Сви би ти људи у сивим униформа требали гинути с највећом радошћу (Јонке); Крзно јој (поларној лисици) два пута мења боју, која је преко лета плаво-сива. Стара госпођа са сивом косом, увелим... лицем (Ускоковић); Настадоше онда сонети... у које као да се ушуљао неки сиви предосјеђај (Назор); Песме Бранка Радичевића у сивој и досадној поезији тога времена подсећају на ... сјајан ватромет лиризма (Пандуровић); Плану диздар као сива муња (Ботић); сива еминенција („серый кардинал”) – тајни савјетник, «тамна сила», утајна сила; «у позadini»; сива маса (серое вещество головного или спинного мозга); сива кора, сив гуштер, сив медведь, сива чапља, сив кобац, сиви пацов, сиви соко, сива беренђуша, сив голуб, сива мрена; в сербском фольклоре прилагательное сив в сочетании с прилагательным зелен – в значении «храбрый» (соответствует рус. «сизый»): «По њој шеће сив зелен соколе! (Херцег. нар. пјесме, 191); «Долети јој (ластивици) сив зелен соколе (Нар. пјесме, Вук). В значении «храбрый» употребляется и просто прилагательное сив: «Sivi soko, sivi oraо uzima se за junaka, за hrabra čovjeka, за добра konja» – (ARj, XVIII, с.89); «Сив као орао, сив попут камене» (ARj, XVIII, с.89); Ср. также топонимические названия: Сива река, Сива Клисурса, Сива Стијена, Сива Клусина; в словенском: siva zora, sivi dan, sivi dež, sivi oblak; siva žalost, siv pogled, siva starost, siva davnina, siv somrak, siva pozablenost. „Še materi sem kruha kupil... Svoji ubogi materi, ki mora v sivi starosti prosjačiti” (K.Brenk, „Tunček petelinček”); „Sivi dan se je ozrl s trudnim očesom v zakajeno... izbo” (J.Kozak, „Šentpeter”); „Ali je to postopek logičen akt sive družbe?” (Toskan, „Tribuna”); „In nikole nam ne pride na misel, do bomo po isti stezi odšli tudi mi sivi pozablenosti nasproti” (V.Loparnik, „Naši razgledi”). Сравните также прилагательное siv во фразеологических сочетаниях: preganjati kakor sivega volka; tvrd kakor siva skala; ne imeti sivega lasu na glavi и т.д.

Как показывают примеры, прилагательное серый – сив – siv – siv выступает в русском, сербском, хорватском и словенском языках в следующих значениях: 1. Цветовое, например: серый забор, серый хлеб; сива веверица, сива маса; sivi volk, sivi kit; 2. „Без света, бесцветный” (только в сербском и хорватском „блестящий”: сива муња), например: серая погода, серое утро, серые дали; сиво јутро; сива зора; siv somrak, siv dež; 3. „Седой, старый, древний”; серые волосы, седые времена; сива коса, сива старост; siva davnina; ne imeti sivega lasu на glavi; 4. „Обычный, ничем не выдающийся, не запоминающийся”, например: серый фильм, спектакль, серая

личность; сива личност, сива поезија, сиви предосећај; *siv stil, siva teorija, siva družba*; 5. „Тяжелый, скучный, тудный”, например: серая жизнь, серая тоска, серые будни; сиви дани, сива свакидашњица; *sivi dani, siva filozofija*; 6. „Тайный, невидимый, скрытый”: серый кардинал, серый человек; сива еминенција; *siva eminencija*; 7. „Малокультурный, необразованный” (устар.) – только в русском языке: серая деревенщина, серый люд, серая скотин(к)а; 8. „Минимальный, первоначальный” (только в русском): серого понятия не иметь; 9. „Храбрый” (только в сербском и хорватском): сив зелен соколе, сив орао; *siv kragulj*; 10. Новым значением является значение „опасный”, „предупреждающий”, выступающее в русском языке в инновациях „серая зона” и „Серая книга”.

Семантическая структура прилагательного серый – сив – *siv* – *siv* может быть представлена следующим образом.

Семантическая структура прилагательного серый – сив – sîv – sîv

Большинство значений, развиваемых прилагательным „серый” (цветовое значение, „неопределенный”, „скучный, трудный”, „невидимый, скрытый, тайный”, „враждебный, опасный”) повторяются в четырёх рассматриваемых языках.

Группа желтого цвета

(прилагательные желтый – жу́т (жу́ти) – žùti (žít) – rumèn (žólt)

Прямые номинативные значения слов группы „желтый” толковыми словарями русского языка определяются как: желтый – „один из основных цветов солнечного спектра, средний между оранжевым и зеленым” (БАС, т.4, М.-Л., 1955, стлб.67); Жут – који је боје лимуна, жуманцета, сламе, (цвета лимона, яичного желтка, соломы) (РСКН, књ. 2, с.465); Žut – naziv za spektralnu boju između narančaste i zelene u spektru (ARj, knj; XXIII, s.520); Rumen – ki je take barve kot citriona ali sliva; Barva izmed pomarančaste in zelene (Kartoteka SAZU); Rumen – ki je take barve kot rumenjak ali limona (SSKJ, 1184).

Анализ ассоциативных норм русского, сербского, хорватского и словенского языков показывает, что прилагательное, означающее желтый цвет, имеет следующий круг психологических ассоциаций: свет, красивый, больной, неприятный, не нравится, разлука, светло, бледно, гнилой, жжет, жарко, желчь, китайский император, не люблю, не очень красиво, печаль, предательский, противный, расставание, теплый, яд, ядовитый, яркий; сунце, јасан, издаја, жутица, тепло, није безбедно, свет, неписмен, Азија, блед, бољка, цар, Кина, болест, чин, нечастиви; jarki, jarkoča, odsustvo, ljubavi, nikakav, lep, zrak (sončev), mir, leš, mlad, neiskusana.

Объединение ассоциаций по значению и распределение в порядке убывающей частотности проявления в сознании носителей языка дает возможность представить семантико-ассоциативную структуру прилагательного желтый – жут – žut – rumen (žólt) в виде следующих компонентов: 1. Цвет; 2. Яркий, теплый, солнечный; 3. Красивый, приятный; 4. Болезнь, смерть; 5. Зло, предательство; 6. Печаль; 7. Азиатский; 8. Царский.

Прилагательное желтый встречается в русском языке в составе следующих сочетаний разной степени фразеологизации: желтый билет, желтая бумажка, желтый дом, желтый дьявол, желтая газета, город желтого дьявола, желтая звезда, желтая жизнь, желтый Интернационал, желтый листок, желтая лихорадка, желтая майка, желтый металл, желтая опасность, желтые нивы, желтая пресса, желтые профсоюзы, желтая раса, желтый уголь [14, 31-47]. Сюда же примыкают сочетания: золотая осень, золотая рыбка (символ удачи), записать золотыми буквами (вписать в книгу почта) [15, 18-31].

В сербском и хорватском языке прилагательное жут – žut встречается в следующих устойчивых сочетаниях: жута књижица (жута легитимација) (за проститутке); жута звезда, жут листић, жута грозница, жути дрес (жута мајица) (за лидера), жута раса, жути народи, жута коса, жута клевета, жута соба, жути дукат, жута хрпа (нпр. поморанца), жути поток, жута магла, жута светлост, жута јесен, жута брига, жута кућа, жута штампа, жут пакао, жут од времена, жуте ниве, жут цвет, жуто вино, жут као во-сак, жута клевета, жута завист, жути коњ, жути шебој, жута боранија, жути

дулек, жута шљива, жут пас, жут патак, жут гусан, жута крава, жута мачка, жути синдикати, жути багрем, жути шећер, жути кљун, бити жут око кљуна, уста; имати жуто око носа и сл. – «бити сувише млад, неискусан» (быть слишком молодым, неопытным); жут посао – рђав посао (темное, нехорошее дело), као жути мрави (клати се, крвавити се) – «изражавати велику међусобну нетрпеливост, свађати се, тући се» (ссориться между собой, драться); у жуто (заст.) – «у злату» (ходить в золоте), жут од страха; жути хрт, жути јастреб, жути орао, жути кос, жути јоргован; Жута Стјена, Жута земља, Жуте Ривине, Жути Брег, Жути Бунар, Златни поп; žuti tisak, žuti sindukati, žuta svjetlost, žut kao vosak, žuta jesen, žuti pas, žuta prostovija и т.д.

В словенском языке прилагательное rumen (žolt) встречается в следующих устойчивых сочетаниях: rumena jesen, rumen dozd, rumeno listje, rumeno polje, rumene kovine, rumeno vino, rumeni narcis, rumeni skrečnik, rumeni vrednik, rumeni makovec, rumeni dren, rumena zvezda, rumeno sonce, rumena nevarnost, rumena ljubosumnost, rumen zlatnik, rumen trak (za Žide pod fašizmom), rumeno telesce, rumeni strnad, žolti karton, žolta volna.

Компоненты семантико-ассоциативной структуры прилагательного «желтый» реализуются в исследуемых языках в виде следующих лексико-семантических вариантов:

1. Цветовое значение реализуется в сочетаниях: желтый билет (свидетельство занятия проституцией) = жута књижица (жута легитимација) (за проститутке) = žolta izkaznica; желтый дом (дом для умалишенных): «Британская национальная ассоциация психиатрического здравоохранения представила несколько дел пациентов Рэмптона, Бродиора и других «желтых домов» тюремного типа на рассмотрение Европейской комиссии по правам человека в Страсбурге». – ЛГ, 22.10.2004, с.9 = жута кућа (лудница) (устар.); желтая звезда (знак принадлежности к еврейскому этносу): «Я не отрицаю мое еврейское происхождение, но никто не вправе требовать, чтобы я, австриец, стал проявлять специальную лояльность к чужой стране, и навязывать мне желтую звезду». – Нов. вр. 3.8.1989, с.22. = жута звезда (давидова звезда) = rumena zvezda, rumen trak (za Žide pod fašizmom); желтая лихорадка = жута грозница = žolta vrošica; желтая раса = жута раса = rumena gasa; желтая майка (лидер соревнований, чаще всего велогонки) = жута мајица: «Млад возач Јанез Журовник ... преузео је жуту мајицу». – Полит. 16.07.1987) = rumena majica (športska srajca). Ср. также: «Однесоше прилог Светој гори: жута воска и бијела тамњана» НП, Вук 2, 101); «Увадите лијепу дјевоку, па јој жуте косе расплетите» (НП, Андрић И. 3,3); «Вртови у дому жуте се у тузи јесенског дана бојом жутог вина» (Шимић А. 1, 21); «Пеци (колаче) при умереној топлоти да буду као дукат жути» (Попов К. 1, 309).

2. Значение „яркий, теплый, солнечный” реализуется во фразеологической единице желтый уголь (солнечные лучи, используемые как источник энергии) и жута звезда („која се интензивно мења”): „Темелита

истраживања његовог (сунчевот) свијетла навела су астрономе на мисао да оно спада у број тзв. жутих звезди” – Дуга, 14. 1999, с.26.

Таким образом, в сербском фразеологизм жута звезда является омонимичным.

3. Значение „зло, предательство” реализуется в сочетаниях: желтый Интернационал (продажный, предательский); желтый листок, желтая газета, желтая пресса (бульварная, продажная пресса); „Не раз с помощью могущественных связей и тугой мошны он (Шпрингер) спасал от тюрьмы и от сумы бильдовских репортеров, прибегающих к шантажу, запугиванию, слежке за людьми, чтобы выудить „сенсационную” информацию. Смельчаков, пытавшихся разоблачить гангстерские методы сотрудников желтого листка, тот же Шпрингер такскал по судам, отстаивая „доброе имя концерна”. – За руб. 7, 1991, с.24; „Черногорки заранее подкупили желтую прессу, создавая в обывательских кругах популярность великому князю, как полководцу...” – Наш совр. № 4, 1991, с.75; = жута штампа; желтые профсоюзы (профсоюзы, предающие дело рабочего класса, соглашательские) = жути синдикати = rumeni sindikati.

4. Значение „печаль” реализуется только в русском языке – желтая жизнь (нерадостная).

5. Значение „азиатский” реализуется в сочетаниях желтая опасность (политическая и экономическая угроза белой расе со стороны азиатов) = жута опасност (устн.).

6. Значение „молодой, неопытный” реализуется во фразеологии сербского и хорватского языка: „Бити жуто око кљуна, уста; имати жуто око носа, бити сувише млад, неискусан. „Имам сина господина, који је још жуто око кљуна”. (Ср. в русском прилагательное „желторотый”).

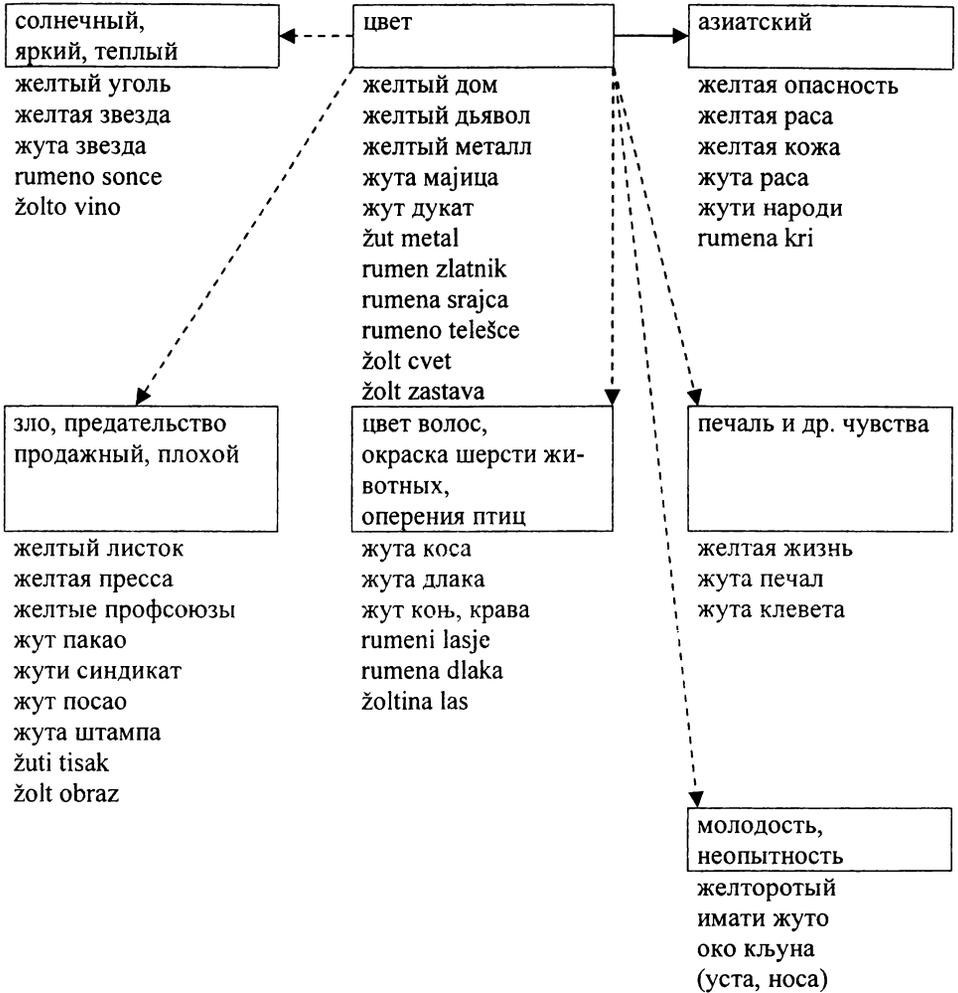
7. Значения „красивый, приятный”, „царский (королевский)” и „болезнь, смерть” во фразеологии русского, сербского, хорватского и словенского языков не реализуются¹⁵.

Семантическая структура прилагательного желтый – жути – žuti – rumen (žolt) может быть представлена следующим образом.

---

¹⁵ Значение «болезненный» реализуется во фразеологии болгарского языка; жълта гостенка [99].

Семантическая структура прилагательного желтый – жути – žuti – rumèn (žólt)

Группа коричневого цвета

Прилагательные коричневый (бурый) - мр̑к (см̑ѣћ) - sm̑ěđ (m̑ȓk) - ȓjāv обозначают смешанные цвета. Коричневый – „цвета корицы или жаренного кофе, буро-желтый с темным оттенком” – (БАС, 5, стлб. 1428); мр̑к – који је боје између жуте и црне, тамножут или тамносив; загасит, црн” – (РСКНЈ, 3. с.440); см̑ѣћ – «мр̑к, боје кестена, кестенаст (обычно о коси, очима)» – (РСКНЈ, 3. с.876); sm̑ěđ – „označuje miješanu boju od crvene i crne, često joj je dodana žuta ili plava; blizi su značenju pridjevi kestenast, crnkast, crnomanjast, garav, mȓk, osmagao, zagasit” – (ARj, XV, s.680); ȓjav –

„ki je take barve kot pržena kava, barva izmed rumene in črne, temnorumen, ali temnosiv“ (Kartoteka SAZU); rjāv – „ki je take barve kot čokolada ali kostanj“ (SSKJ, s.1172).

В литературе отсутствуют данные ассоциативного изучения этих прилагательных в русском, сербском, хорватском и словенском языках. Поэтому выделение значений, реализуемых прилагательными коричневым (бурый), мрк (смеђ), rjāv, может быть проведено только эмпирически, путем анализа сочетаний с этими прилагательными.

Как в русском, так и в других славянских языках, абстрактное обозначение для коричневого цвета вырабатывается довольно поздно¹⁶.

В русском языке прилагательное коричневым, вошедшее в язык сравнительно недавно, является абстрактным цветообозначением для коричневого цвета. Являясь самым широким по своей сочетаемости в группе коричневого цвета (ср., например, другие цветообозначения этой группы: бурый, гнедой, карый, каштановый, кофейный, смуглый и др.), прилагательное коричневым, тем не менее, участвует в образовании ограниченного количества связанных сочетаний. В первую очередь это значение „фашистский“: коричневые рубахи¹⁷; коричневая зараза („неонацизм“): „В атмосфере страха и насилия размножается коричневая зараза“ (заголовок) – За руб. 15, 1991, с.1; коричневая паутина („сеть неонацистских организаций“): „Еженедельник „Пур“ писал, что „коричневая паутина“ смогла появиться в Бельгии благодаря фактическому покровительству полиции...“ – МН 23.10. 2005, с.5; коричневая ностальгия („Выпуск марок, открыток с портретами главарей фашистского рейха“); коричневая опасность („опасность возрождения фашизма“); коричневая орда („гитлеровские войска“); коричневая сыпь („фашизм“); „Многим кажется, что после трагедии второй мировой войны, после Нюрнбергского суда народов над гитлеровскими преступниками человечество надолго застраховано от рецидива коричневой сыпи“. – ИК, №10, 1990, с.33; коричневая чума („фашизм“) „На Сталинградском проспекте, названном в честь города, который стал символом краха гитлеризма, мощно и убедительно прозвучал голос российских демократов, решительно отвергающих „коричневую чуму“. – Лит. газ. 23.10.2002, с.5.

---

¹⁶ В современных сербском и хорватском литературных языках, например, для названия оттенков коричневого цвета используются как слова с древними общеславянскими корнями *směd – и *gněd, так и сравнительно новые цветообозначения – относительные по происхождению прилагательные; бакрени, каваст, кестеъаст, глинаст, smeđ, mрк, и др., а также заимствованная лексика: браон, циметан, braon, cimetan. Ср. также и другие, относящиеся к группе коричневого цвета: тмаст, гарав, загасит, галоъаст, препланут, сумрк, галаст, опаъен, мрколаст, мркушаст, црмпураст, црномаъст, таман.

¹⁷ От немецкого braun Hemd – коричневая рубашка, форма немецких фашистов; braun Pest – коричневая чума.

В группу коричневого цвета входят и следующие единицы с ограниченным кругом сочетаемости: карие глаза (очи), каштановые волосы (кудри), гнедой конь (жеребец, кобыла, лошадь), бурный медведь, бурый уголь, смуглое тело (рука, шея и т.д.). К группе коричневого цвета примыкает также фразеологическая единица ни сиво, ни буро (ни то, ни сё), значение которой, видимо, определяется смешанным, неопределенным цветом прилагательных сивый и бурый.

В сербском и хорватском языке прилагательное цвета мрк – mrk обладает наибольшей степенью абстракции в группе коричневого цвета. В составе контекстуальных метафор это прилагательное чаще других реализует цветовое значение: „Вазда раниш од Видова дана... гавранове и мрке вукове” (Његош); Sve je zastrto debelim tmastim, mrkim baršunom (Matoš).

Для прилагательного мрк – mrk характерно значение „мрачный, злой, сердитый”: Nikola bijaše u svemu krući, ljući, krepči i mrkiji (Šenoa); „Мати га испратила ... а вратила се кући мрка, зловольна” (Павловић).

По цветовому значению к слову мрк – mrk тесно примыкает прилагательное смеђ – smeđ – „смешанный цвет от красного до черного, к которому нередко добавлен желтый или голубой” (ARj, XV, х.680-681). Однако в современных сербском и хорватском языках сочетаемость прилагательного смеђ – smeđ с существительными ограничена¹⁸. Как правило, это слово употребляется: а) при передаче цвета глаз и волос: „Велике смеђе очи допола затворене жмире” (Лазаревић); Lepa smeđa kosa pala po čelu (Ujević); б) в составе сложных зоологических и минералогических терминов: „смеђа алга, смеђ пигмент, смеђ угаљ = мрк угаљ”; смеђи гњурац, смеђи дрвар; mrki ugljen.

В группе коричневого цвета нами зафиксированы также фразеологизированные выражения: до мрка мрака – „до касно у ноћ” (допоздна, до глубокой ночи); мрка капа – „зла прилика” (неблагоприятное, несчастливое обстоятельство, случай); Дика смеђа у срце ме вређа (нар. посл.); „Гордость поразила меня в самое сердце”, а также: смеђ као јетра („побуревший”, почерневший от болезни); смеђ као клинчац (ржавый как гвоздь).

Значение „фашистский” в группе коричневого цвета в сербском и хорватском языке нами не обнаружено¹⁹.

В словенском языке основное номинативное значение прилагательного rjav – цветовое, часто для передачи цвета глаз и кожи человека (соответствует русским прилагательным карий и смуглый): „O, kostanjevi lasje in rjave oči”. A. Ingolič, „Deček z dvema imenoma”.

¹⁸ Прилагательное – smeđ неизвестно в хорватских кайкавском и чакавском диалектах. Большинство сербских и хорватских словарей фиксируют это слово только со 2-й половины XIX века.

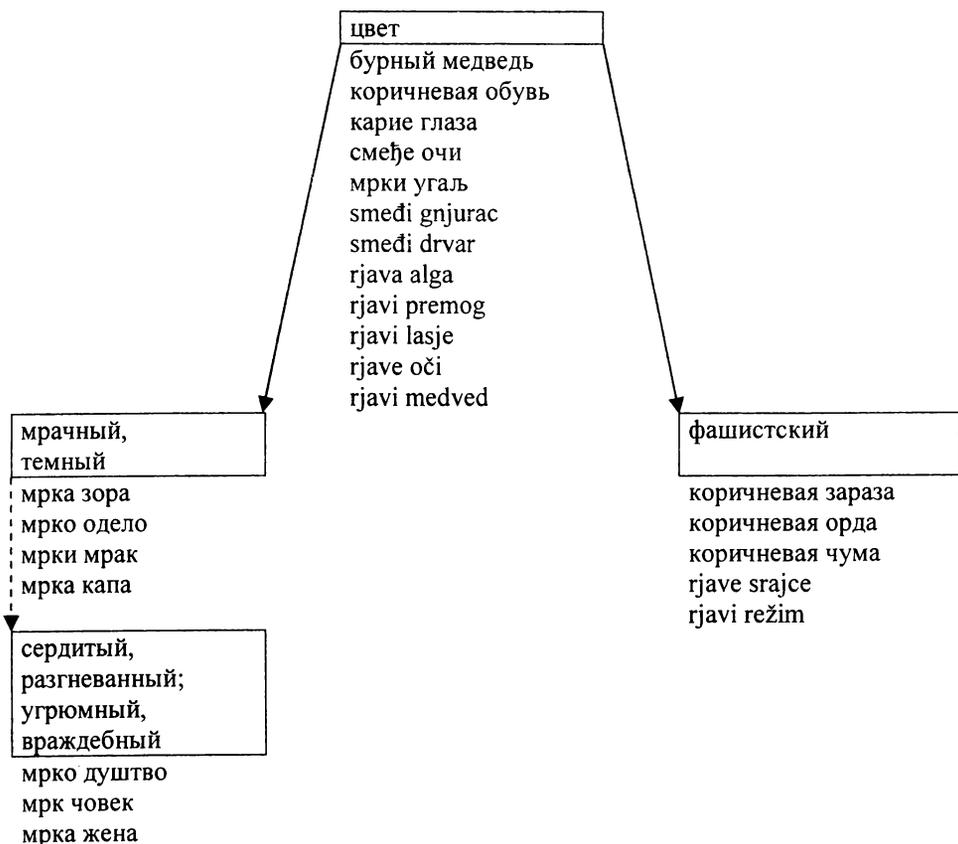
¹⁹ В значении «гитлеровский; фашистский» в хорватском языке нами зафиксирован случай употребления прилагательного zeleni: „I kada su zeleni bataljoni nomadski razavali naše krovove... ostali smo bez čula” (J. Đonović).

Прилагательное *gjav* распространено также в составе связанных терминологизированных сочетаний типа: *gjava bekica*, *gjava detelja*, *gjava alga*, *gjavi jastreb*, *gjava lesovina*, *gjavi smaj*, *gjavi železnovec*, *gjavi premog*: „Ali imamo premog, in sicer ne samo lignit in gjavi premog?” V. Kidrič, „Zbrano delo, 3”.

Общим с русским языком в группе коричневого цвета в словенском является значение „фашистский”: „Tudi gjave srajce ... So najprej sedele samo pri vrčku piva...” V. Pogačnik, „Naši razgledi.”

Семантическая структура прилагательного *коричневый* – *mṛk* (smèh) – *mṛk* (smèđ) – *gjav* может быть представлена следующим образом.

Семантическая структура прилагательного *коричневый* – *mṛk* (smèh) – *mṛk* (smèđ) – *gjav*

Результаты проведенных в первой главе наблюдений показали, что семантические модели цветowych прилагательных реализуются в связанных сочетаниях в исследуемых славянских языках следующим образом: полностью реализуется в русском, сербском, хорватском и словенском языках семантико-ассоциативная модель прилагательного «черный»; почти полностью в трех исследуемых языках реализуется модель прилагательного «белый».

Под влиянием остаточного первоначального значения слова «красный», включающего целый набор позитивных оценок, модель этого прилагательного по-разному реализуется в русском и исследуемых южнославянских языках. Компоненты «красивый, хороший», «праздничный, торжественный» и «кровопролитный» реализуются только в русском языке. Некоторые ассоциативные компоненты не реализованные в русском, сербском, хорватском и словенском языках («сила», «жизнь», «плохой»), могут быть обнаружены в других славянских языках, в частности в болгарском.

В модели прилагательных группы синего цвета из всех рассматриваемых значений только в русском языке реализуются компоненты «красивый, приятный» и «чистый, невинный». Значения «темный» и «зло» реализуются только в связанных сочетаниях сербского, хорватского и словенского языков.

Модель прилагательного «зеленый» полностью реализована в связанных сочетаниях всех рассматриваемых в работе языков.

Прилагательное «серый» встречается в связанных сочетаниях исследуемых языков в различных значениях. Из них значения «малокультурный, необразованный» и «опасный» встречаются только в русском языке; значение «храбрый» – только в сербском и хорватском.

Модель прилагательного «желтый» реализована в связанных сочетаниях исследуемых языков пятью охарактеризованными в разделе компонентами.

В группе прилагательных коричневого цвета общим является цветное значение. Значение «фашистский» реализуется в русском, словенском языках. В сербском и хорватском это значение не обнаружено.

Высокая степень реализации значений в связанных сочетаниях исследуемых славянских языков является подтверждением гипотез об изоморфности ассоциативной и семантической структур слова, а также доказательством правомерности использования компонентно-ассоциативной методики в сравнительно-типологическом изучении семантики. Ассоциативный набор цветowych прилагательных обнаруживает тенденцию универсальности развития большей части переносных значений.

Словоизменение прилагательных-цветообозначений

Целью данной главы является рассмотрение таких наиболее характерных особенностей прилагательных, обозначающих цвет, как наличие или отсутствие в них полных и кратких форм и особенностей образования степеней сравнения. Эти грамматические категории в сопоставляемых славянских языках характеризуются оригинальными чертами и довольно значительными несовпадениями. Рассматривается и ряд дополнительных вопросов, оттеняющих специфику рассматриваемой лексико-семантической группы, в частности, пункт о неизменяемых прилагательных-цветообозначениях (несклоняемых прилагательных-цветообозначениях с нулевыми флексиями), которые обладают различными количественными и качественными соотношениями в четырёх славянских языках.

1. Вопрос о полных и кратких формах

Предполагается, что семантическое деление прилагательных связано с их грамматическими свойствами. Так, в русском языке, в отличие от относительных прилагательных, которые могут иметь лишь полные формы, качественные образуют как краткие, так и полные формы. Однако, эти утверждения справедливы лишь частично. Они полностью оправданы по отношению к относительным порядковым и относительным притяжательным [125; I], т.к. эти прилагательные не имеют кратких форм. В отношении же определения морфологических особенностей так называемых качественных и собственно относительных прилагательных, указанное семантическое распределение может быть приемлемым. В отличие от большинства относительных прилагательных, которые кратких форм не имеют, большинство качественных прилагательных в русском языке имеет краткие формы. Действительно, прилагательные-цвето обозначения „зеленый” и „серебряный” семантически устроены по-разному: первое – качественное, второе – относительное („такой, как серебро”). Первое имеет краткую форму, у второго она отсутствует²⁰. Однако, прилагательные „синий”, „голубой” и др., семантически устроенные так же, как и „зеленый”, кратких форм не имеют. Из этого следует, что семантическая классификация прилагательных помогает определить их морфологические свойства во многих случаях, но не всегда.

1. В русском языке лишь некоторые имена прилагательные, обозначающие цвет и его оттенки, обладают характерным признаком качественных прилагательных – способностью образовывать полные и краткие

²⁰ В русской поэтической речи допускается употребление краткой формы прилагательных типа «серебряный», «золотой»: «Плод осенний золот» (В.Брюсов).

формы. В русском языке краткую форму имеют лишь некоторые прилагательные со значением цвета. Это, как правило: а) непроеизводные прилагательные: серый – сер, сера, серо, серы; белый – бел, бела, бело, белы и т.д.; б) прилагательные с производной основой с суффиксами -ист, -ат, -оват, (еват): золотистый, розоватый и т.д.; в) употребляется краткая форма и от сложных имен прилагательных типа: белобрыс(ый), сероглаз(ый), белобород(ый) и т.д.

2. Кратких форм в русском языке не имеют или образуют их крайне редко, как правило, качественные прилагательные с наличием таких признаков, „проявление которых не связывается с представлением о возможном их изменении во времени, а также об их непостоянстве” [Русская грамматика т. I, с. 557].

Большинство прилагательных, обозначающих цвет и указывающих на цветовые оттенки, такие как, например: голубой, оранжевый, палевый, фишашковый и др. не употребляются в краткой форме.

В русском языке не образуют краткой формы прилагательные с суффиксами –ов(-ев-), -л-, -н-; бежевый, кумачевый, пурпурный, пожелтевший и т.д.

Отсутствуют краткие формы также у относительных прилагательных, которые приобретают качественное значение цвета: свинцовый, бронзовый, золотой, кофейный, стальной, янтарный и др.

Не имеют краткой формы цветовые прилагательные с суффиксом –оньк(-еньк-), придающие уменьшительно-ласкательное значение, и прилагательные с суффиксом –ущ(-ющ-), выражающие высокую степень качества: желтенький, красненький, зелененький; зеленущий, чернуший, краснущий и т.д.

Обычно только в полной форме употребляются сложные прилагательные, обозначающие оттенки цветов: ярко-желтый, темно-красный, бледно-зеленый и др.

Способностью образовывать краткие формы в русском языке не обладают также прилагательные, называющие масти животных: буланный, каурый, гнедой, вороной, пегий, чубарый, саврасый и т.д.

Поскольку семантические ограничения при образовании кратких форм прилагательных в русском языке не относятся к числу строгих правил, в языке художественных произведений эти ограничения могут сниматься. Здесь постоянно фиксируются не отмечаемые в словарях и грамматиках, а также окказиональные употребления кратких форм. Ср., например: „Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко!” (Л.Толстой); „Перерытая земля огородов была лилова” (К.Федин).

2. В сербском и генетически очень близком к нему хорватском языке прилагательным-цветообозначениям свойственны категории согласованного рода, числа, падежа. В употреблении кратких и полных (kraći ili

duži oblik) форм проявляются реликты категории неопределенности / определенности (neodređeni / određeni oblik).

Школьные грамматики хорватского языка, например, определяют употребление определенных и неопределенных прилагательных следующим образом: „Неопределенная форма прилагательного употребляется с неопределенным, неизвестным, впервые упоминаемым лицом, предметом или явлением; она означает нечто неизвестное, общее, непостоянное свойство, отвечающее на вопрос *kakav?* («какой?»). Определенная форма прилагательного употребляется с определенным, известным, уже упомянутым лицом или предметом; она означает нечто определенное, постоянное, длительное действие и отвечает на вопрос *koji?* („который?”) (из известных лиц, предметов или явлений). Например: *Kad dođemo u prodavaonicu, da kupimo na primer šešir, prodavač će nas upitati: kakav želite? crn, smeđ, zelen?* (Ему неизвестно наше желание). После того, как мы оставили несколько из всех принесенных шляп, он (продавец) нас спросит: „*Koji ćete uzeti? – Ovaj zeleni, onaj crni, taj plavi itd.* Продавец показывает определенную шляпу и поэтому употребляет определенную (полную) форму прилагательного.

Однако, по мнению некоторых исследователей, в этих двух современных славянских языках соотношение кратких (неопределенных) и полных (определенных) форм прилагательных нелегко определить, т.к. применение двояких форм лишено явной и последовательной семантической обусловленности и мотивированности. Хотя те и другие продолжают употребляться в роли определения, все более заметным становится функционально-позиционное размежевание. Основная сфера употребления кратких форм – это сказуемое и обособленные обороты.

Перечислим, однако, существующие (формальные, нередко нарушаемые) правила употребления кратких и полных прилагательных-цветообозначений в связанном тексте:

В краткой форме прилагательные-цветообозначения употребляются: а) когда выступают в предикативной функции: *Jarbol mora biti bijel, plav i velik.*

б) когда выступают в атрибутивной функции родительного свойства (качественной оценки) (*kvalitativni genitiv*): *Dode momče crna oka na koniću laka skoka. Uđe žensko modrog lica.*

В полной форме прилагательные-цветообозначения выступают в атрибутивной функции:

а) когда перед ними стоят притяжательные или указательные местоимения: *Taj zeleni automobil naći ću brzo. Susreo je svog crnog neprijatelja.*

б) когда являются составной частью географического названия: *Crna Gora, Beli Otok*; а также когда вместе с существительным составляют терминологическое или номенклатурное название: *crni prišt, Bela Neđeља, bijeli bog* и т.д.;

в) прилагательные-цветообозначения, находящиеся при существительном в зательной форме, выступают в полной форме именительного падежа (ед. или мн. числа): О, zeleni bore! Zlati junaku! Црна несрећо! В народных эпических произведениях, однако, нередко случаи отступления от этого правила.

Абсолютное большинство прилагательных-цветообозначений, например, в сербском языке имеет двоякую парадигму склонения: краткие и полные формы. Только краткие формы имеют прилагательные: алев, ален, гаран, блећан, чивитан, гримизан, мавен и некоторые другие.

Только полные формы: жарки, јарки, небески, сињи.

Как видим, в отличие от русского языка сербохорватские краткие прилагательные могут употребляться не только в предикативной, но и в полупредикативной и атрибутивной функциях.

Формальные различия между краткими и полными формами проявляются лишь в единственном числе муж.рода (кроме твор.падежа) и в косвенных падежах (кроме твор.падежа) ед.числа сред.рода. При этом в муж.роде ед.числа краткие склоняются как существительные, а полные (во всех падежах) – как местоимения. В остальных случаях краткие и полные формы различаются лишь долготой конечного гласного и (иногда) местом и качеством ударения²¹. Ср. в ед. числе:

	Краткая форма			Полная форма	
црн	црна	црно	црњи	црна̄	црн̄о
румен	румѐна	румѐно	румени	румен̄а	румен̄о

Во мн.числе качество ударений является для всех родов единственным показателем, различающим падежные формы:

	Краткая форма		Полная форма	
ед.число	мн.число	ед.число	мн.число	
зѐлен	зелѐни	зѐлени	зѐлени	
зелѐна	зелѐних	зѐлен̄ог(а)	зѐлених	
зелѐну	зелѐним(а)	зѐлен̄ом(а)	зѐленим(а)	
зѐлен, зелѐна	зелѐне	зѐлени,	зѐленѐ	
зѐлени	зѐлени	зѐлен̄ог(а)	зѐленӣ	
зелѐн̄им	зелѐн̄им(а)	зѐлени	зелѐн̄им(а)	
зелѐну	зелѐн̄им(а)	зѐлен̄им	зелѐн̄им(а)	
		зѐлен̄ом(е)		

²¹ Ср. место ударения в русских кратких прилагательных [431; 90].

Суммируя вышеуказанное, можно считать, что формы прилагательных-цветообозначений в сербском и хорватском языке определяются по следующим признакам:

а) по окончаниям в им. падеже ед. числа муж. рода: неопределенные (краткие) оканчиваются на согласный: *crn, žut, plav, zelen, siv* (если это согласный 1, то он может меняться на *-o*: *bijel (beo)* и др.; определенные (полные) оканчиваются на *-i*: *crni, beli, zeleni, modri* и др.;

б) по качеству и месту ударения и заместительной долготе (*kvan-titetu*) в им. падеже ед. числа сред. и жен. рода и во всех падежах, которые формально совпадают в склонении кратких и полных прилагательных-цветообозначений (См. пример: *зелѐна – зелѐно (зѐленā – зѐленō)*).

в) по способу склонения: краткие изменяются (лишь в некоторых падежах) как существительные, полные (во всех падежах) – как местоимения.

3. В словенском языке прилагательным-цветообозначениям, обладающим согласуемыми категориями рода, числа и падежа, так же, как в сербском и хорватском языке, присущи и реликты категории определенности (неопределенности).

Однако, в отличие от двух предыдущих языков, противопоставление по признаку определенности/неопределенности сохранилось в словенском лишь в пределах одного падежа – им. падежа ед. числа муж. рода.

Неопределенная (краткая) форма характеризуется нулевой флексией (*bel, črn, siv, rjav*) и наличием в группе неодносложных прилагательных беглого гласного (*e*) (*moder, temen*). Определенная (или полная) форма характеризуется флексией *-i* и отсутствием беглого гласного в основе (*rjavi, modri, beli, sivi*).

Между краткими и полными прилагательными-цветообозначениями муж. рода имеются также и функциональные различия. В предикативной функции выступает неопределенная (краткая) форма: *Gozdič je že zelen, travnik je razcveten*.

В атрибутивной функции может выступать как определенная, так и неопределенная форма. Выбор формы здесь диктуется дополнительными условиями семантического и синтаксического порядка. Краткая форма используется, когда говорится о неизвестном или впервые упомянутом лице или предмете: *Črn kamen mu je padel na nogo*.

В противоположность этому, при определении лица или предмета, о котором уже шла речь в данном контексте, употребляется определенная (полная) форма: *Za poletje sem kupil svetli klobuk. Črni je za pozimi*.

Обязательно употребление неопределенной (краткой) формы после местоимения *vsak* („каждый, всякий”).

Vsak zelen mladenič ljubi svoje starše.

Vsak rjav premog daje veliko toplote.

Полные формы прилагательных употребляются в позиции после указательных местоимений и после местоимения *ves, vsa, vse*: *Pokažite mi tisti zeleni klobuk! Ta črni kostim mi ni všeč. Ves črni dan je prodajal zijala po mestu.*

После притяжательных местоимений *moj, tvoj* и т.д., как правило, может стоять полная форма (хотя возможна и краткая) [543; 99]. Ср., например: *Moj črni plašč vam je v zasmeh. Tvoj črni svinčnik je tu.*

Полная форма употребляется также, если прилагательное является составной частью терминологического выражения и сложного географического названия. Например: *zelen kader, modri glavinec, Beli grad, Beli kontinent* и др.

Только полные формы имеют прилагательные-цветообозначения на *-ji, -nji, -ski, -ški* типа: *sinji, mišji, citronski, nebeski* и др.

В словенском языке при словоизменении прилагательных могут наблюдаться чередования долгих и кратких гласных *ô/ò, á/à, é/è* и т.д. Ср., например: *rdèč –rdéča –rdéči* и т.д.

Большая часть прилагательных характеризуется сохранением постоянного места ударения на основе (*zelèn – zelênega – zelêna* и т.д.). Однако прилагательные, содержащие в основе неопределенной формы беглые гласные *e* или *a*, имеют во всех формах ударение на конечном гласном элементе флексии: *temèn || temén – temni – temnegà – temnemù, temnà – temnè – temni – temnò*. Следует, однако, отметить, что в современном словенском литературном языке такой тип ударения уже не является обязательным. В пределах рассматриваемой группы прилагательных сосуществуют вариантные акцентные формы.

2. Вопрос о степенях сравнения прилагательных цвета

В последние годы у составителей славянских грамматик стало традиционным рассматривать в морфологии лишь образование одной степени сравнения прилагательных – сравнительной (компаратива). См., например: „Грамматика современного русского языка”, М., 1970, с.207-208 или „Русская грамматика”, т.1, М., 1982, с.562-565 и некот. др., в которых образование превосходной степени не без основания относится к области чистого словообразования.²²

Поскольку все же некоторые исследователи до сих пор придерживаются традиционной точки зрения по данному вопросу, а также для большего удобства при сравнении сходных категорий в сербском, хорватском и

---

²² Хорватский дериватолог акад. Ст.Бабач в своей академической монографии «Словообразование в хорватском языке» (S.Babić, *Tvorba riječi u hrvatskom jeziku*, 2. izd. Zagreb, 1991, 568 s.) вообще не употребляет термины компаратив и суперлатив.

словенском языках, в нашей работе мы будем рассматривать случаи употребления двух степеней сравнения – сравнительной и превосходной, причем, как синтетические формы типа: краснее, белее; краснейший, белейший, так и аналитические, т.е. выраженные словосочетанием: более черный, более синий и самый черный, самый синий.

Простые формы степеней сравнения в русском языке

Образование формы сравнительной степени или компаратива, обозначающей, что её качественный признак, названный формой положительной степени (или исходной формой прилагательного), происходит, как правило, с помощью суффикса –е-/–ей. Эти формы свободно образуются у качественных прилагательных, в том числе у прилагательных-цветообозначения, различных по структуре: а) у бессуффиксальных: белый – белее, желтый – желтее; б) у сложных прилагательных: белоснежнее и др. Однако при образовании степеней сравнения прилагательных-цветообозначений ограничения достаточно многочисленны и связаны как с факторами семантическими, так со структурными и акцентологическими.

Простая форма превосходной степени (суперлатив) образуется с помощью продуктивного суффикса –ейш-(–ий) и непродуктивного –айш-(–ий): чернейший, белейший, ярчайший и т.д. В превосходной степени, как и в сравнительной, употребляется ограниченная группа имен прилагательных, обозначающих цвет. По мнению исследователей, в русском языке формы превосходной степени употребляются реже, чем формы сравнительной. По мнению составителей „Русской грамматики”, [т.1, с.547], прилагательные с суфф. –ейш-, –айш- не выражают особого морфологического значения и представляют собой словообразовательные типы, а не степени сравнения.

Сложные формы степеней сравнения прилагательных-цветообозначений в русском языке

Сложные формы сравнительной степени (описательные или аналитические) образуются по общей для всех прилагательных схеме: „более” + форма прилагательно-цветообозначения (более черный, более голубой и т.д.). составители „Русской грамматики” [т.1, с.562] считают также, что описательное выражение сравнения с помощью форм „более или менее” к формам сравнительной степени также не относится, ибо слова „более или менее” в таких сочетаниях сохраняют свое лексическое значение, что препятствует превращению сочетаний: более голубой, менее черный в аналитические формы сравнения. Другие исследователи, в частности, В.В.Виноградов, полагают, что в русском языке постоянно усиливается грамматическое значение описательных, аналитических степеней сравнения, хотя многие современные грамматисты их игнорируют [94].

Сложные формы превосходной степени образуются по модели: самый + форма положительной степени прилагательного (самый синий, самый голубой и т.д.) или с помощью сочетаний местоименного прилагательного „весь” в форме родит. падежа ед. числа („всего”) или в форме родит. падежа мн. числа („всех”) + форма прилагательного в сравнительной степени. Например: всего желтее. Ср. у А.С.Пушкина: „Ты на свете всех милее, всех румяней и белее”). Последняя форма архаична, она характерна для фольклорного и стихотворного языка.

В русском литературном языке на протяжении последних двух столетий вплоть до современного его состояния аналитический ряд степеней сравнения оказывает влияние на простые синтетические формы. Возникают гибридные гиперболизированные образования, совершенно справедливо порицаемые современной нормативной грамматикой и стилистикой, которые, однако, продолжают широко употребляться. Ср. словосочетания типа: самый белейший, самый желтейший и т.д. В неуясненном до конца вопросе о степенях качества и о формах их выражения до сих пор интерес представляет предложенная еще в середине прошлого столетия субъективная оценка качества через три безотносительных степени сравнения: а) начинательную степень, образуемую от основы прилагательного, обозначающего физические качества предметов, с помощью суфф. –оват-, -еват-: красноватый, беловатый, синеватый; б) длительную степень от тех же прилагательных, образуемую с помощью суфф. –оньк-, -еньк-: красненький, синенький; в) совершенную степень, употребляемую только в краткой форме и образуемую с помощью суфф. –ехонек-, -охонек-, -ошенек-, -ешенек-: белехонек, чернехонек, белешенек и т.д.

Сложные формы сравнительной и превосходной степеней следует признать в современном русском языке образованием очень живым и продуктивным [94]. Преимущество их употребления в языке состоит в том, что они могут быть образованы практически от любого прилагательно-цветообозначения, т.е. от такого, от которого нельзя образовать простые формы степеней сравнения, например, в прилагательных-цветообозначениях с суффиксом –ов(-ий) или –н(-ый): аметистовый, бирюзовый, бордовый и т.д. Ср. употребляемые формы: более бордовый, более янтарный и др.

В русском языке:

1) не образуют форм сравнительной степени как непроемные прилагательные-цветообозначения, так и образованные с помощью суффиксов –ан-, -ян-, -ов-, -ев-, -н-, являющиеся относительными по происхождению: земляной, серебряный, оливковый, сиреневый, фиашковый, фиолетовый, пурпурный, янтарный и др. Сфера возможного употребления сравнительной степени таких слов – поэтическая речь, язык отдельных авторов.

2) как правило, не образуют форм сравнительной степени прилагательные, обозначающие оттенки цветов типа: светло-зеленый, ярко-красный, бледно-розовый и т.д.;

3) ограничены в употреблении формы сравнительной степени прилагательных, мотивированных глаголами с суффиксом –л-, образованных с помощью префикса по- типа: порьжелый, почернелый, позеленелый и т.д.;

4) не образуют вовсе или образуют ограниченно сравнительную степень производные имена прилагательные с суфф. –оват-, -еват-, -оньк-, -еньк-, обозначающие слабое проявление признака; или прилагательные с суффиксом –ущ-, -ющ-, обозначающие высокую степень проявления признака: голубоватый, синеватый, белехонький, серенький; зеленущий, краснющий;

5) не образуют форм сравнительной степени все прилагательные, называющие масти животных: лошадей, собак; оперение птиц, цвет волос, глаз и т.д. Ср.: каурый, саврасый, блондинистый, пегий и т.д.

6) сложные имена прилагательные, составной частью которых являются прилагательные со значением цвета, не имеют сравнительной степени. Ср.: беловолосый, белобрысый, сероглазый, краснощекий и т.д.

Особенности образования форм степеней сравнения в сербском и хорватском языке

В отличие от русского языка, в сербском и хорватском образование степеней сравнения прилагательных характеризуется наличием только синтетических простых форм компаратива и суперлатива.

Сравнительная степень прилагательных-цветообразований здесь образуется путем присоединения к корню или основе кратких прилагательных соответствующих суффиксов и родовых окончаний.

В современных сербском и хорватском литературных языках при образовании форм компаратива обнаруживаются разночтения, нередко параллельные независимые образования форм компаратива.

В последние десятилетия в хорватской и сербской лингвистике сложилось несколько точек зрения на употребление некоторых суффиксов, участвующих в образовании форм компаратива отдельных прилагательных.

Так, например, некогда популярная и многократно переиздававшаяся в прежние годы нормативная хорватская школьная грамматика (I.Brabec, M.Hraste, S.Živković, Gramatika hrvatskoga ili srpskoga jezika. I izd., Zagreb, 1952) учит, что суффикс –jī получает в компаративе абсолютное большинство односложных прилагательных, имеющих долгий слог (долгое ударение) типа: cīn – cīnjī; rīd – rīdī; bījel – bjèljī (экавск. bēl, bēo – bēljī) и т.д. Здесь же авторы приводят целый ряд исключений из этого правила, касающихся как количества слогов, так и качества ударения.

М.Могуш (M.Moguš) в статье „Существует ли сегодня у прилагательных суффикс компаратива –ji?“, ещё более двух десятилетий тому назад подчёркивал, что в образовании форм сравнительной степени прилагательных в хорватском языке участвуют только суффиксы –i и –iji, а суффиксу –ji нет места в современной грамматике литературного языка, т.к. „он представляет собой лишь историческое эхо“ [583, 14]²³.

В свою очередь, сербский ученый акад. М.Стеванович в своей грамматике „Современный сербохорватский язык“ [Савремени српскохрватски језик т.І, Београд, 1964, с.249], утверждает, что сравнительная степень прилагательных в сербском языке образуется с помощью суффиксов –ји и -ији (-ji, -iji).

С.Тежак и С.Бабич, авторы „Очерков грамматики хорватского литературного языка“ [S.Težak, S.Babić, Pregled gramatike hrvatskog književnog jezika. VI izd., Zagreb, 1973] в качестве образца приводят целый ряд односложных прилагательных с долгим слогом, компаратив которых образован с помощью суффикса –iji (против правила, отраженного в школьных грамматиках, изданных в 70-80-е годы в Белграде, Загребе, Сараеве). Например: plāv – plāvijī, хотя кодифицированная в языковых справочниках форма компаратива этого прилагательного-цветообозначения, как правило, имеет йотированную форму: plāvljī – plāvljē – plāvljā и т.д. Ср. также употребление форм компаратива в художественных произведениях современных хорватских авторов: „I gle, nebo sija plavje otkada ugledah tvoj lik“ (D.Cesarić). Ср. также у этих же авторов „Очерков“: sīv – sīvijī (вместо ожидаемой формы sīv – sīvljī по аналогии с: rīd – rīdī и т.д. [с. 102]).

Подобную ситуацию можно объяснить, очевидно, тем, что бывший суффикс компаратива –ji, сочетаемый ныне лишь с ограниченным числом качественных прилагательных, в современном хорватском языке относится к числу непродуктивных. Прилагательные с суффиксом –ji оказались „под угрозой“, заменяясь продуктивным суффиксом –iji. Поэтому, по предположению Зл. Винце, в современном хорватском языке сосуществуют двойные (реже тройные, имея в виду результаты йотации) формы сравнительной степени прилагательных, к которым присоединяются все новые и новые [642; 142-145].

---

²³ Авторы-составители академического издания «Исторический обзор, звуки и формы хорватского литературного языка (S.Babić, D.Brozović, M.Moguš i dr., Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1991.) пишут (с.633), что и большая часть прилагательных образует формы компаратива с помощью суффикса –i. Как видим, в этом издании „восстановлен“ утраченный статус компаратива и суперлатива.

Наличие этих двух степеней сравнения в хорватском языке подтверждают авторы новейшей хорватской грамматики (Barić, Lončarić, Malić i dr. Hrvatska gramatika. Zagreb, Školska knjiga, 1995.).

Если С.Тежак от прилагательного-цветообозначения *bijel* приводит только одну форму компаратива – *bjèljī*, а от *črn* – только *črnjī*, как к тому призывают некоторые другие хорватские языковые справочники [Z.Vince, S.Pavešić. *Jezični savjetnik*, Zagreb, 1971], то Ст.Бабиц в другой своей работе – словаре-информаторе „Язык”, (S.Babić, *Jezik*, Zagreb, 1965, s.135) приводит от тех же прилагательных-цветообозначений двойные формы: *bijel* – *bjèljī* и *bjèlijī*; *črn* – *črnjī* и *črnijī*. На существование в литературных языках как у хорватов, так и у сербов параллельного употребления у разных авторов двойных (реже тройных) вариантных форм компаратива качественных прилагательных, уже давно указывал акад.Т.Маретич [571]. Ср. приводимые им формы прилагательных-цветообозначений *mřk* – *mřčī* и *mřcijī*, которые ныне все чаще заменяются нейотированной формой *mrkiji*.

Вполне очевидно, что формы компаратива типа *siviji*, *plaviji* „тянут” за собой аналогичные формы сравнительной степени от прилагательных *bijel* и *črn*, но, вероятно, потребуется время, чтобы окончательно выяснить насколько сильна их употребительная норма, их закрепление в хорватском и в сербском языке, а также могут ли быть нормированы формы компаратива типа *črnijī* и *bjèlijī*, наряду с широко распространенными сегодня формами *črnjī* и *bjèljī*.

Что касается образования качественных прилагательных (в том числе и прилагательных цвета) с помощью суффикса –*i*, то здесь при рассмотрении форм компаратива следует иметь в виду две разновидности. К первой относятся прилагательные типа *řid*, *smèd*, которые в сравнительной степени имеют суффикс –*i* и отличаются от форм положительной степени полных прилагательных лишь по качеству ударения (но не всегда) и наличию долготы *řid/→řīdī*, *smèd/→smèdī*; *сiнь* – *сiньi*; *тмур* – *тмурi*, *сур* – *сурi* и т.д.

Вторую разновидность составляют те прилагательные, образованные с помощью суффикса –*i*, где перед этим суффиксом происходит йотация, при которой изменяется конечный гласный позитива (в то время, как в относящихся к первой разновидности примерах (типа *řid/→řīdī*) конечный нёбный согласный последовательно переносится из позитива в компаратив). При этом в сочетаниях губных с (j) в прилагательных второй разновидности появляется эпентетическое (љ) = (lj) в примерах типа: *siv* – *sivljī*; *plāv* – *plavljī*.

Ср. также следующие изменения:

d - đ: *blijèd* – *bljèdī*; *sijèd* – *sjèdī*;

k - č: *mřk* – *mřčī*;

l - lj: *bijèl* – *bjèljī* (бёо – бёльi);

n - nj: *črn* – *črnjī*; *vrān* – *vrāñi*;

t - ć: *žūt* – *žūćī*.

Следует иметь в виду, что суффикс компаратива –i в наши дни в словообразовании прилагательных непродуктивен; варианты формы с ним существуют, как правило, в комбинации с продуктивным суффиксом –iji. По мнению М.Могуша, употребление вариантных форм с суффиксом –i „...допускается в случаях, когда они не противоречат правилам современного хорватского словообразования; ... ход развития языка однако таков, что одна из форм (обычно более краткая) станет архаичной и постепенно отомрет” (перевод наш – G.K.) [Moguš M. Još o neujednačenosti komparativnih nastavaka. – Jezik br. 5, Zagreb, 1977/78, s.150-158]. Сербский и хорватский, в отличие от русского языка, располагают единственной формой образования суперлатива, которая образуется всегда от форм сравнительной степени путём прибавления приставки нај- (naj-): најцрњи, најрумџији, најзелџији, најцрвенији и т.д.

Все прилагательные-цветообозначения как в сербском, так и в хорватском, в формах сравнительной и превосходной степеней склоняются как полные прилагательные положительной степени с мягкой основой. Ср., например, формы компаратива в ед. числе муж. рода: црвенији, црвеније(а), црвенијем(у) и т.д.; во мн. числе муж. рода: црвенији, црвенијих, црвенијим(а) и т.д. или формы суперлатива в ед. числе жен. рода: зелџија, зелџије, зелџијој и т.д.; во мн. числе жен. рода: зелџије, зелџијих, зелџијим(а) и т.д.

По вопросу образования форм компаратива и суперлатива современные грамматики хорватского языка представляют очень скудную информацию. Лишь в одной из них по вопросу образования форм степеней сравнения прилагательных, в том числе интересующих нас качественных прилагательных, сказано следующее: «Притяжательные и относительные не имеют форм компаратива и суперлатива. Если же они употребляются в переносном значении, т.е. как качественные, то тогда они могут иметь формы сравнительной и превосходной степени: Mala je najzlatnija od sve dese. Не имеют степеней сравнения и некоторые качественные прилагательные, обозначающие место и время» (перевод наш - G.K.) [J.Brabec, M.Hraste, S.Živković, s.112]. Подобную же скудную информацию по этому поводу представляет упомянутая выше сербская грамматика акад. М.Стевановича [134].

По нашим наблюдениям, в сербском языке и в хорватском языке не образуют степени сравнения следующие прилагательные-цветообозначения: 1) Все прилагательные со значением цвета, являющиеся по происхождению относительными, образованные с помощью суффиксов –ан-, –ен-, –ов-: алабастрен, алабастров, бакрен, опалан, златан, виолетан и др.;

2) Немногочисленные прилагательные-цветообозначения, образованные с помощью суффикса –ск-: аквамарински, алабастарски и т.д.;

3) Абсолютное большинство прилагательных-цветообозначений, образованных с помощью суффиксов –аст-/–јаст-, –каст-, –икаст-. К этой группе относятся слова, обозначающие:

а) масти домашних и диких животных и оперение птиц: abrašast, alabadžakast, alatast, doratast, esmerast, kumrijast; žutkast, bjelkast, subjelkast, sivast и т.д.;

б) цвет глаз, волос, кожи человека: gra(h)orast, pepeljast, kestenjast, crnomanjast, crmpurast, crnjkast и т.д.;

в) цвет тканей: alast, sedefast, cvjetast, ciglast и т.д.;

г) краски окружающей природы: неба, моря, гор, земли: сиваст, земљаст, плаветникаст, olovnast, modrikast, plavkast и т.д.;

4) Как правило, не образуют форм степеней сравнения сложные прилагательные-цветообозначения типа: наранчастоцрвен, јасножут, јабукастозелен, зеленотмаст, загаситозелен и т.д.;

5) Ограничены в употреблении формы сравнительной степени отглагольных прилагательных-цветообозначений, образованных с помощью префикса по- типа: побельен(и), поцрњени и т.д.

6) Не имеют форм сравнительной и превосходной степени многочисленные сложные прилагательные-цветообозначения, первым компонентом которых является прилагательное со значением цвета типа: белобрад, белоглав, белогрив, белогласт, белогрли, белогруд, белокожан, белоко-раст; crnook, crnokos, plavokos, sedokos, smeđokos и т.д.

Образование степеней сравнения прилагательных, обозначающих цвет, в словенском языке.

По сравнению с русским языком образование форм компаратива и суперлатива прилагательных, в том числе прилагательных-цветообозначений, в словенском языке характеризуется рядом специфических особенностей.

В словенском языке, так же как и в русском, представлены синтетический и аналитический способы образования сравнительной и превосходной степеней сравнения имен прилагательных.

Синтетический способ используется при образовании степеней сравнения от качественных прилагательных. Показателем синтетической формы сравнительной степени являются суффиксы: –ј-, –š-, –ejš-. Превосходная степень в пределах синтетического способа образуется присоединением приставки paj- к форме сравнительной степени.

Аналитический способ используется при образовании степеней сравнения относительных прилагательных. Однако, в словенском языке все прилагательные-цветообозначения, являющиеся неформально качественными, формы степеней сравнения образуют аналитическим способом. Исключение составляет единственное прилагательное temen – „темный”,

имеющее синтетический способ образования степеней сравнения (ср.: temen – temnejši – najtemnejši; temneje, najtemneje и т.д.).

Показателем аналитической формы сравнительной степени является частица bolj в сочетании с положительной степенью прилагательного – bõlj rdéč, bõlj zélen, bõlj črn и т.д. (краснее, зеленее, чернее или: более красный, более зеленый, более черный). Kaj je bolj črno, saje ali ebenovina. Ko je posijalo sonce, se nam je zdel sneg še bolj bel. Če je opeka bolj pečena, je tudi bolj rdeča.

В образовании превосходной степени участвует форма najbõlj в сочетании с формой положительной степени прилагательного najbõlj bél; najbõlj črn и т.д. – самый белый, белейший; самый черный, чернейший и т.д. Та pomoranča je najbolj rdeča, ona pa najbolj rumena. Puščavski pesek je najbolj rumen v opoldanskih urah. Ne vem, ali je ta papir najbolj rumen ali najbolj rjav.

Не образуют форм компаратива и суперлатива в словенском языке следующие прилагательные-цветообозначения:

1. Все прилагательные со значением цвета, являющиеся по происхождению относительными, образованные с помощью суффиксов –en, –ev (-jev), –ov, –on: mlečen, malahiten, jantarjev, koralen, kanarčkov, malinov и т.д.

2. Большая часть прилагательных цвета, образованных с помощью суффиксов –ast (-jast), –kast: pepeljast, vijoličast, sinjkast, zelenkast и т.д. В эту подгруппу входят слова, обозначающие масти животных и оперные птиц: šekast, marogast, sivast, pegast, dimast; а также цвет глаз, волос и кожи человека: kestenjast, pepeljast, plavast и краски окружающей природы: modrikast, sinjkast, žoltkast, meglenast, mlečkast, и т.д.

3. Как правило, не образуют форм степеней сравнения сложные прилагательные цвета типа: čokoladno rjav, citronasto rumen, lešnikasto rjav, oranžno rumenkast.

4. Не имеют форм сравнительной и превосходной степеней многочисленные сложные прилагательные цвета, первым компонентом которых является прилагательное со значением цвета типа: črnook, sinjeok; belolik, črnolik, svetloglav, sedoglav; belogriv, črnogrud, črnokož, zelenorep, sivodlak, sivokril и т.д.

3. Об одной редкой разновидности несклоняемых прилагательных-цветообозначений в славянских языках

В этой главе в связи с общей темой исследования рассматривается фрагмент культурно-языковой истории славянских этносов (преимущественно балканских) на рубеже XX и XXI веков. Речь идёт о достаточно многочисленной лексико-семантической группе несклоняемых прилагательных неславянского происхождения, которые обозначают цвет и его оттенки. Эта лексика функционирует главным образом в обиходно-разговор-

ном, реже в литературно-письменном словоупотреблении преимущественно на территории боснийско-герцеговинской группы говоров новоштокавского диалекта, а также косовско-метохийского диалекта. Как известно, функцию официального литературного (стандартного) языка до недавнего времени на этой славянской языковой территории выполнял сербскохорватский / хорваткосербский язык, который в силу известных исторических и политических обстоятельств в настоящее время распался, а точнее сказать трансформировался в иные языковые формации с (само)названиями: «боснийский язык» (*bosanski jezik*), «сербский язык» (*srpski jezik*), «хорватский язык» (*hrvatski jezik*), и даже „черногорский язык» (*crnogorski jezik*). К рассматриваемому на этих страницах лексическому разряду, равно как и к иным исторически сложившимся пластам лексики ориентального происхождения, эти новые стандартные языки (за исключение сербского и хорватского языков, которые имеют многовековую предшествующую непрерывную письменную традицию) вероятнее всего ещё только будут в процессе эволюции вырабатывать и стабилизировать определённые отношения: толерантные к внешним факторам или пуристические.

Обозначенная в заголовке этого раздела разновидность славянских несклоняемых прилагательных имеет преимущественно арабско-персидско-турецкое происхождение и употребляется в указанных языках и диалектах в разных пропорциях уже в течение нескольких столетий. До известных трагических событий последнего десятилетия, связанных с распадом бывшего федеративного государства Югославия, эта лексика функционировала в большей степени в бытовом общении преимущественно среди этнических славян-мусульман. Эпизодически она употреблялась и в среде боснийских хорватов-католиков, а также среди православных сербов, которые ранее на протяжении многих столетий проживали бок о бок с мусульманами исторической Боснии и Герцеговины и всегда общались практически на одном и том же диалекте.

Наиболее широко данная лексико-семантическая группа несклоняемых прилагательных-цветообозначений оказалась представленной в литературно-художественных произведениях (текстах), которые издавались все предшествующие годы на сербскохорватском /хорваткосербском языке²⁴. В лексикографических изданиях она представлена не полностью.

---

²⁴ Более подробную научную и специальную информацию о культурно-языковой ситуации в рассматриваемом регионе см. в разделе «история, культура и язык славян-мусульман Боснии и Герцеговины» в книге: В.Е.Моисеенко, Карой Гадани, Введение в славяноведение. Избранная библиография. Verlag Otto Sagner, München, 1997, 165-167. Ср. также некоторые суждения специалистов о статусе и природе *босняцкого/боснийского языка*: В.П.Гудков, Необходимый комментарий к употреблению термина «боснийский язык». – III Славистические чтения памяти

Традиция и практика словарного дела у боснийцев, сербов, хорватов и черногорцев имеет разную предысторию. Старейшей по праву считается лексикография «иллирийская», «далматинская», «словинская» (штокавская, чакавская и кайкавская), накопившая, начиная с конца XVI века, большой опыт в составлении словарей разного типа, главным образом многоязычных изданий большого объема²⁵. Среди авторов и редакторов словарей и грамматик преобладают имена трудолюбивых католических монахов Ф.Вранчица, Б.Кашича, Я.Микали, Ю.Хабделича, А.Делла Беллы, И.Белостенаца, А.Ямбрешича, Я.Вольтиджи (Вольтича), Стулли (Стулича)²⁶. Наблюдения показывают, что в словарях этих авторов зафиксированы отдельные лексемы рассматриваемого типа. В большинстве из перечисленных в сноске изданий (за исключением словаря Ф.Вранчица) фиксируется важное для всей группы рассматриваемых прилагательных «базовое» существительное *boja* турецкого происхождения со значением «1. цвет; 2. краска», употребляемое, как правило, в качестве синонима, наряду с германизмом *farba* и исконным славянским *mast* с теми же значениями. Ср. его, в частности, с пометами в словарной статье *color* в „Латинско-иллирийском словаре” И.Белостенца, где: *color* (с.312) - *Máízt* – *pigmentum* (с.211), *Fárba* – *color, oris, color naturalis, pigmentum* (с.93) пред-

---

проф. П.А. Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова. Материалы международной научной конференции 12-14 сентября 2001 г. Санкт-Петербург, 2002, с. 120-123 .

²⁵ Dukat V. Rječnik Fausta Vrančića. – Rad JAZU, knj.231, Zagreb, 1925; Dukat V. Jambrešićev „Lexicon Latinum”, Rad JAZU, knj.162, Zagreb, 1905; Dukat V. Prinosi za biografiju Andrije Jambrešića, Ljetopis JAZU, sv.34, Zagreb, 1920; Gostl I. Portreti kajkavskih leksikografa. Prinosi za povijest hrvatske leksikografije. – Studia Slavica Savariensia, 1994, knj.I, 24-43; Gostl I. Andrija Jambrešić ili procvat kajkavske leksikografije. – Studia Slavica Savariensia, Szombathely, 1994, knj.2, 23-42; Jonke Lj. „Dikcionar” Adama Patačića. Rad JAZU, knj. 275, 1949, 71-175; Musulin S. Hrvatska i srpska leksikografija. Filologija 2, Zagreb, 1959, 56-60; Putanec V. Leksikografija kod Hrvata, Srba i Crnogoraca. – Enciklopedija Jugoslavije. Knj.5, 1962, 503-507; Šojat A. Latinsko-hrvatsko-njemačko-madžarski rječnik Franje Sušnika i Andrije Jambrešića. – Dodatak pretisku rječnika „Lexicon Latinum”, Zagreb, 1992.

²⁶ Vrančić F. Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum. Venetiis, 1595. (Pretisak VI izd. Zagreb, 1992); Kašić B. Hrvatsko-talijansku rječnik (1599) s konverzacijskim priručnikom (1595). Reprint-izdanje, Zagreb, 1990; Micaglia J. Blago jezika slovinskoga ili slovník..., Loreto, 1649; Habelich J. Dictionar ili Rechi Szlovenszke. U Nemskom Gradczu, 1670; Della Bella A. Dizionario Italiano-Latino-Illirico. Padova, 1728; Bellosztenecz I. Cazophylacium, seu latino-illyricorum onomatium. Zagrabiae, MDCCCXL; Jambrešić A. Lexicon Latinum. Zagrabiae, 1742 (reprint-izdanje 1992); Voltiggi J. Ricsoslovník illiricskoga, italianskoga i nimacskoga jezika. U Bescu (Vienna), 1803; Stulli J. Rjecsosloxyje slovinsko-italiansko-latinsko. Csast I, II, III. Dubrovnik, Becs, 1801, 1806, 1810; Šulek B. Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja. Zagreb, 1874-1875.

ставлены в качестве основных терминологически значимых слов, а *Boja* (с.23) - тогда ещё в качестве диалектного, дополнительного.

Интерес представляет тот факт, что в наши дни, слово *boja/ боја* – этот, по меткому определению современного хорватского этимолога А.Глухака, «балканский турцизм» [Gluhak Alemko, Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993, s.139], является во всех языках и литературных диалектах кайкавской, чакавской и штокавской территории *основным словом-термином* для колористических понятий «цвет» и «краска». ²⁷

У сербов впервые несколько несклоняемых прилагательных цветообозначений этого типа включил в 1-е издание своего «Сербского словаря» Вук Караджич [В.Ст.Караџић, Српски рјечник. У Бечу, 1818]. Среди них находим цветоименования – несклоняемые прилагательные (с пометой *adj. indecl.*): *ал* – “ружичаст”, *ђувез* – “roseus”, *зеитуну* – “olivengrün, oleaginus”, *мави* – “плав”, *мор* – “fusco-coeruleus”, а также названия масти животных *абраш(абреш)* – “nježav”, *алат* – „црвен коњ, *equus rufus*” и другие. Несколько подобных слов, спорадически упоминаемых, встречаем в специальном исследовании Фр. Миклошича о туркизмах в «юго-восточно- и восточно-европейских» языках [F.Miklošič, Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen. I-II. Hälfte (1884); Nachtrag I-II (1888-1890), Wien].

Наиболее полным в историко-этимологическом плане следует признать фундаментальное исследование акад. П.Скока о туркизмах в языке боснийских хорватов-католиков [P.Skok, Prilozi za proučavanje turcizama u hrvatskom jeziku. – Slavica, роџ. XV, сеš. 4, Praha, 1938, s.165-190; 336-505]. Автор, авторитетный хорватский этимолог, среди прочих заимствованных ориентализмов, рассматривает также несколько несклоняемых прилагательных-цветообозначений.

Некоторое число неизменяемых цветообозначений можно обнаружить в карманном словаре туркизмов хорватского лексикографа И.Эсиха [I.Esih, Turcizmi. Rječnik turskih, arapskih i perzijskih riječi u hrvatskom književnom jeziku i pučkom govoru. Zagreb, 1942].

---

²⁷ Исконными общеславянскими (праславянскими) обозначениями цвета и краски были лексемы *maсть и *květъ (ст.-слав. *масть* и *цвѣтъ*), которые сохранились в первоначальных «цветовых» значениях в абсолютном большинстве славянских языков и диалектов. Зафиксированный в хорватских словарях не ранее начала XVIII «балканский турцизм» *boja* в иерархии словарных статей всегда занимал подчинительное место, следуя после лексем *mast, farba* (см. словари А.Делла Беллы, И.Белостенаца, А.Ямбрешича). Б.Шулек, известный хорватский лексиколог и лексикограф, составитель 5-ти наиболее значительных хорватских терминологических словарей XIX века, считал слово *boja* вульгарным, а в качестве термина для обозначения понятия «цвет, краска» рекомендовал лексему *mast* [Stolac D. Boje u starijoj hrvatskoj frazeologiji i leksikografiji. – Filologija, knj. 22-23, Zagreb, 1994, s.259].

Лишь незначительной своей частью представлены несклоняемые прилагательные-цветообозначения ориентального происхождения в 23-томном словаре Югославянской академии [Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Izd. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Knj.I-XXIII. Zagreb, 1880-1973].

Наиболее обстоятельный, но всё же далеко не исчерпывающий перечень (в составе около 50 единиц) содержится в словаре турцизмов А.Шкалича [A.Škalić, Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. I izd., Sarajevo, 1965]. Мы рассматриваем материал, насчитывающий более 80 лексических единиц, включая фонетико-морфологические варианты.

Наличие целой группы несклоняемых прилагательных или прилагательных с нулевыми флексиями – черта вполне закономерная и обычная в современных стандартных славянских языках. Как правило, они представляют собой заимствования преимущественно из западноевропейских языков, которые можно рассматривать в качестве своеобразных цветовых интернационализмов. Ср., в частности, в русском языке: *беж, бордо, вермильон, индиго, маренго, массака, хаки, электрик* и др.; в сербском языке: *аквамарин, блонд, бордо, браон, драп, индиго, каки* и др.; в словенском языке: *azur, bež, blond, bordo, cinober, drap, kaki, lila, ultramarin* и др.; в хорватском языке: *blond, bordo, cinober, grao (grau), kaki, krolofil, lila, šetrlji* и т.д.

Исследователи отмечают неизменную тенденцию к количественному увеличению в славянских языках класса несклоняемых прилагательных, в числе которых и прилагательные цветообозначения типа *беж/bež* [Мельников Е.И. Неизменяемые прилагательные в русском языке. – Slavia, гоґ. XXIII, seš.4, Praha, 1956, 562-567; Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. Изд-во Московск. ун-та, 1981, 108-109]. Для объективности следует отметить и противоположную тенденцию, наблюдаемую в славянских языках, когда от аналитических прилагательных типа *беж, бордо, маренго* всё чаще и без видимых затруднений образуются склоняемые формы прилагательных типа *бежевый, бордовый, маренговый*. В этой связи ср.: в сербском языке *индиго* и *индигаст, каки* и *какйев*; в словенском: *azur* и *azuren, klorofil* и *klorofilen*; в хорватском: *azur* и *azuran, grao* и *graorast* и т.д.

В системе словопроизводства и в связи с наличием аналитизма, рассматриваемая группа слов ориентального происхождения в отмеченных языках и диалектах не является совершенно однородной и допускает образование нерегулярных конструкций: „турецкий корень+славянский аффикс” типа *abraš – abraš-ast, abraš-ljiv, alat – alat-ast, esmer – esmer-ast, đogo(đogat) – đogat-ast*, которые образованы под влиянием и по явной аналогии со славянскими деривационными моделями типа *crn – crn-kast*. К ним примыкает группа цветоименований, обозначающих масти живот-

ных типа *abraš(abreš)*, *čilaš*, *kulaš* (модель та же: «тюркский корень + славянский словообразовательный аффикс»).

Ниже приводим корпус несклоняемых прилагательных-цветообозначений, называющих основные цвета спектра и их оттенки, а также некоторые названия масти животных, которые характерны для зоны боснийско-герцеговинских говоров новоштокавского диалекта и косовско-метохийского диалекта; нередко их можно встретить и в литературно-художественных контекстах, преимущественно в произведениях исторического жанра, в описании бытовых сцен:

ačik (hačik) – *otvoren*, *jasan*, *svijetao* – «яркий, ясный, светлый», также выступает в роли первого компонента в сложных цветовых наименованиях типа *ačik-mavi* – *svijetlo-plav* – «светло-голубой»; *al* – *otvoreno-crven*, *rumen*, *ružičast* – „алый, румяный, розовый”; *ala* – *šaren*, *višebojan*; *pjegav* – «пёстрый, разноцветный; пятнистый» (о собственно цвете и о масти); *aladži* – *šaren* – «цветной, многоцветный»; *alali* – *crvenkast*, *ružičast* – «красноватый, розовый»; *albaberi* – *jasno crvene boje*, *kao krv* – «ярко красный, цвета крови»; *almaši* – *blijedoružičaste boje* – „бледнорозового цвета”; *aspur (aspurli)* – 1) *zatvoreno crvene boje* – «тёмно-красного цвета», 2) *veoma crvena boja* – «интенсивный красный цвет»; *azur* – *nebesko plavetnilo* – «цвета яркого голубого неба, «небесного» цвета»²⁸; *bakami* – *boje kao bakam*, *rumen* – «цвета румян *Lignum santalum rubrum*, розово-красного цвета»; *bejazi* – *bijele boje* – «белого цвета»; *čičekli* – *svjetast*, *na svjetve*, *sa svjetovima* – „цветной, цветастый, многоцветный”; *čivit* – *modrilo*, *indigo* – „ярко-голубой цвет, индиго”; *đumišli* – *srebrast*, *boje srebra* – „серебристый, цвета серебра”; *đuvez (đuvezli)* – *tamnocrven*, *rumen*, *crveno-ljubičast* – „тёмно-красный; красно-фиолетовый”; *esmer* – *crnkast*,

²⁸ По мнению А.Шкалича, цветоименование *azur* в сербохорватском языке является турцизмом, восходящим к перс. *lāžwerd* – „plava boja (kao što je boja neba ili mora) [Škalić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku, s.108]. Однако давнее (до появления турок на Балканах) и широкое распространение этого цветоименования (нередко в трансформированных вариантах) во многих европейских языках, включая славянские, заставляет усомниться в этом. Ср. в чеш. *lazur*, польск. *lazur* (с XV в. название минерала, краски и цвета: Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, s.291), а также рус. *лазурь*, *лазорь* (с XVI в.), см.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II, стлб. 4. Если в западно- и восточнославянских языках заимствование происходило через германский фильтр, из ср.-в.-н. *lazûr*, *lasûr*, восходящего к лат. образцу, то у южных славян заимствование осуществлялось не из ср.-лат. *lazurium*, *lasurium*, а непосредственно из итал. *l'azzurro*, *azzurro* из *lazurro*, которое, в свою очередь, восходит к араб. *lāzavard*. О.Н.Трубачёв полагает, что, вопреки Ф.Миклошичу, тур. *ladzûverd* не является исходным при заимствовании в славянских языках [см. комментарий О.Н.Трубачёва в словарной статье *лазурь*, *лазорь* в кн.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II, Москва, 1967, с.450].

garav – „черноватый, чернявый, брюнет; закопчённый, вымазанный сажей”;

gojali – crna oka, a bijela lica – „черноглазый, но белолицый”;

gokmavi – plave boje kao nebo, azuran – „цвета голубого неба, азурный”;

golubi²⁹ – pepeljaste boje – „пепельно-серого цвета”;

jagazli (agazli) – kestenjasne boje – „каштанового цвета”;

jakuti – boje kao rubin – „рубинового цвета”;

jalduzli – zlate boje – „цвета золота”;

ješil (jašar) – zelen – „зелёный”;

kajsarli (kajsarli) – kajstarski, od kajstarske kože; crveni sahtijar (po gradu Kajseriju u Maloj Aziji) – karmesin Leder; cocineus – „из козьей сафьяновой кожи красного цвета”;

kanli – krvav, crven kao krv, boje krvi – „кровового цвета, цвета крови”;

kara – crn, crna, crno – „чёрного цвета”;

karađoz – crnooki – „черноглазый”;

karakašli – crnih obrva – „чернобровый”;

karpuzi – boje lubenice – „красного цвета как мякоть арбуза”;

kinali (krnali, krmali, kanali, kanajli) – okniven, boje kne – „цвета хны”;

kizil – tamnocrvena boja – „тёмно-красного цвета”;

koj – zatvorene boje – „тёмный цвет, тёмного цвета”;

koješil – zatvoreno zelene boje, ugasito zelene boje – „тёмно-зелёного цвета”;

kojvišnevi – zatvoreno višnjeve boje – „тёмно-вишнёвого цвета”;

krmezi (<tur. *kirmizi* – crvene boje kao krmez (1. lijepa ugasita crvena boja koja se dobija od istoimenog veoma sitnog insekta. Iz njega se vadi boja *krmez*, od koje se pravi karmin za usne) – „тёмно-красного цвета, карминного цвета (<фр. *carmin* < араб. *qirmiz* – „кошенилевый») цвет);

krmzi (krmzli) – (<tur. *kirmizi* – crven) – „красного цвета”;

krzli (<tur. *kizil* – crven) – „тёмно-красный”;

kupusi – boje kao kupus³⁰ – „цвета молодой капусты”;

kurkumi – intenzivno narančaste boje – „ярко-оранжевого цвета”;

kuršumi – boje olova – „свинцового цвета”;

lahani – blijedno zelene boje kao mlad kupus – „бледно-зелёный лист молодого капустного листа”;

lal – rumen, ružičast, boje kao rubin – „розовый; рубинового цвета”;

limuni – žute boje kao limun³¹ – „жёлтый как лимон”;

luledi – ciglaste boje – „кирпичного цвета”;

mavez (mafaz, mahvez) – plavi pamuk, pamuk u boji; plavi bez, plavo pamučno tkanje – „окрашенная голубым хлопчатобумажная ткань, голубая бязь”;

mavi – plav kao nebo – „цвета голубого неба”;

ačik mavi – otvorenoplave, svjetloplave boje – „ярко-голубой, светло-голубой цвет”;

ukoj mavi – zatvorenoplave boje – „тёмно-голубой цвет”;

meneviš (menefiš, meleviš) – modro-lubičaste boje kao *menevša*

²⁹ гибридное образование, состоящее из слав. корня *golub-* + араб.-перс. суфф. *-ī*.

³⁰ в этом слове к славянскому корню *kup-(us)-* присоединён араб.-перс. суфф. *-ī*.

³¹ А.Шкалич (с.425) относит несклоняемое прилагательное *limuni* к ориентализмам (< tur. *limon* < pers. *līmūnī*). Однако, ввиду раннего появления слова *лимонъ*, например, в др.-русск. языке (с XV в.) [Фасмер II, 497], говорить о тюркском посредничестве нет оснований. По мнению ряда этимологов, во многие европейские языки это слово входило через нов.-греч. *λιμόνι* или непосредственно из итал. *limone*. Несмотря на то, что первоисточником романского слова действительно является араб.-перс. *līmūn* (по происхождению из Индии), у балканских славян это слово известно до нашествия турок и более логично предположить, что пришло оно из средиземноморского языкового окружения, вероятнее всего из греч. или итал.

(pitoma ljubičica *Viola tricolor*) – «лилово-синего цвета» домашней трёхцветной фиалки»; *mor* – ljubičast – „фиолетовый”; *mormeneviš* – ljubičasto-višnjeve boje – „вишнёво-фиолетового цвета”; *penbe (penbe)* – ružičast – „розовый”; *pirozi* – zelenkasto-plave boje kao dragi kamen piroze (tirkiz) – „зеленовато-голубого цвета, цвета бирюзы”; *sijah (sija)* – crn, mrk – „чёрный, тёмный”; *sutmavi* – bjelkasto-plave boje – „беловато-голубой”; *šafi* – čist, otvoren – „чистый, ясный; яркий”; *šafрани (zafrani, žafrani)* – žute boje kao šafran – „шафраново-жёлтый, цвета шафрана”; *tarčini* – cimet-boja, boje kao cimet – „коричневый, цвета корицы; *turundži* – чисто narančaste boje, boje turundže – „ярко-оранжевый”; *ukoj* – zatvorena boja, zatvorenoplava boja – „тёмный, тёмно-синий цвет”; *varakli* – srebrnaste boje – „серебристого цвета”; *višnjevi* – višnjeve boje³² – „вишнёвого цвета”; *zejtini* – boje kao maslinovo ulje – „зеленовато-жёлтого цвета оливкового масла”; *zerdečaf (zerdečef, zerdečap)* – kurkum-boja, intenzivna narančasta boja – „ярко-оранжевый цвет”.

Наблюдения свидетельствуют, что на вышеозначенных языковых территориях в связи с уменьшением и изменением круга носителей диалектной речи, сельской и городской, а также действием иных внеязыковых факторов, в последнее десятилетие произошло особенно значительное сужение функции описываемого пласта лексики. Вне мусульманских конфессиональных и культурных этнических территорий и анклавов прослеживается непрерывная тенденция к архаизации многих исторических турцизмов, к их забвению и, как следствие, к полному их отмиранию уже в наши дни. На Балканах процессы эти во многом обусловлены не только объективным течением языковой эволюции, но также в огромной мере воздействия целого комплекса мировой политики на протяжении всего бурного XX века. В частности, языковую ситуацию усугубили военные, политические и экономические события, сопровождаемые массовыми миграциями населения, относящегося к разным конфессиям и сферам культурного влияния, (само)идентификация которого всегда происходила в первую очередь по этнической принадлежности, а значит и конкретному говору или диалекту.

В связи с нашей узкой темой можно констатировать, что в результате воздействия различных интра- и экстралингвистических факторов заимствованные несклоняемые прилагательные-цветонаименования запад-

³² Общепринятой этимологии общеславянск. *вишня/višnja* не существует. Исследователи расходятся во мнении, но их рассуждения не выходят за рамки индо-европ. языков [Фасмер I, 325; Черных I, 156; Gluhak, 672-673; Brückner, 625]. Но по мнению А.Шкалича, в боснийских говорорах *višnjevi* восходит к < tur.vižnevi < pers. *višnewī* (с.641). Это едва ли соответствует истине, т.к. доподлинно известно, что прилагательные – дериваты от *višnja* имеют место во всех славянских языках и диалектах, включая балканский регион. Они зафиксированы в разных частях славянского языкового мира до появления турок на Балканах.

ноевропейского происхождения типа *bež, blond, bordo* и прилагательные-цветонаименования ориентального происхождения типа *ačik, al, alali, almaši, aspurli* на территориях распространения бывшего сербохорватского языка на рубеже XX и XXI веков пережили разную судьбу. Относящиеся к первой группе неизменяемые прилагательные в наши дни представляют собой активную часть современного литературного вокабуляра в языке сербов и хорватов. Характеризуясь очевидной тенденцией к утрате аналитизма, они остаются регулярной частью морфологической системы всех славянских языков (ср. русск. *беж-бежевый, бордо-бордовый, индиго - индиговый* и т.д. Входящие во вторую группу прилагательные-цветонаименования ориентального происхождения в силу указанных выше обстоятельств в наши дни активно вытесняются из активного словоупотребления на его глубокую периферию. Остаётся только сожалеть о почти безвозвратной утрате этого яркого и оригинального пласта лексики, столь характерного именно для описанной части славянского языкового пространства. Красоту самобытных колористических наименований и цветовых эпитетов с большим художественным вкусом и эстетизмом как нельзя лучше отразил в своих произведениях и сохранил для нас и последующих поколений несравненный певец Боснии, лауреат Нобелевской премии в области литературы Иво Андрич.

Время покажет по какому пути пойдёт развитие новых провозгласивших себя славянских языков на Балканах, как они распорядятся лексическим наследием сербохорватского литературного языка. В наши дни в Боснии и Герцеговине, где по воле обстоятельств этнические мусульмане, католики и православные продолжают жить бок о бок, и уже относительно мирно, минимальные диалектные языковые различия активно используются для того, чтобы эти этнические группы не сближались, а отделялись одна от другой. Например, боснийская интеллектуальная элита стремится расширить уважение к своим исламским корням путём внедрения в язык новых слов и выражений из турецкого и арабского языков, а также более активного использования периферийной лексики ориентального происхождения, которая и раньше имела место на этой диалектной территории. Рассматриваемый нами лексический пласт несклоняемых прилагательных цвета как раз относится к этой категории. В этой связи весьма вероятно перспектива «второго рождения» этой лексики, её возрождения в новом боснийском языке.

* * *

1. Исследователи уже обращали внимание на различное положение кратких/полных прилагательных в системе частей речи в отдельных славянских языках [370]. Указывается, в частности, на различие в упо-

треблении кратких и полных форм внутри южнославянской языковой подгруппы. Если, например, в болгарском и македонском языках доминирующее положение занимают краткие прилагательные, а употребление полных (формы на –и) ограничено, то в рассматриваемых нами сербском, хорватском и словенском языках имеющаяся оппозиция определенных-неопределенных прилагательных ослаблена в косвенных падежах как в связи с совпадением некоторых форм обоих классов, так и неупотребительностью других форм [370; 24-25].

2. В современных сербском и хорватском языках, например, нелегко определить количественное соотношение определенных/неопределенных (полных/кратких) форм прилагательных-цветообозначений. Применение двояких форм лишено явной и последовательной семантической обусловленности и мотивированности. Хотя и те и другие продолжают употребляться в роли определения, все более заметным становится функционально-позиционное размежевание. При этом основная сфера неопределенных (кратких) форм – это сказуемое и обособленные обороты; употребление этих форм в качестве определений ограничено.

Говоря о частеречевой типологии славянских языков, учёные выделяют в них два типа с различной картиной использования кратких прилагательных [370; 26]. Первый охарактеризован как тип максимального использования кратких форм. В него входят, кроме болгарского и македонского, также сербский, хорватский и словенский. Ко второму типу минимального использования кратких прилагательных учёные относят прежде всего все западно-славянские языки (кроме чешского), а также белорусский и украинский. При этом русский язык занимает промежуточное положение между минимальным и максимальным типом.

Сопоставление показывает, что южнославянский и русский типы также характеризуются различной степенью употребления кратких и полных форм прилагательных, в том числе и прилагательных, обозначающих цвет. Сопоставляя употребление полных и кратких форм прилагательных в различных славянских языках, А.Е.Супрун делает следующую оговорку: „...Приведенная типология довольно груба, т.к. она естественно не могла учитывать все детали использования кратких прилагательных (важнейшие маркирующие категории здесь: возможность образования кратких от всего корпуса прилагательных или его фрагментов, наличие и распространенность атрибутивной и предикативной функций, наличие особых форм склонения или выключение из системы склонения)” [370; 26].

2. Сопоставление показывает, что при образовании степеней сравнения исследуемой группы слов в близкородственных славянских языках наблюдаются черты значительных несовпадений:

а) русскому языку присущи как синтетический способ образования сравнительной и превосходной степеней (краснее, чернее; белейший, желтейший и т.д.), так и аналитический, т.е. выраженный сочетаниями типа:

более черный, более синий; самый черный, самый синий; чернее всех, синее всех и т.д.

б) для сербского и хорватского языков характерным является наличие только синтетических (простых) форм сравнительной степени (путем присоединения к корню или основе кратких прилагательных соответствующих суффиксов и родовых окончаний) и превосходной степени (единственный способ образования – присоединение префикса naj-/пај- к форме сравнительной степени прилагательных). При этом все прилагательные-цветообозначения в сербском и хорватском языке в формах компаратива и суперлатива изменяются по падежам как полные прилагательные позитива с мягкой основой;

в) специфической особенностью образования форм степеней сравнения в словенском языке является употребление аналитического способа при образовании и компаратива (конструкции из частицы bolj в сочетании с формой позитива прилагательных-цветообозначений: bolj rdeč, bolj črn, bolj bel и т.д.), и суперлатива (конструкции из частицы najbolj в сочетании с формой позитива прилагательного-цветообозначения: najbolj rumena, najbolj rjav и т.д.).

Сравнение случаев употребления/неупотребления отдельных форм степеней сравнения в русском, сербском, хорватском и словенском языках указывает на совпадение в большинстве пунктов. Ср. в этой связи пункты 1, 2, 3, 5, 6 в русском языке, пункты 1, 3, 4, 5, 6 в сербском, хорватском языках и пункты 1, 2, 3, 4 в словенском языке. Исключение составляют лишь пункт 4 в русском, пункт 2 в сербском и хорватском языке, которые отражают специфические черты в их семантике и словообразовании.

Словообразовательный анализ прилагательных цвета в русском, сербском, хорватском и словенском языках

Глава посвящена синхронному сопоставительному исследованию словообразования рассматриваемой группы прилагательных в родственных славянских языках: русском, сербском, хорватском, словенском, где исходным является русский³³.

Конкретные задачи, решаемые в этой главе: а) выяснение словообразовательных возможностей прилагательных цветообозначения, их способности к словопроизводству и словосложению; б) выявление путем сопоставления общих, индивидуальных, а также типологически существенных черт в словообразовании цветообозначений; в) выделение специфических особенностей, присущих каждому отдельному языку.

Все окружающее нас – это мир цвета и красок, для которого характерно разнообразие сочетаний и оттенков. Цвет является одним из свойств объектов материального мира и воспринимается как зрительное ощущение. В качестве части речи, призванной обозначить эти ощущения, в исследуемых языках используется прежде всего прилагательное³⁴.

Для передачи цветовых оттенков при помощи самих прилагательных служит в первую очередь словообразование. Между тем словообразовательный аспект лексики цветообозначения в южнославянских языках до сих пор не привлекал внимания исследователей, хотя именно словообразовательные отношения внутри этого лексического пласта в рассматриваемых языках несомненно обладают значительным своеобразием и заслуживают внимания как в плане их описания, так и в плане сопоставления.

Отправным моментом при проведении словообразовательного анализа в нашем случае стало установление соотношения между типологией и словообразованием как одной из лингвистических дисциплин. Системный подход к языку в нашем случае определил выбор словообразовательной системы в качестве объекта сопоставительно-типологического исследования. Словообразование является системой, которая по самой своей сути объединяет в себе грамматическое и лексическое, что говорит о ее междуровневом характере и позволяет применить комплексный подход к изучаемым явлениям. Наиболее регулярные и системные связи существуют между словообразованием и грамматикой. Грамматичность словообразовательного суффикса, который в ряде языков указывает на принадлежность

³³ Порядок рассмотрения материала в этой главе связан преимущественно со степенью лингвистической изученности вопроса в исследуемых славянских языках.

³⁴ Хотя в принципе возможно и отвлеченное субстантивное обозначение цветового признака: синь, краснота, чернота, белизна, голубизна, желтизна. Эти обозначения, однако, воспринимаются как производные от прилагательных.

производного слова к той или иной части речи и определяет его парадигму, подтверждает эту мысль. Вместе с тем, по своей основной цели, которая заключается в создании нового слова и пополнении словаря, - в чем проявляется неразрывное единство словообразования и лексики – словообразование принадлежит к ономазиологии. Названные свойства объясняют особое положение словообразования среди других лингвистических дисциплин и необходимость словообразовательного анализа как части сопоставительно-типологического изучения цветообозначения в отдельных славянских языках.

В зависимости от оформленности основ прилагательных цвета в славянских языках (оформленность основ со своеобразными корневыми морфемами и оформленность основ со связанными корнями) они могут быть разделены с синхронической точки зрения на несколько групп, находящихся в разных отношениях к категории словообразовательной производности:

1) Прилагательные со свободно членимыми основами, т.е. слова, основы которых являются членимыми, оформленными и содержат свободные, несвязанные корневые морфемы. Например: синеглазый, золотоволосый, черноокий; *plavkos, crnook, modrook, belobrk, belook, črnobrad* и т.д.

2) Прилагательные со связанными корнями, т.е. слова, основы которых являются членимыми и оформленными, но содержат несвободные, связанные морфемы. Например: жар(к)ий (о цвете), дымный, грязный, мышиный, морковный и т.д.; гаран, млечан, пепельаст, *akvamarinski, čađav, kestenjast* и т.д.

3) Слова с единичными (уникальными) нерегулярными служебными, аффиксальными словообразовательными морфемами, т.е. слова с членимыми неформленными основами, у которых в качестве служебных морфем выступают звуковые отрезки, не употребляющиеся в другом окружении, в других однотипных словах. Например: белёсый; в хорватском – *plavetan, crnpurast, crnomanjast*, в словенском – *plaveten, črnpurast*. К производным словам с единичными служебными морфемами могут быть отнесены в русском языке также некоторые сложные слова, подвергшиеся опрощению, при условии семантической мотивированности соотносительными, однокоренными словами и при наличии других признаков словообразовательной производности. Это такие слова, один из компонентов которых сохраняет лексическое значение и может выступать в свободном виде, а другой лишен лексического значения и выступает в функции служебной морфемы, суффикса или префикса (в зависимости от позиции по отношению к корневой морфеме, сохранившей лексическое значение). Ср., например: белобрысый – имеющий белые (в значении „очень светлые”) волосы; белокурый – то же, что белобрысый и некоторые другие.

4) Слова с нечленимыми основами. Например: белый, вороной, синий и т.д.; вран, бео, *žut, plav, sinji; črn, bel, rjav* и т.д.

Прилагательные-цветообозначения, относимые к структурной группе, в которую входят слова с нечленимыми основами, могут быть как производными, так и непроизводными. К производными словам с нечленимыми основами относятся флективные безаффиксные образования, слова с так называемыми нулевыми суффиксами, например: вороной, рудый, русский, золотой, синий, сивый, рыжий, соловый, голубой, алый, белый, черный, буланный, каурый, пегий, саврасый, чалый и др.; бео (бели), crni, plavi, zeleni, žuti, sivi, rusi, mrki, ridi.

При наличии явных отношений словообразовательной производности (деривационной мотивированности) между соотносительными однокоренными словами в ряде случаев остается неясным вопрос о направлении производности, т.е. вопрос о том, какое из соотносительных слов следует считать производным и какое – его производящим. Это прежде всего относится к словам, у которых отсутствуют ярко выраженные внешние формальные признаки словообразовательной производности, например: золото – золотой, синь – синий, голубь – голубой; zlato – zlati; golub – golubi; sinj (modrilo) – sinji.

При отсутствии специальных формальных средств словообразования, в случае так называемой несобственной деривации (флективного, безаффиксного словообразования, нулевой суффиксации или конверсии), основным показателем направления словообразовательной производности служат отношения семантической мотивированности между соотносительными однокоренными словами. В подобных случаях производными являются те члены пар соотносительных слов, значения которых мотивируются значениями других однокоренных слов, определяются посредством ссылки на их значения. В таких парах, как, например: золото – золотой, синий – синь, производными следует считать вторые, правые члены, так как при одинаковой формальной сложности обоих членов приведенных пар значения последних, правых членов являются более сложными, мотивированными, могут быть объяснены через значения соответствующих первых левых членов, но не наоборот. Рассматриваемые отношения между однокоренными словами нередко наблюдаются также при кажущейся формальной мотивированности одного из членов словообразовательной пары, например: ультрафиолетовый – ультрафиолет. В приведенной паре слов семантически мотивированным является второй член, а в формальном отношении оба члена являются немотивированными, одинаковыми по сложности: второй член этой пары представляет собой усеченную основу первого. Ср., например, в сербском и словенском: ултравиолетан – ултравиолет; ultra-violeten – ultraviolet.

Способы словообразовательного оформления прилагательных-цветообозначений

Под пониманием словообразовательного или деривационного оформления мы понимаем свойство синхронически производного слова, определяемого такими формальными признаками как: 1) характер производящей базы, т.е. количество составляющих ее слов; 2) характер словообразовательного форманта, т.е. количество и вид входящих в его состав основных словообразовательных средств, к которым относятся префиксальные, суффиксальные, постфиксальные и флективные морфемы.

В соответствии с этим некоторые исследователи выделяют в современном русском языке 14 способов словообразовательного оформления, на основании которых различаются соответствующие структурные разновидности производных [287].

Некоторые из способов словообразовательного оформления, такие как, например, образования постфиксальные, префиксально-постфиксальные, префиксально-флективные, суффиксально-постфиксальные, префиксально-суффиксальные, постфиксальные нехарактерны для рассматриваемой в данной работе группы прилагательных.

В сфере имен прилагательных, а точнее тех, которые обозначают цвет и цветные оттенки, можно выделить 6 способов словообразовательного оформления, а именно: префиксальный, суффиксальный, флективный, „чистого” сложения, сложно-суффиксальный, сложно-флективный.

Префиксальные прилагательные в русском, сербском, хорватском и словенском языках

Во всех рассматриваемых языках префиксальные или приставочные прилагательные представляют собой сочетания производящих слов (в полном составе) со словообразовательными префиксами. Характерной особенностью префиксальных производных является сохранение ими соответствующих морфологических признаков соответствующих производящих слов, что связано с препозитивным положением словообразовательной морфемы.

Для всех рассматриваемых языков префиксация как один из способов словообразования прилагательных-цветообозначений, в принципе нехарактерна.

В русском языке встречаем единичные случаи прилагательных-цветообозначений с префиксом без-(бес-) – бесцветный, ультра- (ультрафиолетовый), инфра- (инфракрасный).

Среди префиксальных прилагательных цвета в русском языке, видимо, особое положение занимают образования с оценочными префиксами пере- (пересиненное белье), под- (подсиненный, подчерненный, подбеленный и т.д.).

Одни исследователи относят подобные префиксы так же, как и оценочные суффиксы прилагательных –оват-, -оньк- (-охоньк-, -ошеньк-), -ущ- и др. к числу словообразовательных морфем [128], другие рассматривают их как формообразовательные морфемы [135], третьи считают, что такие аффиксы занимают промежуточное положение между словообразовательными и формообразовательными морфемами, что они могут выступать и как словообразовательные, и как формообразовательные элементы [206]. По нашему мнению, рассматриваемые аффиксы по характеру своего значения ближе к словообразовательным, чем к формообразовательным морфемам.

К словообразовательным морфемам некоторые лингвисты относят префикс по- в сочетании с формами сравнительной степени прилагательных (в том числе – прилагательных-цветообозначений) на –ее: позеленее, посинее, почернее, посерее, пожелтее и т.д. Согласно академической грамматике современного русского языка: „От форм сравнительной степени с помощью приставки по- образуются неизменяемые слова с категориальными свойствами и значением компаратива, но с общим значением усиленной степени признака” [128; 402]. Следует заметить, что подобные образования в ней не рассматриваются ни среди производных прилагательных, ни среди производных наречий, хотя авторы «Грамматики» и утверждают, что русские префиксы – только словообразовательные. Мы придерживаемся традиционного взгляда на данный префикс как на формообразующий аффикс и образования с этой префиксальной морфемой рассматриваем как грамматические формы степеней сравнения соответствующих прилагательных.

По сравнению с русским языком в рассматриваемых южнославянских языках фиксируем несколько более разветвленный (хотя и с ограниченным числом вариантов) ряд префиксов, участвующих в словообразовании прилагательных-цветообозначений.

Например, в хорватском и сербском языке это такие префиксы, как: bez – (bez – bojan); za – (zajapuren, zažaren, zagasit, zapražen); pre – (preplanut); o – (opaljen); po – (potmuli); su – (subelkast); u – (ugasit). Некоторые лингвисты к словообразовательным морфемам относят и префикс naj- в составе форм суперлатива прилагательных цвета: najzeleniji, najbeliji, najstniji и т.д. Акад.М.Стеванович по этому поводу пишет следующее: „Суперлативный элемент naj- не префикс, а это особая, первая часть сложного прилагательного, второй частью которого является компаратив прилагательного (naj-црњи); и т.к. две эти части в неизменном виде „срастаются” в сложное слово тем же способом, как в неизменном виде „срастаются” префиксы с формами простых прилагательных, то формы суперлатива просто сродни сложным прилагательным с префиксами” [771; I, 449] (перевод наш – Г.К.).

В словенском языке: pre – (prekaljen, prepražen); po – (potemnel); brez – (brezbarven).

Случаи единичного употребления с префиксами ultra- и infra-: ultra-violetan, infracrven, ultraljubičast. Определенный интерес представляют случаи дословного перевода префиксов ultra- и infra- в языке хорватских авторов. Ср., например, в стихотворении Т.Уевича (Т.Уjević „Tragika očiju”) подобные калькированные конструкции: „...od ispodcrvenoga do prekoljubičnoga” (Jezik, br. 5, 1977/78, s.136).

Характер образования префиксальных прилагательных-цветообозначений в рассматриваемых языках абсолютно идентичен. Как в русском, так и в сербском, хорватском и словенском языках, судя по „причастному” характеру (кроме примеров бесцветный, bezbojan, subelkast), все они образованы от префиксов глаголов.

Суффикальное словообразование прилагательных-цветообозначений

По принципу номинации выделяются во всех рассматриваемых языках слова: 1) обозначающие типичный цветовой признак предмета: глиняный, земляной, смоляной; antracitan, garan, krvav, smoljav; 2) цветовой признак, обычно присущий предмету: серебряный, охряной (охряный); srebrni, okerast; 3) окказиональные слова: водяной, ржаной; kavast, knjiven.

По грамматическому характеру мотивирующего слова суффиксальные прилагательные-цветообозначения, представляющие во всех рассматриваемых языках самые многочисленные разряды производных, следует отнести к следующим группам:

а) прилагательные, мотивированные существительными: бронзовый, кровавый, янтарный; bronzani, krvavi;

б) прилагательные, мотивированные прилагательными: красненький, зеленущий, беловатый; zelenkast, sponutast;

в) прилагательные, мотивированные глаголами: защитный, вороненый, блеклый, линиялый; zagasit, zajarugen. Ср. в сербском языке систему дериватов от прилагательного-цветообозначения бео – бели, в образовании которого участвуют различные суффиксы: беликаст, белњав, беличаст, беличав, беличан, беличараст, белутаст, белуткаст, белуцав, белушан, белушав, белушаст, белушат, белушкав, белулав, белушьнав; белкаст, белсаст; белцат, беласав, бельасав; беласт, бельаст; бельушан, бельушав; бельав (РСКНЈ, књ. 1, с.442-467). Эти производные в свою очередь могут выступать в качестве первых компонентов сложных прилагательных-цветообозначений, таких как, например: беличастосив, белкастоплав, белушкастосмеђ и др.

А. Суффиксальное словообразование прилагательных-цветообозначений в русском языке

В группу прилагательных-цветообозначений, мотивированных существительными, можно объединить следующие:

1) с суффиксом –н-: прилагательные-цветообозначения с этим суффиксом обозначают признак, относящийся к предмету, явлению, вызванному мотивирующим словом: морковный, салатный, дымный, пшеничный, молочный, жемчужный, кирпичный, железный, янтарный, шафранный, киноварный и т.д. Обычно это основы, характеризующие типичного носителя цветового признака. В живой русской речи, как и в языке художественных произведений, таятся неисчерпаемые возможности семантического соединения слов, отражающиеся в контекстуальной семантике прилагательных-цветообозначений.

2) с суффиксом –ан- (-ян-): прилагательные-цветообозначения с этим суффиксом имеют общее значение, относящееся к тому, что вызвано мотивирующим словом и конкретизируется в различных значениях. Тип непродуктивен. К нему относятся такие, например, прилагательные-цветообозначения как: глиняный, земляной, водяной, охряной (и охряный), кровавой, ржаной, серебряный, сливяной, смоляной, сурьмяный и др;

3) с суффиксом –ов- (-ев-): прилагательные с этим суффиксом означают „относящиеся к тому, что названо мотивирующим словом” [128, I, 278]. Мотивирующие – преимущественно неодушевленные существительные с конкретным значением: апельсиновый, вишневый, бронзовый, ореховый, бирюзовый, охровый, розовый, оливковый, лимонный, морковный, опаловый, сапфировый, васильковый, гороховый, каштановый и т.д. Тип высокопродуктивен в различных сферах русского языка;

4) с суффиксом –ист-: прилагательные-цветообозначения с этим суффиксом имеют общее значение „характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом” [128, I, 289].

Тип проявляет высокую продуктивность: блондинистый, золотистый, серебристый, искристый, огнистый, охристый, глинистый, пятнистый; в сложных словах с первым компонентом золотисто- и серебристо- и т.д.;

5) с суффиксом –ав- (-яв-): прилагательные, обозначающие цвет, с этим суффиксом имеют значение „обладающий в качестве отличительного признака тем или содержащий то, что вызвано мотивирующим словом” [128, I; 290]. Тип непродуктивен: чернявый, ржавый, белявый, кровавый; сложные слова с первым компонентом кроваво- (кроваво-красный) и др. [94; 175].

6) с суффиксом –аст-: По сравнению с прилагательными-цветообозначениями с суффиксами –ист- и –оват-, несущими то же значение, в прилагательных с суффиксом –аст- акцентируется интенсивность выражаемого признака. Продуктивный по отношению к разветвленному разряду качественных прилагательных вообще, применительно к прилагательным-

цветообозначениям в русском языке суффикс -аст-, однако, непродуктивен. Ср. единичные примеры типа: мышастый, цветастый и некоторые другие;

7) с суффиксом -чат-: этот суффикс, особенно продуктивный в кругу качественных прилагательных в профессиональной и специально-научной речи [94; 175]. Среди прилагательных-цветообозначений в русском языке малопродуктивен. В прилагательных цвета суффикс -чат- более рельефно выступает в значении „напоминающий каким-нибудь качеством, свойством то, что обозначается производящим существительным, похожий на что-нибудь” [94; 175]. Ср.: дымчатый, крапчатый, ржавчатый и некоторые другие.

К группе прилагательных, мотивированных прилагательными, можно отнести следующие:

1) с суффиксом -оват- (-еват-): Прилагательные с этим суффиксом имеют значение „обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом”: красноватый, синеватый, беловатый, сероватый, черноватый, аловатый, зеленоватый, седоватый и др. [129, I; 299]. По мнению акад. В. В. Виноградова, среди качественных прилагательных суффикс (-оват-) находится на границе между суффиксами, производящими новые качественные прилагательные от слов других категорий, и между суффиксами, видоизменяющими качественное значение самого имени прилагательного. Вернее, этот суффикс сочетает обе функции [40, 177].

Наблюдение показывает, что прилагательные-цветообозначения с этим суффиксом, как правило, образуются от основ флексийных русских прилагательных, обозначающих цвет (синий, алый, зеленый, красный, белый и др.).

В отдельную группу можно вынести прилагательные цвета с этим суффиксом, образованные от основ прилагательных-цветообозначений, заимствованных из западноевропейских языков в 18-19 в.в., которые в своем составе также имеют другой (второй) суффикс -ов- (-ев-). Ср. в этой связи: роз-ов-ый – роз-ов-ат-ый; оранж-ев-ый – оранж-ев-ат-ый; кремоватый, лиловатый, бежеватый и т.д.

Тип продуктивен в разговорном и художественном стилях.

2) с суффиксом -оньк- (-еньк-): Прилагательные-цветообозначения с этим суффиксом имеют ласкательное значение: беленький, красненький, коричневенький, серенький и т.д. Тип продуктивен в художественном стиле;

3) с суффиксом -охоньк- (-ёхоньк-) и ошеньк- (-ёшеньк-): Прилагательные-цветообозначения с этими суффиксами обозначают усиленную степень качества в сочетании с ласкательностью: чернёхонький, чернёшенький, белёхонький, желтёшенький, синёшенький, зеленёхонький и т.д. Продуктивность типа ограничена образованиями от основных цветовых

названий, относящихся к исконно русской лексике. Эти образования характерны для языка, ориентированного на старую народную речь и фольклор.

4) с суффиксом –ущ- (-ющ-): Прилагательные с этим суффиксом обозначают усиленную степень качества. Образования этого типа относятся к разговорной и просторечной лексике с оттенком грубоватости: краснящий, зеленящий, чернящий и т.д.³⁵ Продуктивность данного типа ограничена: «Медведиха рыжущая» (Е.Евтушенко).

5) с суффиксом –ейш-: Прилагательные-цветообозначения с этим суффиксом выражают высшую степень проявления признака: чернейший, рыжейший, серейший, желтейший, белейший и т.д.

Прилагательные-цветообозначения этого типа, называемые нередко „превосходной степенью”, характеризуются высокой продуктивностью.

К группе прилагательных-цветообозначений, мотивированных глаголами относятся:

1) с суффиксом -л-: Наиболее многочисленная группа прилагательных с этим суффиксом имеет значение „находящиеся в состоянии, возникающие в результате процесса, названного мотивирующим словом” [129; I, 297]. Мотивирующие – непереходные глаголы обоих видов преимущественно со значением превращения в состояние: линялый (полиялый), блеклый, позеленелый, потемнелый и др. Этот тип возник на базе старого „злого” причастия.

Структура мотивирующих глаголов: префиксальные и суффиксально-префиксальные с теми же суффиксами: поблёклый (поблекший), пожелтый, почернелый (почерневший) (Atratus), поседелый и т.д. Тип продуктивен в разговорном и художественном стилях („Покраснелые глаза” – С.Есенин).

2) с суффиксом –н- (-ен-): Прилагательные с этим суффиксом имеют значение „характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим словом” [129, I; 291]. Применительно к рассматриваемой группе слов тип непродуктивен. Ср.: защитный, вороненый.

3) с суффиксом –ющ-: алеющий (Rutilans), зеленящий (Viridescens), желтеющий (Lutescens), бледнеющий (Pallens, pallescens), буреющий (Fuscescens) и др.

4) Непродуктивный тип со значением „характеризующийся действием, названным мотивирующим глаголом”, представленный прилагательными-цветообозначениями с суффиксом –ян-, подкрепляется единичными примерами: рдяный (рдянóй).

---

³⁵ Просторечный характер носит также ограниченный круг прилагательных-цветообозначений с тем же значением с суффиксом -уч- (-юч-). Ср.: «ночь чернючая» и др.

Б. Суффиксальное словообразование имен прилагательных, обозначающих цвет, в сербском и хорватском языке

В отличие от русского языка, в сербском и хорватском представлено в количественном плане значительно большее число суффиксов, участвующих в создании прилагательных-цветообозначений. Рассмотрим наиболее часто встречающиеся.

1. Прилагательные-цветообозначения, мотивированные существительными:

а) с суффиксом –ан- (-ани-) и суффиксом –ен- (-ени-): Прилагательные-цветообозначения с этими суффиксами имеют общее значение: относящиеся к тому, что названо мотивирующим словом и конкретизируется в различных значениях. Относятся к продуктивным типам. Ср.: азуран, златан, блеђан, гаран, опалан, мрачан, снежан, воштан и т.д.; бакрен, багрен, кафени, алабастрен, мавен, гримизан, ален, чивитан и др.

б) с суффиксом -ав- (-ов-) -ев-: Прилагательные с этим суффиксом обозначают: относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом. Мотивирующие слова, как правило, неодушевленные существительные с конкретным значением. Ср.: крвав, чађав, смолав, вишьев, блештав, сингав, алев, алабастров и т.д. Тип высокопродуктивен в различных сферах языка.

в) с суффиксом -ск(и): Зафиксировано всего несколько случаев употребления: небески, аквамарински и некоторые другие.

2. Прилагательные, мотивированные прилагательными:

а) с суффиксом -каст- (-аст, -саст-): Прилагательные цветообозначения с суффиксом -каст- (-аст-, -саст-) имеют ярко выраженный деминутивный оттенок³⁶. Ср.: жућкаст, белкаст, зеленкаст, руменкаст, сивкаст, црвенкаст, шаркаст, белкаст, црњкаст, жаркаст, ружичаст, жуткаст; црнаст, сребраст, сребрнаст, сиваст, риђаст, пепельаст, земляст, наранчаст (наранђаст, наранцаст); товаст, esmerast, alast и др.

б) с суффиксами –икаст-, -ињав-, -ичаст-, -мањаст-, -уљаст-, -ушав-, -ушкав-, -уцав-, -ушкаст-, -ушаст-, -чараст-: прилагательные-цветообозначения с этими суффиксами, так же как и с суффиксом -аст- (-каст-) имеют уменьшительное значение. Составная часть суффикса -уш- вероятно вносит нюанс ослабленности интенсивности качества, также как и в прилагательных на -ушаст-, и особенно на -ушкаст-, имеем ослабление качества, выраженного основным прилагательным. Ср.: модрикаст, водњикаст, беличаст, плавушаст, белушаст, плавушкаст, белушкаст, плаветникаст, беличараст, бельињав, белушав, белушкав, плавуљаст, белуцав, црномањаст и т.д.

---

³⁶ Акад. А.Белич писал о том, что суффикс –аст- часто имеет деминутивное значение и «да се додаје придевима који су по своме образовању имали ту нијансу» [А.Белић, Савремени српскохрватски језик. Наука о грађењу речи. I изд. Београд, 1949, с.176].

в) с суффиксом –етан-: Зафиксировано единственное прилагательное с суффиксом –етан-: плаветан, которое отличается от прилагательного плав лишь тем, что употребляется для обозначения синего или темно-голубого цвета огромных, необъятных пространств, моря или неба. «За очи се никад не каже да су плаветне, као ни за мараму или кошуљу» [771; I, 599].

г) с суффиксом –цат-: Единичные случаи употребления в прилагательных-цветообозначениях, обозначающих проявление высшей степени цветового качества: бео – белцат („белый – белешенек, совершенно белый”).

В общих чертах та же ситуация характерна и для хорватского языка.

3. Прилагательные-цветообозначения, мотивированные глаголом с суффиксом –ен-, -ит-: Данный словообразовательный тип представлен многочисленными примерами: загасита, угасита, запражена, жапурена, жапрена, орајена, препланута и т.д. как в сербском, так и в хорватском языке.

В. Суффиксальное словообразование имен прилагательных, обозначающих цвет в словенском языке

1. Прилагательные, мотивированные существительным:

а) с суффиксом -n/-en(i): oranžen, oranžni, srebrn, srebrn(i), škrlaten.

б) с суффиксом –av, -ov, -ev: rjav, krvav, alabastrov, višnjev.

2. Прилагательные, мотивированные прилагательными:

а) с суффиксом –ast/-kast: modrikast, belkast, zelenkast, rumenkast, sivkast, violičast, oranžast, rjavkast, rožast, krvavkast, škrlatast.

Все эти прилагательные обозначают оттенок цвета.

б) суффикс -etan- в словенских цветообозначениях нами не обнаружен.

3. Имена прилагательные, мотивированные глаголом: ožgan, opaljen, beljen, pozlačen, posrebren.

Таблица распределения словообразовательных суффиксов в русском, сербском, хорватском и словенском языках

русский	сербский	хорватский	словенский
1. В словах, обозначающих типичный цветовой признак предмета или явления			
-ан-	-ат	-at	-n
-ян-	-цат	-cat	-en
-оват-	-аст	-ast	-eni
-еват-	-част	-čast	-ast
-оньк-	-чараст	-šarast	-kast
-еньк-	-каст	-kast	-čast
-ехоньк-	-инкаст	-inkast	
-охоньк-	-икаст	-ikast	
-ущ-	-уласт	-uljast	
-ющ-	-уткаст	-utkast	
-ейш-	-ушкаст	-uškast	
	-жушкаст	-juškast	
	-участ	učast	
	-саст	-sast	
	-ушан	-ušan	
	-утаст	-utast	
	-льаст	-ljast	
	-льат	-ljat	
	-овит	-ovit	
	-икав	-ikav	
	-ицав	-icav	
	-ит	-it	
	-уцав	-ucav	
	-чав	-čav	
	-цав	-cav	
	-ав	-av	
	-јав	-jav	
	-ев	-ev	
	-в	-v	
	Ø	Ø	
	-ав	-ljav	
	-улав	-uljav	
	-ав	-ujav	
	-улав	-ulav	
	-ушав	-ušav	
	-шьав	-šnjav	
	-шкав	-škav	
	-ушан	-ušan	
	-ичан	-ičan	
	-јаш(а)н	-jaš(a)n	
	-јах(а)н	-jah(a)n	
	-н	-n	
	-ен	-en	
	-ски	-ski	
	-етан	-etan	

2. В словах, обозначающих цветовой признак, обычно присущий предмету			
-н-	-аст	-ast	-av
-ен-	-ан	-an	-ov
-ов-	-ани	-ani	-ev
-ев-	-ен	-en	-jev
-ист-	-ени	-eni	
-л-			
3. В окказиональных словах			
-ан-	-аст	-ast	-en
-ян-			-jen
-ист-			-n
-юш-			
-ав-			
-чат-			
-аст-			

Флексийные прилагательные-цветообозначения³⁷

Из огромного общего числа имен прилагательных в славянских языках сравнительно небольшая часть выражает качество или свойство непосредственно, лексическим значением своей основы. К ним в рассматриваемых языках относятся и прилагательные, обозначающие цвет. Таковы, например, в русском: алый, белый и т.д.; в хорватском: zeleni, sinji, beli и др.; в словенском: beli, črni, rjavi и т.д.

Во всех рассматриваемых языках флексийные прилагательные, производные по морфемному составу своих основ, совпадают с соответствующими производящими основами, но отличаются от последних своими флексиями, а именно: наличием материально выраженной флексии при отсутствии ее у производящего слова (голубь – голуб-ой, ворон – ворон-ой); отсутствием флексии при наличии ее у производящего (син-ий – синь, зелен-ый – зелень); наличием разных флексий у производящего и производного (золот-о – золотой). По мнению исследователей, флексийные образования относятся в основном к именам существительным, а среди прилагательных они встречаются значительно реже [110, 31]. Действительно, такие имена прилагательные на фоне всего лексико-грамматического класса прилагательных представлены в русском, а также сербском, хорватском и словенском языках немногочисленной группой субстантивных и отглагольных образований.

Вместе с тем, однако, следует отметить, что в рассматриваемой здесь более узкой семантической категории – прилагательных обозначающих цвет и его оттенки – флексийный способ словообразовательного оформления представлен достаточно полно, причем во всех языках доми-

³⁷ В русском языкознании не выработан единый термин: кроме указанного в нашем заголовке, также распространены варианты терминов: флективные, безафиксные, бессуффиксные образования, слова с нулевыми суффиксами, образования по конверсии или конвертивы.

нирующее положение занимают отадеквативные (мотивированные прилагательными) образования. Ср., например, в русском языке: бел-ый, сер-ый, черн-ый, зелен-ый, красн-ый, желт-ый, син-ий, рыж-ий, сив-ый, сед-ой, сиз-ый, руд-ый (руд-ой), рус-ый, ал-ый, пег-ий, смуг(л)-ый, солов-ый, золот-ой, голуб-ой, румян-ый, кар-ий (кар-ый), булан-ый, гнед-ой, каур-ый, чал-ый, саврас-ый, чубар-ый, мухорт-ый и некоторые другие; в сербском: сив-и, цревен-и, плав-и, риј-и; в хорватском: siv-i, bel-i, zelen-i, sinj-i, sjed-i, crn-i, plav-i, crven-i, žut-i, riđ-i и т.д.; в словенском: črn-i, bel-i, žolt-i, rjav-i и т.д.

Сложные прилагательные-цветообозначения

Сложение как способ словообразования весьма характерно для всех рассматриваемых языков, в которых способом чистого сложения образуются прилагательные-цветообозначения с интерфиксом, значение которых сводится к объединению значений, присущих основам мотивирующих слов в одно сложное значение. В зависимости от характера семантического соотношения объединяемых основ такие сложения могут быть: а) с сочинительным отношением основ; б) с подчинительным отношением основ.

Сложные прилагательные-цветообозначения с сочинительным отношением основ, с двумя или более равноправными основами означают единый признак, представляющий собой совокупность признаков составляющих его основ. Например, красно-синий, красно-бело-зеленый (флаг) (ср. в сербском: плавобелоцрвена тробојница).

Во всех языках в прилагательных этого подтипа (т.е. с сочинительным отношением основ), в качестве опорного компонента выступает любое бессуффиксальное качественное прилагательное, в том числе прилагательное-цветообозначение (сине-желтый, серо-зеленый), или мотивированное существительным прилагательное с суффиксами -ов-, -н- (красно-малиновый, красно-кирпичный, серо-пепельный). В качестве опорного компонента, как правило, выступают не только основы суффиксальных прилагательных типа: голубовато-белый, дымно-багровый, зеленовато-коричневый, коричневато-желтый, но и основы суффиксальных прилагательных, мотивированных существительными, типа: яблочно-зеленый, яично-желтый, львино-желтый, телесно-розовый, серно-желтый, лимонно-желтый, горчично-желтый, канареечно-желтый.

В сложных прилагательных-цветообозначениях с сочинительным отношением основ, как правило, представлен „равноправный” порядок расположения (следования) цветов, при котором возможна перестановка цветов (т.е. этот порядок может быть переставлен: красно-синий и сине-красный, красно-белый и бело-красный). В этом типе отношения словообразующих основ возможны следующие варианты расположения цвета:

1) Соположение цветов, когда порядок их следования может быть переставлен: желто-зеленый, зелено-желтый. Иногда порядок расположе-

ния цветов значим, например, в государственных флагах всегда принято начинать с верхней полосы. Это, однако, уже не языковая конвенциональность.

2) Смесь (наложение) цветов, где все компоненты – цветовые: серо-буро-малиновый, пепельно-серовато-зеленый;

3) Уточнение характера цвета: пепельно-серый = серый как пепел; желто-кирпичный = желтый как кирпич; красно-ржавый = красный как ржавчина. При этом также возможны перестановки в этих прилагательных: кирпично-желтый, ржаво-красный. Это объединяет все три перечисленные варианта сочинительными отношениями. Сложные прилагательные с сочинительным отношением основ отличаются высокой продуктивностью и в литературно-письменном стиле, и в разговорной речи.

В прилагательных-цветообозначениях с подчинительным отношением основ, как правило, передается значение „оттенок + цвет”. Опорным компонентом этих прилагательных является прилагательное цветового значения. Компоненты, предшествующие опорному (в сложных прилагательных-цветообозначениях такой компонент, как правило, один, реже – два: бледно-лимонно-желтый), носит уточнительный оттеночный характер, конкретизирующий наличие содержания цветового качества в опорном компоненте. Ср. в русском языке первые члены сложных прилагательных цвета: белёсо-, блёкло-, мутно-, густо-, бледно-, водянисто-, грязно-, темно-, светло-, ясно-, интенсивно-, ярко-, матово-, туманно-, огненно-, темно-кремовый, светло-зеленый, бледно-пепельный, матово-белый, густо-желтый и т.д. В этом типе перестановка компонентов невозможна: красно-темный, зелено-светлый – немаркированная форма, где первая часть – собственно цвет, а вторая – уточнительный компонент.

Подчинительный подтип сложения также отличается высокой продуктивностью в литературном стиле.

Все сказанное о характере семантического соотношения объединяемых основ в сложных прилагательных-цветообозначениях в русском языке можно перенести параллельно на сербский, хорватский и словенский языки. Сложение как способ словообразования для этих языков не менее характерен; так же широко представлены сложения с сочинительным и подчинительным отношением основ.

Словосложения сочинительного типа в сербском, хорватском и словенском языках могут составляться без ограничения из двух (реже трех) компонентов – прилагательных-цветообозначений: жутоплавоцрна застава; plavocrvenobijeli jarbol; rdećeplavozelen tepih.

В подчинительном типе сложения с опорным компонентом – прилагательным цветового значения и уточнительным компонентом, например, в сербском языке наблюдаем значительное число последних: мрко-, тамно-, светло-, загасито-, јарко-, јасно-, отворено-, сјајно-, сјајнозелен, јасноцрвен, отвореноплав, загаситоплав.

Оба типа отличаются высокой продуктивностью в художественном стиле.

В словенском языке нами обнаружено лишь два первых элемента, уточняющих (конкретизирующих) наличие содержания цветового качества в опорном компоненте: svetlo- и temno- (svetlorjav, temnomoder).

Как в русском, так и в рассматриваемых южнославянских языках основная масса сложных прилагательных представлена двухкомпонентными образованиями, многокомпонентные слова составляют незначительную часть. Во всех языках их употребление ограничено определенными языковыми сферами. Большая часть этих образований носит полутерминологический характер. По этому поводу Е.А.Земская пишет: „...Сложные слова, включающие более чем два корня... в русском языке немногочисленны и встречаются преимущественно в терминологии” [68, 36].

Многие из многокомпонентных слов употребляются главным образом в текстах художественной литературы: „грязно-черно-рыжий” (слой пыли) (А.Белый „Петербург”); „густо-сине-розовый” (снежный ковер) (С.Н.Сергеев-Ценский „Севастопольская страда”) и т.д.

Среди чистых сложений особое место занимают сложные адъективные образования, включающие в качестве первого компонента наречия с префиксом -из-(-ис-) и суффиксом -а-(-я-). Некоторые современные дериватологи относят эти сложные адъективные образования не к сложным словам, а к словосочетаниям. Так, В.В.Лопатин указывает, что наречия с префиксом из- и суффиксом -а- (орфографически также -ис- и -я-) обозначают оттенок цветового признака, названного мотивирующим простым прилагательным, и употребляются препозитивно рядом с прилагательными-цветообозначениями: изжелта-красный, изжелта-синий, иссера-голубой и т.п. [Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977, с.136. См. также: Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М., 1977, с.94-95].

Эта разновидность сложных прилагательных цвета представлена только в русском языке. Ср. подобные образования с первым компонентом избура-, изжелта-, иззелена-, иссера-, иссиза-, иссиня-, включающие префикс из- (ис-): 1) Избура-желтый, избура-красный, иссиня-черный, иссиза-голубой, иссера-голубой, иссера-красный, изжелта-белый, изжелта-зеленый, иззелена-синий, иззелена-голубой; 2) Иссера-серебристый, иссиня-чернильный.

Следующую разновидность чистых сложений, представленных только в русском языке, составляют двучленные конструкции, первая часть которых – наречие „почти” или „слегка”, а вторая – собственно прилагательно-цветообозначение. Ср., например, почти бледносерый (Subcanescens), почти бурый (Subfuscus) почти седой (Subincanus), почти желтый

(Subluteus) и т.д. или: слегка пепельно-серый (Subcinereus), слегка рыжеватый (Subrufescens), слегка фиолетовый (Subviolacens) и т.д. [27: 26-27].

К сложным образованиям могут быть отнесены также сложносоставные слова или редупликаты, которые отличаются от обычных чистых сложений раздельной оформленностью. Например, белый-белый (белый-пребелый), синий-синий (синий-пресиний), черный-черный (черный-пречерный) и т.д.³⁸

Эта разновидность сложных образований внутри прилагательных цветообозначений в сербском, хорватском и словенском языках неразвита. Нами зафиксированы единичные примеры в сербском: риђо риђ (конь) „огненный конь”, бео белцат – „белым-бел, совершенно белый”; в словенском; črno črn (oblak) – „черный-пречерный”, которые, однако, ввиду отличий в грамматической оформленности, к „чистым” редупликатам отнести нельзя.

Сложно-суффиксальные прилагательные цвета

Этот тип сложных образований, называемый также: суффиксально-сложные слова, сложно-производные, производно-сложные, парасинтетические образования, включает в качестве непосредственно составляющих основы не менее двух самостоятельных слов и словообразовательный суффикс. Ср., например, в русском языке: белоснежный (но: снежно-белый), темно-оливковый, бледно-лимонный, серо-пепельный (но: пепельно-серый).

Этот тип словообразования широко представлен и в южнославянских языках. Ср. в сербском: сребрнобелушав, црвенкастожуктаст, наранчаствожуктаст, зеленастомодрикаст и т.д. Ср. в словенском: srebriobelast, črnkastorumenkast, zelenkastomodrikast.

Сложно-флексионные прилагательные цвета

Сложно-флексионные образования (по иной терминологии – бессуффиксальные сложные слова, слова с нулевым суффиксом), это сложные слова, содержащие не менее двух основ самостоятельных слов, не имеющих формально выраженных словообразовательных аффиксов и отличающиеся от опорных компонентов сложений своими окончаниями. Сложно-флексионные производные широко распространены среди прилагательных.

Как правило, сложно-флексионные прилагательные цвета соотносятся с именными словосочетаниями. В качестве опорного компонента они обычно содержат основы имен существительных, преимущественно названий частей живого организма. В качестве первого компонента в них, как правило, выступают основы прилагательных. Во всех рассматриваемых

---

³⁸ Некоторые исследователи составные слова рассматривают не как производные образования, а как определительные или оппозитивные словосочетания [112, 40].

языках сложно-флексионные прилагательные относятся к числу продуктивных образований. Особенно продуктивны они в художественной речи и естественно-научной терминологии [40], [125]. Ср., например, в русском языке: белоголовный, черноглазый, чернородый, голубокрылый, синеперый, краснохвостый, желтоклювый, желтокожий, белозубый; в сербском: црноок(и), тамнопут(и), белобради, жутокљуни, жутореп, белозуб, сивокрил, црнорук и т.д.; в хорватском: plavokosi, bijeloglav, crnobrad и т.д.; в словенском: belobrad, belobr, beloruk, črnook, črnokril, črnoruk, sivokril и т.д.

* * *

Главной целью исследования в данной главе было установление того, каким образом выявленные элементы значения продолжают функционировать в соответствующих производных, образованных посредством аффиксального и безаффиксального словопроизводства, а также в моделях словосложения. При этом производные рассматриваются нами как своеобразное единство, в котором отражены совместные потенции производящего слова и словообразовательных средств, в результате чего создается новая лексема, характеризующаяся определенными семантическими сдвигами по сравнению с исходной.

Из аффиксальных моделей рассматриваются в основном суффиксальные – как наиболее показательные с точки зрения сопоставительно-типологического анализа ввиду функциональной значимости суффиксов, связанной с их ролью в системе исследуемых славянских языков.

На основании проделанного анализа были выявлены как частные, так и общие типологические признаки, присущие суффиксальному словопроизводству и словосложению в исследуемых языках.

Словообразовательная модель тесно связана со словообразовательной парадигмой. Каждое прилагательное имеет свою собственную парадигму, обладающую неодинаковой протяженностью и различным морфемным наполнением входящих в нее моделей. На основании исследования каждой отдельной парадигмы можно вывести обобщенную словообразовательную парадигму рассматриваемой группы слов, которая характеризуется наличием как постоянных (обязательных) членов, так и факультативных или „уникальных”, что проявляется в пределах одного из рассматриваемых славянских языков, а также может носить межъязыковой характер. На основании проделанного анализа выявлены типологические, а также и частные признаки, присущие аффиксальному словопроизводству и исследуемых языках:

1) Разнообразие суффиксальных моделей обнаружили все четыре исследуемые языка. Из общего количества охваченных наблюдениями суффиксов (всего 120 единиц) на долю русского языка приходится 20, сербского и хорватского – по 44, словенского 12 единиц. При этом для всех четырёх генетически родственных славянских языков общими являются 4

суффикса; общими для трёх южнославянских языков – 9 суффиксов (см. таблицу).

В отличие от русского языка, в сербском, хорватском и словенском языках нередки случаи факультативного или единичного использования некоторых суффиксов в словообразовании прилагательных-цветообозначений (т.е. встречаются в парадигме одного или двух прилагательных): -етан- (плаветан), -цат- (белцат), -ски- (небески), -чараст- (беличараст) – в сербском и хорватском языке; -nat- (rožnat, repelnat), -ski- (nebeski), -ji- (mišji) – в словенском; -ян- (рдяный), -уч- (-юч-) (чернучий) – в русском языке.

а) В русском языке к группе прилагательных-цветообозначений, мотивированных существительными, относятся 7 подтипов (с суффиксами –н-, -ин-, -ан-(-ян-), -ов-(-ев-), -ист-, -ав-(-яв-), -аст-, -чат-. В группу прилагательных-цветообозначений, мотивированных прилагательными, входит 6 подтипов (с суффиксами –оват-/-еват-, -оньк-/-еньк-, -охоньк-/-ехоньк- и –ошеньк-/-ешеньк-, -уч-/-юч-, -ущ-/-ющ-, -ейш). К группе прилагательных-цветообозначений, мотивированных глаголом, относится 3 подтипа с суффиксами –л-, -н-/-ен-/, -ян-.

б) В сербском языке, так же, как и в хорватском, в группу прилагательных-цветообозначений, мотивированных существительными, входит 2 подтипа (с суффиксом –ан-, -ен-; -ав-/-ов-/-ев-). Самую многочисленную группу составляют прилагательные-цветообозначения, мотивированные прилагательными, в которую входят 3 формальных подтипа, имеющие в своем составе следующие суффиксы: -каст-/-аст-/-саст-, -икаст-, -ињав-, -ичаст-, -мањаст-, -уљаст-, -ушав-, -ушкав-, -уцав-, -ушкаст-; -чараст-; -етан-, -цат-. Количество прилагательных-цветообозначений, мотивированных глаголом, здесь ограничено немногочисленными образованиями с суффиксом –ен- и реже –ит-.

в) В словенском языке группа прилагательных-цветообозначений, мотивированных существительными, состоит, как и в сербском и хорватском, из тех же двух подтипов (с суффиксами -en- и -ev-/-ov-/-av-). Прилагательные-цветообозначения, мотивированные прилагательными, в словенском языке представлены всего одним подтипом с суффиксами –kast-/-ast-.

Некоторым производным в рассматриваемых языках присущи фонетические изменения, которые, однако, не нарушают их грамматического и лексического тождества. Наличие и характер алломорфов в близкородственных языках свидетельствуют лишь о различиях в морфологической структуре славянских языков (ср.: nebe-sk-i – в хорватском и nebe-šk-i в словенском; bel-kast – в хорватском и bel-sast – в словенском и т.д.).

Анализ аффиксальных моделей обнаружил наличие во всех славянских языках широко развитой суффиксации. Классифицирующая функция суффиксов не ограничена, объем грамматической информации, передаваемой русскими, сербскими, хорватскими и словенскими суффиксами практически одинаков.

2) Префиксация как способ передачи различных оттенков значения среди слов исследуемой группы не очень характерна для всех исследуемых славянских языков.

В русском языке – это единичные образования с префиксами без- (бес-) (бесцветный), ультра- (ультрафиолетовый), инфра- (инфракрасный), конструкции с оценочными префиксами пере- (пересиненный) и под- (подсиненный).

В сербском и хорватском языке в процессе словообразования прилагательных-цветообозначений участвуют префикс без- (безбожан), за- и у- (загасит, угасит), пре- (препланут), о- (опаьен), ро- (potmuo), су- (субелкаст).

В словенском – это немногочисленные образования с префиксами пре- (prekalen), ро- (potemnel), brez- (brezbarven).

3) При рассмотрении словообразовательных возможностей прилагательных цветообозначения в представленных славянских языках немало важную роль играют модели безаффиксного словопроизводства. В русском, сербском, хорватском и словенском языках в связи с развитой грамматической категорией рода достаточно полно представлены несколькими подвидами флексийные прилагательные цветообозначения, выражающие цветное качество или свойство непосредственно, лексическим значением своей основы. Ср., например, в русском языке: ал-ый, ал-ая, ал-ое; сиз-ый, сиз-ая, сиз-ое; голуб-ой, голуб-ая, голуб-ое; в сербском: румен-и, румен-а, румен-о; жут-и; црн-а; в хорватском: crven-i, crven-a, crven-o; crveni и т.д.; в словенском: bled-i, bled-a, beld-o; črn-i, črn-a, črn-o; žolt-i, žolt-a и т.д.

4) Наряду со словообразованием, широкое распространение получило словосложение. При этом все языки показывают типологическую близость как в структурном, так и семантическом плане. Из всего многообразия проблем, касающихся сложных слов в исследуемых языках, в работе выделен ряд задач, которые заключались в том, чтобы выяснить: а) зависимость композитов-цветообозначений от характера семантического соотношения объединяемых основ (т.е. наличие сложений с сочинительным и подчинительным отношением основ); б) сочетаемость соответствующих прилагательных цветообозначения с другими разрядами слов, имеющими целью выяснить возможные варианты расположения цвета: 1) соположение цветов, когда порядок их следования может быть переставлен: желто-зеленый, зелено-желтый; 2) смесь (наложение) цветов: серо-буромалиновый, когда порядок следования цветов строго последователен; 3) уточнение характера цвета: пепельно-серый = серый как пепел, краснокирпичный = красный как кирпич (перестановка также возможна: кирпично-красный); в) особенности их структуры и функционирования; наличие типологических критериев, к которым принадлежат число компонентов и способ соединения компонентов.

5) В исследуемых языках широко представлены суффиксально-префиксальный и сложно-флексионный способы словообразования.

Сложно-суффиксальный способ включает в качестве непосредственно составляющих основы не менее двух самостоятельных слов и словообразовательный суффикс: белоснежный (но: снежно-белый), серопепельный (но: пепельно-серый), и т.д.; belosnežni (но: snežnobeli), sivorepeljnat (но: pepeljnat-siv).

Сложно-флексионный способ включает сложные слова, которые содержат не менее двух основ самостоятельных слов, не имеющих формально выраженных словообразовательных аффиксов, и которые отличаются от опорных компонентов сложений своими окончаниями. В качестве опорного компонента они обычно содержат основы имен существительных, преимущественно названий частей живого организма, а в качестве первого компонента, в этом случае, как правило, выступают основы прилагательных: белотелый, черноголовый, голубокрылый, синеперый, красноглазый; жутокљуни, belozubi, belokrili, črnooki и т.д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семантический и словообразовательный анализ, а также исследование наиболее характерных особенностей словоизменения цветковых прилагательных в русском, сербском, хорватском и словенском языках позволяют сделать следующие выводы:

1. В исследуемой группе лексики как системной организации языковых единиц проявляются парадигматические, синтагматические и иерархические отношения. Связанные сочетания с цветковыми прилагательными являются средством вторичной номинации, поэтому выявление системной организации их проводится в русле парадигматики, а также их денотативных особенностей.

Как показал анализ материала первой главы, для цветковых прилагательных в русском, сербском, хорватском и словенском языках характерны следующие парадигматические связи: синонимические ряды, антонимические противопоставления, развитие многозначности. Под синонимическими рядами понимаются одинаковые по значению связанные сочетания, имеющие различный компонентный состав, под вариантами – единицы с частичной общностью компонентного состава. Например: голубой огонь – голубое топливо „природный газ”; белая кость – голубая кровь „благородное происхождение”; бела радост – бела ствар „большая радость, счастливое событие”; bela vřana – zelena vřana „редкость, исключение”; имати зелено у глави – имати жуто на кљуну «быть молодым, неопытным» и т.д.

При рассмотрении связанных сочетаний с цветковыми прилагательными нередко выявляется межъязыковая эквивалентность отдельных единиц, когда совпадают и значения, и лексический состав четырех родственных славянских языков. Например, белый континент – бели континент – bijeli kontinent – beli kontinent „Антарктида, Арктика”, зеленая революция – зелена револуција – zelena revolucija – „подъем сельскохозяйственного производства с целью решения продовольственной проблемы” и т.д.

Связанные сочетания с цветковыми прилагательными образуют в исследуемых языках значительное количество антонимических пар. При этом антонимические значения связанных сочетаний, мотивированные значениями цветковых прилагательных, могут повторять или не повторять антонимию лексических значений этих прилагательных: черная кость „неблагородное происхождение”; плави дани „безоблачные, счастливые дни” – црни дани „несчастливые, неудачные дни”; zelena leta „молодость” – žolta leta „старость” и т.д.

Параллельное развитие нескольких переносных значений цветковых прилагательных или семантическая деривация на базе уже имеющихся единиц со связанным значением, вызывают появление омонимических

единиц с цветowymi прилагательными типа: голубая трасса „воздушная линия” и голубая трасса „линия строительства газопровода”; бело злато „1. водная энергия, 2. хлопок” и бело злато „1. платина, 2. алюминий”; bela noć „летняя ночь в северных широтах” и bela noć „бессонная ночь”.

Межъязыковыми омонимами являются, например, сочетания белая смерть „наркотики” в русском языке и bela smrt „смерть по снегом, подо льдом” в словенском; красная суббота „коммунистический субботник” в русском языке и Црвена субота „суббота накануне Пасхи” - в сербском.

Во всех исследуемых языках активным является процесс пополнения рядов связанных единиц, различающихся лишь „цветowymi” компонентами – так называемых „цветовых серий”: белое золото „хлопок” – черное золото „нефть”, черный режим „фашистский” – белый режим „расистский”; црни континент „Африка” – зелени континент „Латинская Америка”; belo blago „живой товар, торговля людьми” – zeleno blago „продукция сельского хозяйства” и т.д.

По денотативной отнесенности связанные единицы с цветowymi прилагательными обозначают: 1. конкретные предметы: голубой экспресс, Црвена планета, Crvena planeta, rdeća zastava и т.д. (около 20% общего количества); 2. живые существа: синие воротнички, белa мафија, сна garda, črna garda (около 20% общего количества); 3. политические и социальные отношения и организации: белый режим, црвене бригаде, crvene brigade, Bela hiša (около 10%); 4. абстрактные понятия: время и возраст, психические процессы, интеллектуальные и физические действия, природные явления, болезни, общепринятые символы и т.д. (всего 50%).

Во всех исследуемых языках характерной чертой инноваций с цветowymi прилагательными является широкое их использование в социально-политических контекстах: прилагательного „красный” наряду с „революционный” и в значении „террористический”; прилагательного „белый” наряду с „контрреволюционный”, также и „расистский”; прилагательного „черный” – „неофашистский”, „милитаристский”, „террористический” и т.д. Связанные сочетания с цветowymi прилагательными в русском, сербском, хорватском и словенском языках являются активным средством вторичной номинации и заслуживают в этом плане всестороннего и ещё более детального исследования.

2. Наблюдения подтверждают точку зрения исследователей о том, что в вопросе функционирования полных и кратких форм прилагательных, в том числе и цветowych, исследуемая группа слов в русском языке и трёх южнославянских относится к разным типам [370;26]. Южнославянские языки относятся к типу максимального использования кратких форм, в то время как русский язык занимает промежуточное положение среди славянских языков между минимальным и максимальным типом.

3. Сопоставление показывает, что при образовании степеней сравнения рассматриваемой группы слов наблюдаются черты значительных не-

совпадений: а) русскому языку присущи как синтетический, так и аналитический способы образования степеней сравнения прилагательных цвета; б) для сербского и хорватского характерно наличие только синтетических форм сравнительной и превосходной степени прилагательных; в) словенский язык характеризуется специфическими чертами образования форм степеней сравнения в рассматриваемой группе прилагательных цвета.

4. Как показывает сравнение, колебания в количественном составе несклоняемых прилагательных цвета в русском и словенском языках незначительны. Исключение составляют несклоняемые прилагательные цвета в сербском и хорватском языках, которые располагают значительным числом несклоняемых цветообозначений ориентального происхождения, насчитывающих около 75% их общего количества в двух этих языках.

5. На основании проделанного словообразовательного анализа были выявлены как частные, так и общие типологические признаки: а) все исследуемые языки обнаружили разнообразие суффиксальных моделей; б) префиксация как один из способов образования слов исследуемой группы характерен для всех представленных языков в минимальной степени; в) безаффиксальное словопроизводство во всех исследуемых языках играет немаловажную роль. В связи с развитой грамматической категорией рода в славянских языках, достаточно полно представлена разновидность флексийных прилагательных цвета; г) словосложение как один из способов словообразования прилагательных цвета получило очень широкое распространение. При этом все четыре языка показывают типологическую близость как в структурном, так и семантическом плане; д) суффиксально-префиксальный и сложно-флексийный способы словопроизводства широко представлены во всех исследуемых языках.

Сопоставительно-типологический анализ вышеописанных словообразовательных моделей указывает на то, что исследуемые прилагательные обладают широким стилистическим диапазоном использования, от сферы поэзии до просторечия. Таким образом, словообразование ввиду своего особого положения в системе языка, представляет собой межуровневую область, где переплетается лексическое и грамматическое, что представляет собой благодатную почву для межъязыкового сопоставления.

Выявленные закономерности организации рассмотренного фрагмента лексической системы избранных для рассмотрения славянских языков показывают целесообразность проведения подобного исследования на материале других славянских, а также неславянских языков по единому плану, направленному на выявление общих типологических черт в области семасиологии и словообразования, а для родственных языков – также и грамматических особенностей обозначений цвета.

Полученные данные о цветообозначениях и их семантических, словообразовательных и грамматических особенностях в русском, словенском и сербском, хорватском языках могут быть использованы при подготовке

переводных словарей, что особенно актуально для русского и словенского языков, так как для этой пары языков пока не разработаны удовлетворительные современные переводные словари. Их можно широко использовать в практике преподавания русского языка в славяноговорящей аудитории, или преподавания сербского, словенского, хорватского языков в русскоязычной аудитории, поскольку цветообозначения относятся к тем частотным слоям лексики, использование которых в языке и речи всегда представляет определённые затруднения. Прделанные в данной работе наблюдения, описанные факты и представленные выводы могут также найти полное или частичное применение в типологическом сопоставительном описании лексической системы и грамматического строя всех славянских языков.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АиФ – Аргументы и факты
 БАС – Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. М.-Л.: Изд.во Акад. наук СССР, 1950-1965.
 Век XX – Век XX и мир.
 Вук – Караџић Вук Ст. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Беч, 1852.
 ВЯ – Вопросы языкознания
 Данич. – Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. Књ.1-2, Београд, 1862.
 За руб. – За рубежом
 Изв. – Известия
 ИК – Искусство кино
 ИП – Илустрована политика
 КО – Книжное обозрение
 КП – Комсомольская правда
 ЛГ – Литературная газета
 МН – Московские новости
 НГ – Независимая газета
 Нед. – Неделя
 НВ – Новое время
 Ог. – Огонёк
 Пр. – Правда
 РГ – Русская грамматика, т. 1-2, Изд. АН СССР. М., 1982.
 РСКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ.1-7 Београд, 1959-1973.
 РЯШ – Русский язык в школе
 СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. т.1-5, М., 1988.
 СЛРЯ – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.1-18, М., 1975.
 ССРЯ – Сводный словарь современной русской лексики в 2-х тт., М., 1991.
 ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы. Л. – СПб.
 ФГ – Финансовая газета
 ФСМ – Фразеологический словарь русского языка под ред. Молоткова, М., 1967.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Ред. О.Н.Трубачёв, тт.1-25, М., 1974-2005.
 Anić – V.Anić, Rječnik hrvatskog jezika, 2-izd., 1994.
 ARJ – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Izd. Jugoslav. akad. znan. i umjet. Knj.I-XXIII, Zagreb, 1880-1973.
 Delo – Delo, Ljubljana

- ESSJ – Etimološki slovar slovenskega jezika. I-III, Ljubljana, 1976-1995.
Gluh. – A.Gluhak, Hrvatski etimološki rječnik, Zagreb, 1993.
Jez. – Jezik, Zagreb
JL – Jutarni list, Zagreb
JS – Jezik in slovstvo, Ljubljana
Prav. – S.Babić, B.Finka, M.Moguš, Hrvatski pravopis. Zagreb, 1994.
Sk. – P.Skok, Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I-IV, Zagreb, 1971-73.
Snoj – M.Snoj, Slovenski etimološki slovar. 2. izd. Ljubljana, 2003.
SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Izd. Slovenska akad. znanosti in umetnosti. 2.ponatis, Ljubljana, DZS, 1997.
Vjesn. – Vjesnik, Zagreb.

монографии и статьи

1. Аверинцев С.С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973, с.43-52.
2. Аверинцев С.С. Аналитическая психология К.Юнга и закономерности творческой фантазии. – «Вопросы литератур.», 1970, № 3, с. 113-143.
3. Аггеев П.Я. Технические заметки по живописи. I. Краски древних греков и римлян. II. Краски старых русских иконописцев. III. Краски нового времени. - Вестник изящных искусств. Т. IV. Вып.6. СПб, 1886.
4. Агостон Ж.. Теория цвета и её применение в искусстве и дизайне. М.: Мир, 1982.
5. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. Санкт-Петербург 1999.
6. Алексеев С.С. Элементарный курс цветоведения. М.-Л., 1939.
7. Алексеев С.С. Цветоведение. М., 1952.
8. Алексеев С.С. О цвете и красках. М., 1962.
9. Алексеев С.С. О колорите. М., 1972.
10. Алексеев С.С., Теплов Б.М., Шеварёв П.А. Цвет в архитектуре. М.: ГОНТИ, 1934.
11. Алексеев-Алюрви Ю.В. Краски старых мастеров. От античности до конца XIX века. М., 2001.
12. Алимпиева Р.В. Художественно-изобразительная роль алого цвета в поэзии С.Есенина // Уч. зап. Калининградского ун-та. Сер. общ. и филол. наук, вып.1, 1968, с.177-193.
13. Алимпиева Р.В. Художественно-изобразительная роль синего и голубого цветов в поэзии С.Есенина // Уч. зап. Калининградского ун-та, вып.2, 1969, с. 86-98.
14. Алимпиева Р.В. Эстетическая значимость группы «жёлтый» в поэзии С.Есенина // Уч. зап. Калининградского ун-та, вып.4, 1971, с.31-47.
15. Алимпиева Р.В. Усиление экспрессивности слов группы «золотой» как наименования цвета в поэзии С.Есенина // Уч. зап. Калининградского ун-та, вып.4, 1971, с.18-31.
16. Алимпиева Р.В. Реализация компонентов семантической структуры слова *красный* в системе образно-поэтической речи // Вопросы семантики, вып.1. Изд-во Ленинградского ун-та, 1974, с.107-128.
17. Алимпиева Р.В. Семантическая структура слова *белый* // Вопросы семантики, вып.2, Изд-во Ленинградского ун-та, 1976, с.13-26.

18. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: на материале цветообозначений русского языка. Л., 1986.
19. Алимпиева Р.В. Синонимические связи в лексико-семантической группе цветowych прилагательных красного цвета // Вопросы семантики. Калининград, 1978, с.95-105.
20. Алимпиева Р.В. Развитие смысловых отношений в лексико-семантической группе прилагательных синего тона в русском литературном языке (40-70-е гг. XX в.) // Исследования по исторической семантике: Сб. науч. трудов Калинингр. ун-та., 1980. с.90-101.
21. Алимпиева Р.В. Синонимический микроряд «синий-голубой» в сопоставлении с польским błękitny-niebieski (к проблеме семантической эволюции лексических эквивалентов родственных языков) // Семантика слова в диахронии. Межвуз. тематич. Сборник науч. трудов. Калининград, 1987. с.92-99.
22. Аллмере Р.А., Василевич А.П. Психологический подход к установлению двуязычных лексических соответствий // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
23. Алмалех М. Сакралното четирицветие в Петокнижието. Езикова картина на света и национален манталитет // Съпоставително езиковедие 2001, №26 (2).
24. Альберти Л.-Б. Три книги о живописи. – В кн.: «Десять книг о зодчестве». Т.2. Всесоюз. Акад. Архитектуры. М., 1937.
25. Андерсен Х. Взгляд на славянскую прародину: доисторические изменения в экологии и культуре // ВЯ, 1996, №5, с.65-106; 1996, №6, с.31-40.
26. Анненков П.В. Гоголь в Риме. Литературные воспоминания. СПб, 1909 (переизд. М., 1983).
27. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
28. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН, сер. лит.-ры и яз. Т.58, №4, 1999.
29. Арапова Н. Спектр горохового пальто. «Русская речь» 1, 1997. с.112-113.
30. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие (пер. с англ.). М.: Прогресс, 1974.
31. Арутюнова Н.Д. От образа к знаку. – Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. Москва: АН СССР. 1988, с.147-162.
32. Афаижев М.Н. Экспериментальные исследования эстетического восприятия. М., 1971.
33. Ахманова О.С., Глушко М.М., Гюббенет И.В. и др. Основы компонентного анализа. М.: Изд-во МГУ, 1968.

34. Ахметьянов Р. Некоторые названия лошади в татарском языке // Советская тюркология, №2. Баку, 1975, с.69-76.
35. Бабій І. Семантика, структура та стилістичні функції назв кольорів у сучасній українській мові. Автореф. кандид. дисертації. Київ, 1997.
36. Барабаш Ю. Сад и вертоград. Гоголевское барокко: на подступах к проблеме // Вопросы литературы, 1993, вып.1, с.135-156.
37. Баскаков Н.А. Половецкие отблески в „Слове о полку Игореве» // Ural-Altäische Jahrbücher, Wiesbaden, 1976, Bd. 48.
38. Баскаков Н.А. Ещё о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве. Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. М., 1978.
39. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М.: «Наука», 1975.
40. Бахилина Н.Б. Слепительно рыжий, безнадежно рыжий // «Русская речь». 1975, №5, с.104-110.
41. Белов А.И. Цветовые этноэидемы как аспект этнопсихолингвистики // Этнопсихолингвистика. М., 1988, с.39-48.
42. Белова О.В. Символика цвета в славянских книжных сказаниях о животных // Слово и культура. Памяти Н.И.Толстого. Т.II. М., 1998, с.44-50.
43. Белый А. Гоголь // Весы, 1909, № 4, с.26-38.
44. Белый А. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М., 1917.
45. Белый А. Глоссология. Берлин. Скифы, 1922.
46. Белый А. Мастерство Гоголя. Исследование. М., 1934 (репр. 1-го изд. М., 1996).
47. Бенуа А. История живописи XIX века. СПб, 1902.
48. Бергер Э. История развития техники масляной живописи. М.: Акад.худ.СССР, 1961.
49. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
50. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
51. Бекольд В. Учение о цветах по отношению к искусству и технике. СПб: «Общественная польза», 1978.
52. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М., 1997.
53. Бинэ А. Вопрос о цветном слухе. М.: Кушнерев и К°. 1894.
54. Бирнбаум Х. Праславянский язык. Достижения и проблемы его реконструкции. М., 1987.
55. Блок А.А. О «Голубой птице» Метерлинка. – Собр. соч., т.12, с.243-244.
56. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.-Л.: ГИЗ, 1926.

57. Богдановић Н. Именовање биља по боји. III симпозијум о флори југоисточне Србије. Зборник радова 4. Фитолингвистика. Изд. ун-т у Нишу и технолошки факултет у Лесковцу, с.35-40.
58. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языко-знанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
59. Бондерман Д.А. Семантическая характеристика некоторых французских прилагательных цвета, входящих в состав фразеологизмов. - Труды Киргизск. ун-та. Сер. романо-герм. филол., 1972, вып.4, с.111-115.
60. Брагина А.А. От «голубого неба» до «голубого экрана» (о возникновении новых словосочетаний). «Русский язык в школе», 1966, №, с.79-82.
61. Брагина А.А. Красный, синий, голубой. «Русский язык за рубежом», 1967, №2, с.19-20
62. Брагина А.А. Красное и зелёное (о семантическом развитии слова). «Русский язык в школе», 1967, № 5, с.17-21.
63. Брагина А.А. Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний. – Лексикология и лексикография. М., 1972. с.73-104.
64. Брилл Томас. Свет. Воздействие на произведения искусства (пер. с англ.), М.: «Мир»,1983.
65. Брудный А.А. Экспериментальные методы семантического анализа. В сб.: Семинар по психоллингвистике (30 мая – 1 июня 1966 г.). Тезисы докладов и сообщений. М., 1966, с.30-32.
66. Будагов Р.А. Типы соответствий между значениями слов в родственных языках. – Научные доклады высшей школы. Филол. науки, 1968, №5, с.78-83.
67. Будагов Р.А. Закон многозначности слова. – «Русская речь», 1972, №3, с.32-36.
68. Будагов Р.И. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977.
69. Буланова Н. Символика цвета на Востоке. – «Азия и Африка сегодня», 1983, № 8.
70. Булаховский Л.А. Славянские названия птиц. – «Вопросы славянского языкознания», кн.1, Львов, 1948. или в изд.: Булаховский Л.А. Избранные труды в пяти томах: «Наукова думка», 1977-1983. Т.2, К.,1978.
71. Бушер Ч. Какой цвет Вам к лицу. Перевод с нем. Т.Набатникова. М., 1994.
72. Бычков В.В. Византийская эстетика. Теоретические проблемы. М., 1977.
73. Вагнер Г. Красочные пигменты. Л.: ОНТИ-ХТИ, 1935.

74. Василевич А.П. Обозначение цвета в современном русском языке. М., 1981.
75. Василевич А.П. Психологическая значимость слов-цветообозначений в разных языках // Экспериментальные исследования в психолингвистике. М., 1982.
76. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначения в языках разных систем. М., 1987.
77. Василевич А.П., Мищенко С.С. Цвет в рекламе. Как расположить к себе российского потребителя // КомпьюАрт. 1999, №9.
78. Василевич А.П., Мищенко С.С. Пурпур: к истории цвета и слова // Известия РАН, серия лит-ры и языка, т.62, №1, 2003.
79. Ващенко Т.Ф. Лексические данные кабальных записей. – Памятники русского языка. Вопросы, исследования и издания. М., 1974.
80. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996, с.231-290.
81. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
82. Величковский Б.М. Функциональная структура перцептивных процессов // Познавательные процессы: ощущение, восприятие. М., 1982.
83. Вельховер Е.С., Шульпина Н.Б. и др. Иридодиагностика. М.: Медицина, 1988.
84. Вендина Т.И. Семантико-символическая парадигма цвета в контексте словообразования // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury, 12. Lublin, 2000, s.189-204.
85. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.:Индрик, 2002.
86. Вересаев В.В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.-Л., Academia, 1933.
87. Верещагин Е.М. Библистика для всех. М., 2000.
88. Вести-Куранты 1600-1639 гг. М.: «Наука», 1972.
89. Вести-Куранты 1651-1660 гг. М.: «Наука», 1996.
90. Вечорек Диана. Синтаксемы на *-но*, *-то* в севернославянских литературных языках – Z polskich studiów slawistycznych. Językoznawstwo.Warszawa, 1988.
91. Винарская Е.Н. Нейролингвистический анализ звуковой системы речи // Вопросы лингвистики, 1967, №1.
92. Виноградов В.В. Язык Гоголя // Н.В.Гоголь. Материалы и исследования. М.-Л., 1936.

93. Виноградов В.В. Об изучении общего лексического фонда в структуре славянских языков // Научный бюллетень ЛГУ, 1964, №11-12, с. 73-79.
94. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е, М.: «Высшая школа», 1972.
95. Виноградов В.В. История слов. М., 1994.
96. Витт В.О. Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии. М., 1937.
97. Витт С. Доктор живопись. О «романах» Бориса Пастернака. «Доктор Живаго» // Классицизм и модернизм. Сборник статей. Тарту, 1994, с.140-167.
98. Владимиров А., Осипов Н. Магия цвета, М., 1975.
99. Войнова С. Сравнительный анализ фразеологических единиц с компонентами-цветообозначениями (на материале русского и болгарского языков). Канд. диссерт., Л., 1978.
100. Волков Н.Н. Цвет в живописи. М., 1965.
101. Волков О. Век надежд и крушений. М., 1989.
102. Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века. Ленинград, 1974.
103. Восприятие. Механизмы и модели /Под ред. Н.Ю.Алексеевко. М.: «Мир», 1974.
104. Вулетић-Вукасовић В. Народно бојадисање у Лици и Крбави. Босанска Вила, 1899, бр. 11-12.
105. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
106. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
107. Висоцький А. Структура та склад лексико-семантичної групи прикметників на позначення кольору в українській мові. - Система й структура східнослов'янських мов. Київ, 1998, с. 53-60.
108. Гадани К. Сопоставительная характеристика прилагательных цвета в некоторых славянских языках // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.7-132.
109. Гадани К. Об одном архаичном типе прилагательных-цветообозначений // Hungaro-Slavica 2001. Studia in honorem Iani Bańczerowski. Budapest, 2001, с.55-59.
110. Гак В.Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слова // ВЯ, 1966, №2, с.32-38.
111. Галунов В.И., Манеров В.Х., Устинович Е.А. Возможность семантического анализа некоторых психологических категорий // Вопросы семантики. Калининград, 1978, с. 124-129.
112. Гальди Л. Слова романского происхождения в русском языке. Изд-во МГУ, 1958.

113. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн.1-2, Тбилиси, 1984.
114. Гаричева Е. Лиловый цвет в романе Гончарова «Обломов» и в искусстве серебряного века. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.14-22.
115. Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика., пер с нем. Т.3., М., «Искусство», 1971, с.202-219.
116. Гёте И.В. К учению о цвете (хроматика). – В кн.: Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957.
117. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
118. Гиль С. Цветовые эпитеты в произведениях М.Ю.Лермонтова. // Scando-Slavica. Tomus XIX, Munksgaard. Copenhagen, 1973, с. 63-73.
119. Глейзер В.Д. Зрение и мышление. Л.: «Наука», 1985.
120. Глейзер В.Д., Цуккерман И.И. Информация и зрение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
121. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1959.
122. Гоголь Н.В. Сочинения. Т.1-5. /Под ред. Н.С.Тихонравова. СПб.: Изд. Маркса, 1894-1896.
123. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1971.
124. Голуб К. Мандельштам – поэт-живописец. – Studia Slavica Hung. 47/3-4, Budapest 2002, с.390-392.
125. Голубев В.В. Суточный ритм цветоразличительной функции зрительного анализатора человека. Автореф. кандид. диссертации. М., 1974.
126. Гольдовская И.Л. Психотропная терапия и орган зрения. М.: Медицина, 1987.
127. Горобець В.Й. 3 історії назв кольорів в українській мові. – Культура слова. Вип.12. Київ, 1977. с.14-23.
128. Грамматика современного русского литературного языка. т.1-2, М.: «Наука», 1980.
129. Грановская А.М. Прилагательные, обозначающие цвет, в русском языке 17-20 вв. Автореф. канд. дис. М., 1964.
130. Грачёва И.В. Каждый цвет – уже намёк: о роли художественной детали в русской классике // Литература в школе. 1997, №3, с.48-53.
131. Грегори Р.Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М.: Прогресс, 1970.
132. Грещук В. Дериваційний потенціал прикметників на позначення кольору в сучасній українській мові. «Мовознавство», 1986, №2, с.23-30.
133. Грот Я.К. Филологические разыскания. Т.1, СПб, 1885.

134. Гудков В.П. Необходимый комментарий к употреблению термина «боснийский язык» // III Славистические чтения памяти проф. П.А.Дмитриева и проф. Г.И.Сафронова. Материалы международной научной конференции 12-14 сентября 2001 г., Санкт-Петербург, 2002, с.120-123.
135. Гужва Ф.К. Словообразование имён прилагат-х. Сумы, 1961.
136. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.-Л., 1959.
137. Гумбольдт фон В. Язык и философия культуры (пер. с нем). М., 1985.
138. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвующего большинства. М., 1990.
139. Гуревич М.М. Цвет и его измерения. М.-Л.; АН СССР, 1950.
140. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.
141. Даунене З.П., Судавичене Л.В. О некоторых грамматических особенностях имён прилагательных, обозначающих цвет // Русский язык в школе, 1971, №1, с.97-100.
142. Державин Г.Р. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая сер., Изд. 2-е. Л., 1957.
143. Дерибе М. Цвет в деятельности человека. М., 1964.
144. Джадд Д., Вышецки Г. Цвет в науке и технике (пер. с англ). М., 1978.
145. Дзивак О.Н. Лексика на обозначение цвета в современном украинском литературном языке. Автореф. канд. диссертации. Киев, 1974.
146. Дитрих Ф. Практическое руководство к живописи масляными красками. СПб, 1903.
147. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3, М., 1958.
148. Добрынин И.А. Естественные органические красящие средства. М., 1929.
149. Догель Ив. Влияние музыки и цветов спектра на нервную систему человека и животных. – «Невролог. Записки», 1898. Т.4.
150. Елагина К.И. Параллельное суффиксальное образование имён прилагательных от имён существительных. М.: «Наука», 1965.
151. Ермакова О.Н., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского языка) // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
152. Ерминия, или наставление в живописном искусстве, написанное неизвестно кем после 1566 года (Первая иерусалимская рукопись 17-го века). – Труды Киевской духовной академии, 1867, №7, с. 132-192.
153. Жирмунская М.Л. Словообразовательная потенция прилагательных цветообозначения в современных германских языках. Автореф. канд. дис. М., 1982.

154. „Житие Сергия Радонежского” – Памятники литературы Древней Руси XIV- сер. XV-го века. М.: „Худ. лит-ра”, 1981.
155. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Поэтика выразительности. Сборник статей. – Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 2, 1980.
156. Журавлёв А.Ф. Материальная культура славян по данным праславянской лексики. – Очерки истории культуры славян. М.: «Индрик», 1966, с. 116-144.
157. Журавлёв А.Ф. Наивная этимология и «кабинетная мифология» (из наблюдений над мифологизмом А.Н.Афанасьева) // Этимология 1997-1999. Москва:Наука, 2000.
158. Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч.1, М. 1886; Бытовая малорусская обстановка в документах XVII и XVIII ст. – «Киевская старина», Т.19, 1887.
159. Зайцев А. Наука о цвете и живопись. М.: «Искусство», 1986.
160. Зализняк А.А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания. Вып. 6, М., 1962.
161. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
162. Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // ВЯ 2004, № 2.
163. Замятина Н.А. Терминология русской иконописи. М.: «Языки русской культуры», 1997.
164. Земская Е.А. Как делаются слова. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
165. Зернов В.А. Цветоведение. М., 1972.
166. Зубова Л.В. Этимологически родственные цветообозначения «рядный»-«ржавый»-«румяный»-«рыжий» в поэзии М.Цветаевой (к вопросу об отражении языковых потенциалов в поэтическом тексте) // Семантика слова в диахронии. Сб. науч.тр., Калининград, 1987. с.99-105.
167. Иванов Вяч.Вс. Нечет и чет // Избр. тр. по семиотке и истории культуры. Т.1. М., 1998.
168. Иванов Вяч. Вс. Типология языков бассейна Амазонки. II. Числительные и счёт // ВЯ, 2005, №5, с.3-10.
169. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (древний период). М., 1965.
170. Иванова Т.И. К истории фразеологизмов, включающих сочетание «синь порох» // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М.: «Наука», 1974, с. 264-269.
171. Ивенс Р.М. Введение в теорию цвета. М., 1964.
172. Ивић М. Плава боја као лингвистички проблем. – Нови лингвистички огледи (Библиотека XX век, бр.82).
173. Ивић М. О разликовању људи по боји. – Јужнословенски филолог XLIX, Београд, 1993, с. 1-27.

174. Ивић М. О зеленом коњу. – Зборник Матице српске за филологију и лингвистику, бр. 37, Нови Сад, 1994, с. 231-238.
175. Ивић М. О изразима *плав* и *модар*: нова сазнања. – Јужнословенски филолог, ЛП, 1996, с.11-17.
176. Ивић М. Поводом израза *ни на синь ноготок*. – В сб.: Слово и култура. Памяти Н.И.Толстого. Т.1. М.: «Индрик», 1998, с.105-111.
177. Измайллов Ч.А., Соколов Е.Н., Черноризов А.М. Психофизиология цветного зрения. М.: МГУ, 1989.
178. Иорданский В.Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982.
179. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков. – *Slavia*, гоџ. XXVII, сеџ. 3, Praha, 1958, s. 187-214.
180. Јашар-Настева Оливера. Лексико-семантичкиот подсистем на бои во современиот македонски јазик. Прилок кон проучавањето на хроматската терминологија. Прилози МАНУ, 2, Одеделение за лингвистика и литературна наука. Скопје, 1981.
181. Каждан А.П. Цвет в художественной системе Никиты Хониата // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. Сб. статей в честь В.Н.Лазарева. М., 1973, С.132-135.
182. Калюта А.М. Система отношений между наименованиями цвета в болгарском языке. – *Весник Беларускага дзяржаўнага універсітета. Серыя 4, Філалогія*. 1978, №1, с.53-56.
183. Канаев И.И. Очерки истории проблемы физиологии цветового зрения от античности до XX века. М., 1971.
184. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М., 1911.
185. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л., 1965.
186. Кацнельсон С.Д. Типология языка и языковое мышление. Л., 1972.
187. Кириченко А. До семантичної характеристики кольорів. «Питання українського мовознавства» 4, Львів, 1960. с.127-136.
188. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.
189. Ковтун Л.С. Древние словари как источник русской исторической лексикологии. Л., 1977.
190. Кожевникова Н.А. Необычные сочетания с цветовыми прилагательными // *Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования*. Калинин, 1980, с. 127-142.
191. Кожина А.А., Борисевич Е.В. Оцветообозначениях в русском Синодальном переводе Ветхого Завета. – *Проблемы контрастивной семантики. Studia Slavica Savariensia* 1-2, 2004. с.127-137.
192. Козырев В.А. Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров // *ТОДРЛ*, т. XXXI. Л., 1976.

193. Колесникова Е. Роль номинации «чёрный» в идейно-образной системе рассказа А.Платонова «Черноногая девчонка». – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.23-34.
194. Колесов В.В. *Белый* // Русская историческая лексикология и лексикография. Сб. науч. трудов Ленинград. ун-та. – Л., 1983, с. 8-16.
195. Колесов В.В. Свет и цвет в «Слове о полку Игореве». – В кн.: «Слово о полку Игореве. 800 лет». М., 1986.
196. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Ленинград, 1989.
197. Король Т.В. Характер семантических связей внутри композитно-цветообозначений немецкого языка // Семантические связи лексики. Рига, 1978, с.62-70.
198. Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М.: АН СССР, 1957.
199. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в 16 и 17 столетиях. СПб., 1860.
200. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М., 1977.
201. Кравков С.В. Глаз и его работа. М.-Л., 1950.
202. Кравков С.В. Цветовое зрение. М.: АН СССР, 1951.
203. Крестов М.А. и др. Техника фрески. М., 1941.
204. Критенко А.П. Семантична структура назв кольорів в українській мові. – Славістичний збірник (V Міжнар. з'їзд славістів). Київ, 1963, с.97-111.
205. Кругликова Л.Е. Фразеологические единицы современного русского литературного языка с «цветовыми» прилагательными. Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Л., 1977.
206. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование. М.: «Наука», 1965.
207. Куликов Б.Ф. Словарь камней-самоцветов. Л., 1952.
208. Куликова И.С. Семантико-стилистическая характеристика атрибутивных именных сочетаний (на материале световых и цветовых прилагательных в произведениях К.Г.Паустовского и М.М.Пришвина). Автореф. канд. дис. Л., 1966.
209. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языке. М.: «Моск. лицей», 2001.
210. Кульпина В. Исторические изменения цветообозначений как манифестация динамики социоментальных систем. – В сб.: Паланістика – Полонистика - Polonistyka. Мінск, 2004.
211. Куркина Л.В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики – Narečna struktura praslovanskega jezika v luči južnoslovanske leksike. Ljubljana, 1992.
212. Куслик А.М. Роль прилагательных, выражающих основные понятия цвета, в образовании фразеологических единиц // Вопросы немецкой и французской филологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965, с. 89-94.
213. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление (пер. с фр.). М., 1930.

214. Леви-Брюль Л. Сверхестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937.
215. Леви-Стросс К. Структурная антропология (пер с фр.) М., 1985.
216. Левицкий В.В. Семантический синкретизм в германском и индоевропейском // ВЯ. 2001, №4.
217. Лендваи Э. Лексическая семантика русского языка. Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest, 1998.
218. Леонардо да Винчи. Книга о живописи. М.: «Огиз», 1934.
219. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
220. Лепяхин В. Цвет, свет и краска в виршах Симеона Полоцкого. – Diss. Slav.: Ling.XXV. Szeged, 2001, с.45-63.
221. Лепяхин В. Цветонаименования в русских частотных словарях и в произведениях Лермонтова и Есенина. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.49-84.
222. Лепикаш В.А. Акварель. Петроград, 1918.
223. Леттенбауэр В. Выступление.- «IV Международный Съезд славистов. Материалы дискуссии», 2. Проблемы славянского языкознания. М., 1962.
224. Лилич Г.А. О слове *серый* в творчестве М.Горького // Словоупотребление и стиль М.Горького. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962, с.120-135.
225. Лихачёв Д.С. Слово о походе Игоря Святославича. Предислов. к «Слову о полку Игореве». Библ. поэта. Большая серия. 2-е изд. Л., 1967.
226. Лихачёв Д.С. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. Изд. 2-е. М., 1979.
227. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Providence, 1971.
228. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. В кн.: Ю.М.Лотман, Избранные статьи в трёх томах. т.1. Таллинн: Адександра, 1992. с.191-199.
229. Лужецкая А.Н. Техника масляной живописи русских мастеров с XVIII по начало XX века. М.: «Искусство», 1965.
230. Луизов А.В. Цвет и свет. Л., 1989.
231. Лукьянов П.М. Краски Древней Руси // Природа, 1956, №11.
232. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. Изд-во МГУ, 1975.
233. Майер Ф. Естественные органические красящие вещества. (пер. с нем.). М., 1940.
234. Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому, конца XVI в. СПб, 1911.
235. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.

236. Маковский М.М. Индоевропейский корень: форма и значение // ВЯ. 2002, №3.
237. Максимов В.В. Трансформация цвета при изменении освещения. М.: Наука, 1984.
238. Максимов Л.Ю. Антонимия как один из показателей качества прилагательных. Автореф. канд. дис. М., 1958.
239. Малевич К.С. Форма, цвет, ощущение // Совр. архитектура, 1928, №5, с. 157-159.
240. Малютина М.А. К истории слова *белый* в древнерусск. языке // Уч. зап. Кишинёвск. ун-та. Т.47, 1961.
241. Мандельштам Осип. Камень. Литературные памятники. Ленинград, 1990.
242. Марков П. Об акварели или живописи водяными красками. М., 2001 (факсимиле 2-го изд. СПб, 1884).
243. Маркова Е.И. «Цветёт в сумёнки, пылает в зарань» (Образ храма Пресвятые Богородицы в «Песни о Великой Матери» Николая Клюева). – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с. 85-92.
244. Мегрелидзе К.Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
245. Медведева И. *Последний день Помпеи* (картина К.Брюллова в восприятии русских поэтов 1830-х годов). – «Annali», Sezione slava, Istituto Universitario Orientale. Napoli 1968: XI: с.89-124.
246. Мейе А. Общеславянский язык (пер. с франц.). М.: 1951.
247. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938.
248. Мелик-Пашаев А.А. Способность к применению цвета в качестве выразительного средства как компонент художественной одарённости. Автореф. кандидат. диссертации. М., 1976.
249. Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве» // ИОРЯС, т.VII, кн.2, 1902.
250. Мельников Е.И. Неизменяемые прилагательные в русском языке. – Slavia, роѣ. XXIII, seš.4, Praha, 1956.
251. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
252. Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. (Сб. статей).
253. Миз Р. Смисао и значење боја у русинским народним песмама. - Фолклор у Војводини. Нови Сад, 1994. Изд. удружења фолклориста Војводине, св.8, с. 84-86.
254. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1981.
255. Миннарт М. Свет и цвет в природе. М.: ГИФ-МЛ, 1959.
256. Миронова Л.Н. Цветоведение. Минск: «Высшая школа», 1984.

257. Михайлова Т.А. «Красный» в ирландском языке: понятие и способы его выражения // ВЯ, 1994, №6, с.39-46.
258. Мићовић Љ. Живот и обичаји Поповаца. – Српски етнографски зборник, књ. LXV, Београд, 1952.
259. Моисеенко В.Е., Гадани К. Введение в славяноведение. Избранная библиография. Verlag Otto Sagner, München, 1997.
260. Моисеенко В.Е. Чешско-инославянские культурно-языковые связи в XIX веке. Habilitációs értekezés. Budapest, 1998.
261. Моисеенко В.Е. Из истории цвета и масти животных в русском языке // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.169-186.
262. Моисеенко В.Е. Названия цветов и их оттенков в русском языке // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.187-236.
263. Моисеенко В.Е. Цветовая семантика слав. *polъ-. // Studia Slavica Savariensia – VII. Nemzetközi szlavisztikai napok. Szombathely, 2002, с.297-311.
264. Моисеенко В.Е. О коричневом цвете в русском и других славянских языках // Междунар. научное совещание «Исследование славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы. МГУ, филол. факультет. Москва, 21-22 октября 2003 года.
265. Моисеенко В.Е. О наименовании цвета **golъbъ(jъ)* // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В.П.Гудкова. Москва, 2004, с. 225-230.
266. Моисеенко В.Е. О некоторых частных явлениях семантики наименований цвета (на материале славянских языков). – Проблемы контрастной семантики. Studia Slavica Savariensia 1-2, 2004. с.185-214.
267. Моисеенко В.Е. Очерки о русских и славянских цветоименованиях. В кн.: Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.93-150.
268. Моисеенко В.Е., Моисеенко Л.Н. Некоторые аспекты истории и этимологии русских цветоименований // Studia Slavica Savariensia – In honorem Caroli Gadani. Szombathely, 2003.
269. Моисеенко В.Е., Моисеенко Л.Н. Знаем ли мы русские цветоименования? – X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Концептосфера и динамика изменений. Санкт-Петербург 2003, с. 310-321.
270. Моисеенко Л.Н. Цветовые символы и синестезия как элементы индивидуального стиля Владимира Набокова // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.136-142.
271. Моисеенко Л.Н. Художественно-изобразительная роль синего цвета в прозе В.Набокова // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.143-147.

272. Моисеенко Л.Н. Ещё раз о цвете и цветовых символах в «Слове о полку Игореве» // Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000, с.148-156.
273. Моисеенко Л.Н. Цвет и свет в творчестве Н.В.Гоголя // Studia Slavica Savariensia – VII. Nemzetközi szlavisztikai napok. Szombathely, 2002, с.343-362.
274. Моисеенко Л.Н. Образная функция цвета и света в произведениях Н.В.Гоголя. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.151-170.
275. Моисеенко Л.Н. О цветовых неологизмах Гоголя. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.171-177.
276. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Киев, 1989.
277. Молчанова Л.А. Материальная культура белорусов. Минск: «Наука и техника», 1968.
278. Моро-Вотье. Заметки по технике живописи. М., 1929.
279. Мурьянов М.Ф. Синии молнии // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти В.В.Виноградова. Ленинград, 1971.
280. Мурьянов М.Ф. К интерпретации старославянских цветообозначений // ВЯ 1978, №5, с.93-109.
281. Набоков В. Собр. сочинений в 4-х томах. М., 1990.
282. Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1996.
283. Накамура Ё. «Слово о полку Игореве» и «Повесть о доме Тайра». Сравнение с точки зрения системы цветов // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988, с.80-89.
284. Нассонова К.А. О семантическом развитии слова *бѣлый* и выражения *бѣлымъ гоголемъ* в «Слове о полку Игореве». – Ruszszisztika. Nyíregyháza, 1985, с.51-59.
285. Невская Л.Г. Пёстрое в системе фольклорных атрибутов // Л.Г. Невская. Балто-славянское причитание. Реконструкция семантической структуры. М., 1993, с.161-184.
286. Неклюдов С.Ю. Особенности изобразительной системы в долитературном повествовательном искусстве. – В сб.: Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972, с.191-219.
287. Немченко В.И. Словообразовательная структура имён прилагательных в современном русском языке. Горький, 1973.
288. Николаенко Н.Н. Взаимодействие полушарий мозга в процессе восприятия и обозначения цвета. – В сб.: «Сенсорные системы: Сенсорные процессы и асимметрия полушарий». Ленинград: Наука, 1985, с. 47-57.
289. Николаенко Н.Н., Родионов В.Д. Классификация цвета и функциональная асимметрия мозга. - В сб.: «Сенсорные системы: Сенсорные процессы и асимметрия полушарий». Ленинград: Наука, 1985, с.57-67.

290. Николеску Татьяна. Рисунки Андрея Белого. – Slavica Tergestina 8, Trieste, 2000, с.127-143.
291. Німчук В.В. „Слово о полку Ігоревім” і народна мова // Мовознавство, 1968, № 1.
292. Ньютон И. Оптика или трактат об отражениях, преломлениях, изгибаниях и цветах света. – В кн.: Творцы физической оптики. М.: «Наука», 1973.
293. Ньюберг Н.Д. Курс цветоведения. М.-Л., 1932.
294. Ньюберг Н.Д. О происхождении цветовых понятий // Проблемы физиологической оптики, т.6, 1948, с.64-69.
295. Общее языкознание. Внутренняя структура слова. М., 1972.
296. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Гоголь. СПб, 1913.
297. Одинцов Г.Ф. О розовых, зелёных и голубых лошадях // «Русская речь», 1975, №4, с.99-103.
298. Одинцов Г.Ф. К истории русских гиппологических цветообозначений // Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка. М.: «Наука», 1978.
299. Ольгина О.А. Спектр значений слова «свет» в поэзии А.С.Пушкина. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.178-185.
300. Оствальд В. Письма о живописи. М., 1905.
301. Оствальд В. Цветоведение. М.-Л., 1926.
302. Памятники литературы Древней Руси XI-XV веков. М.: «Сов. Россия», 1981.
303. Панкратьева А.С. Цветовые прилагательные романа М.Шолохова «Тихий Дон». Автореф. канд. дис., Ташкент, 1970.
304. Панченко А.М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян. // ТОДРЛ, 1968, т.23, с.7-26.
305. Педхейм Ч., Сондерс Дж. Восприятие света и цвета. (пер. с англ.) М.: «Мир», 1978.
306. Пелевина Н.Ф. О соотношении языка и действительности (обозначение красного и синего цветов) // Филологические науки, 1962, № 2, с.149-153.
307. Пелевина Н.Ф. Теория значения и опыт построения семантических полей (значения цвета и света). Докторская диссертация. Ленинград, 1969.
308. Пелевина Н.Ф. Языковая и внеязыковая мотивировки семантики языкового знака // Вопросы семантики. Изд-во Калининградск. ун-та, 1976, с.35-40.
309. Пелевина Н.Ф. Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка (на материале значений цвета) // Семантика слова в диахронии. Сб. науч. трудов. Калининград, 1987. с.35-42.

310. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1971.
311. Петлёва И.П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка, II. // Этимология 1971. М.: Наука, 1973.
312. Петлёва И.П. Этимологические заметки по славянской лексике, IV. – Этимология 1975. Москва: Наука, 1977, с.77-79.
313. Петрухина Л. Поэтика *белого* и *чёрного* в славянской романтической балладе. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.186-204.
314. Петрушевский Ф.Ф. Краски и живопись. СПб, 1891.
315. Півторак Г.П. Сім барв веселки. «Мовознавство», 1969, №4, с.79-81.
316. Пио Р. Палитра Делакруа. М.: «Изогиз», 1932.
317. Письма Н.В.Гоголя. Ред. В.И.Шенрок. Т.1-4, СПб., 1909.
318. Полное собрание русских летописей. Т.1-25. СПб., 1841-1949.
319. Полубиченко Л., Шхвацабая Т. Топология цветообозначений. «Вестник МГУ». Серия 9: Филологические науки 1985, № 3. с.46-52.
320. Популярная библиотека химических элементов. Кн.1-2, 2-е изд., М., 1977.
321. Популярное руководство к изучению перспективы и теории теней по курсу рисования Д'Анри. СПб, 1896.
322. Порталь Ф. Символика цвета от античности до нового времени. Приложение-II в кн.: Серов Н.В. Античный хроматизм. СПб, 1995.
323. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914.
324. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
325. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
326. Пропп В. Морфология сказки. Л., 1987.
327. Психология эмоций. Тексты. М.: МГУ, 1984. (Сб. науч. статей).
328. Путолова Л. Природные минеральные красители // «Храм», 1991, вып.1.
329. Распознавание образов. Исследование живых и автоматических распознающих систем. М.: Мир, 1970. (Сб. науч. трудов).
330. Раутиан Г.Н., Соловьева В.П. Влияние светлостного окружения на остроту цветоразличения. – «Докл. АН СССР», 1954, № 3, с.513-516.
331. Рахилина Е.В. О цветном и бесцветном. «Русистика сегодня», 1, 1995.
332. Резник А.А. Цветовая символика в лирике Лермонтова в русле традиций православия // Русская литература 19 века и христианство. М., 1997.
333. Ремизов А.М. Встречи. Париж, 1981.
334. Рерберг Ф.И. Художник о красках. М., 1932.
335. Реупт Н. Псовая охота. Ч.1-2. СПб., 1846.
336. Рисунки русских писателей XVII – начала XX века. М., 1988.

337. Розанов В.В. «Легенда о великом инквизиторе» Ф.М.Достоевского. 1-е изд. СПб., 1894; 2-е изд., 1901.
338. Розов Володимир, Українськи грамоти. Київ, 1928.
339. Ротенберг В.С. Две стороны одного мозга и творчество. – В сб.: Интуиция. Логика. Творчество. М.: Наука, 1987, с.36-53.
340. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именованія: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // ВЯ, 1994, №6.
341. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. (Коллект. сборник).
342. Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб, 1896.
343. Самарин Ю.А. Очерки психологии ума. М., 1962.
344. Сартр Ж.-П. Очерк истории эмоций. Пер с франц. // Психология эмоций. Тесты. Изд. МГУ, 1975.
345. Свешникова Г.С. Типологический анализ фразеологических единиц с компонентами-прилагательными, обозначающими цвет. На материале немецкого, английского и шведского языков. Канд. диссертация. М., 1969.
346. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
347. Сенсорные и сенсомоторные процессы /Под ред. Б.Ф.Ломова. М., 1972.
348. Сергеева О.А. Свет как цвет: символ, семантика, образ. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.205-217.
349. Серебренников Б.А. Общие черты языков мира // Принципы описания языков мира. М.: «Наука», 1976.
350. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление., М., 1988.
351. Серета Л.М., Анищенко Е.В. Универсальное и этноспецифическое в эволюции цветообозначений // Язык и культура. Проблемы современной этнолингвистики. Минск, 2001, с.146-152.
352. Серов Н.В. Хроматизм мифа. Л., 1990.
353. Серов Н.В. Античный хроматизм. СПб, 1995.
354. Серов Н.В. Эстетика цвета. Методологические основы хроматизма. СПб, 1997.
355. Сивков Н. Мифический образ радуги у южнославянских и финно-пермских народов // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Материалы III Всероссий. научной конф. финно-угроведов (1-4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005, с.290-292.
356. Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1980. (Сб. научн. статей).

357. Симонов П.В. Эмоциональный мозг: Физиология, нейрофизиология, психология эмоций. М.: Наука, 1981.
358. Славянские этимологии 1-7 // Вопросы слав. языкознания. Вып. 2, 1957.
359. Слово и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2000.
360. Слуцкая М., Крысько О. О системе наименований цветов. «Техническая эстетика», 12, 1972, с.20-25.
361. Смирнов А.А. Психология запоминания. М., 1948.
362. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. М., 1956.
363. Соболева Л.И. Лексика цвета в поэзии Бориса Пастернака. – Проблемы контрастивной семантики. *Studia Slavica Savarensia* 1-2, 2004. с.255-281.
364. Соболевский А.И. Русские заимствованные слова. СПб., 1891.
365. Соболевский В. Замечательные минералы. М., 1983.
366. Соловьёв В.Ф. Особенности говора донских казаков. СПб, 1900.
367. Соловьёв С.М. Колорит произведений Достоевского // Достоевский и русские писатели. М., 1971.
368. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб, 2000.
369. Столяр А.Д. О генезисе изобразительной деятельности и её роли в становлении сознания. – В сб.: «Ранние формы искусства». М.: Искусство, 1972, 31-75.
370. Супрун А.Е. Лексическая типология славянских языков. Минск. Изд. БГУ, 1983.
371. Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. 2-е изд., перер. Минск: «Высшая школа», 1989.
372. Суровцова М.А. К истории слова *синий* в русском языке // Уч. зап. Кишинёвск. ун-та, т.71, 1964, с.112-119.
373. Суровцова М.А. К истории цветовых значений в древнерусском языке 11-16 вв. Автореф. канд. дис. М., 1971.
374. Суровцова М.А. Развитие цветового значения слова *красный*. // «Русский язык в школе». 1970, № 3, с.97-100.
375. Суровцова М.А. Выражение цветовых значений в общеславянском языке. – В кн.: Этимологические исследования по рус. языку. Вып.8. Изд-во Московск. ун-та, 1976, с.136-155.
376. Тейлор Эд.Б. Первобытная культура: пер. с англ./Под ред. Д.А. Коропчевского. Т.1-2. СПб., 1872-1873.
377. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке. М.: «Наука», 1981.
378. Тернер В.У. Проблема цветовой классификации в примитивных культурах // Семиотика и искусствоведение. М., 1992.
379. Терц Абрам (А.Д.Синявский), В тени Гоголя. London, 1975.

380. Тимофеев В.П. О семантике имён прилагательных в связи с терминами «качество», «свойство», «отношение» // Уч. зап. Шадринского гос. пед. ин-та. Вып.3, 1959, с.27-34.
381. Толстая Е. О лазоревых цветах, пыльных лучах и золотых ключах // Толстая С. Мирпослеконца. М., 2002.
382. Толстой Н.И. Язык и народная культура // Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
383. Толстой Н.И. Язычество древних славян // Очерки истории культуры славян. М., 1996, с.145-160.
384. Топоров В.Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. Том 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.
385. Топоров В. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга. СПб, 1993.
386. Трифонова С.В. О прямом и образном употреблении слова *голубой* у Горького // Словоупотребление и стиль М.Горького. Изд-во ЛГУ, 1962, с.136-147.
387. Трубочёв О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., Изд-во АН СССР, 1960.
388. Трубочёв О.Н. Принципы и методы семантических исследований // Исследования по исторической семасиологии. М., 1976.
389. Трубочёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991; 2-е перер. изд., 2003.
390. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках: три очерка о русской иконе. Париж, 1965.
391. Турчин В. Символика цвета // «Юный художник», 1991, №7, с.36-40.
392. Уваров Л.В. Образ, символ, знак. Минск, 1988.
393. У истоков русской пролетарской поэзии. М.-Л., 1965.
394. Ульяшев О.И. Цвет в образе антагониста (по фольклорным материалам коми) // Материалы XII коми республикан. молодёж. конфер. Сыктывкар, 1994.
395. Ульяшев О.И., Шарапов В.Э. Семантика «сен-сай» в свете традиционных хроматических ассоциаций у коми // Труды ин-та языка, литературы и истории Коми науч. Центра Урал. отд. РАН. Вып. 60: Традицион. мировоззр. и духовная культура народов Европ. Севера. Сыктывкар, 1997.
396. Ульяшев О.И. Иерархия цветовой символики в устной прозе и обрядовой поэзии комизырян. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1998.
397. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 2-й. М., 1996.
398. Успенский Б.А. Поэтика композиции (глава «Рамки художественного текста»). 2-е изд. СПб, 2000, с.224-243.

399. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных. – Семиотика и информатика. Вып.35. М.: «Языки русской культуры», 1997.
400. Успенский Л. Богословие иконы. М., 2001.
401. Федоров Н.Т. Общее цветоведение. М.: ГОНТИ, 1939.
402. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. Москва, 2003.
403. Ферсман А.Е. Цвета минералов. М.: АН СССР, 1937.
404. Ферсман Ф.Е. Очерки истории камня. М.: АН СССР, 1954.
405. Ферсман А.Е. Рассказы о самоцветах. 2-е изд., М., 1974.
406. Филатов В.В. О красках русских художников XVI-XVII вв. // Памятники культуры, исследования и реставрация. Вып.4, М., 1963, с.128-141.
407. Финк Р. Воображение и зрительная система // В мире науки. 1981, №5.
408. Фирек В. Лингвистический Атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры: Результаты исследований в рамках проекта *ATLAS LINGVARUM EUROPAE* // ВЯ, 2003, №5, с.30-39.
409. Флоренский П.А. Иконостас. М.: «Искусство», 1994.
410. Флоренский П.А. Небесное знамение (Размышление о символике цветов) // Избранные труды по искусству. М., 1996.
411. Фрейд З. Тотем и табу. М.-Пг.: ГИ, 1923.
412. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек – цвет – пространство. Прикладная цветопсихология. (сокр. пер. с нем). М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1973.
413. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
414. Хабургаев Г.А. Становление русского языка. М., 1989.
415. Хильде Ч. Семантический объём прилагательных, обозначающих цвет, в русском языке в сопоставлении с немецким. Канд. дис. М., 1973.
416. Хлебцец Борис, Називи за боје у „Српском рјечнику”. – Међународни научни састанак слависта у Вукове дане. XVII/1, Београд, 1988, с.145-151.
417. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, 1466-1472 гг. – М.-Л., 1948 (Троицкий список XVI в.).
418. Холич Л.В. Имя прилагательное в ненецком языке. // Доклады и общ. ин-та языкознания АН СССР, 1959, вып.12, с.153-162.
419. Хьюбел Д., Визель Т. Центральные механизмы зрения // Мозг. (пер. с англ.), М., 1982.
420. Цойгнер Г. Учение о цвете. (пер. с нем.). М.: Стройиздат, 1971.
421. Цоллингер Г. Биологические аспекты цветовой лексики // Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики. М.: Мир, 1995.
422. Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995.

423. Ченнини Ченнино, Книга об искусстве или Трактат о живописи. М.: «ОГИЗ-Изогиз», 1933.
424. Черкасова Е.Т. Опыт лингвистической интерпретации тропов: Метафора // ВЯ, 1968, №2, с.27-39.
425. Черных П.Я. Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М.: «Наука», 1966.
426. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
427. Чижевський Дм. Історія української літератури. Кн.2, Прага, 1942.
428. Чикало М.І. Номінація коричневого кольору. – Українська історична та діалектна лексика. Збірник наукових праць. Вип.2. Київ, 1995.
429. Чистякова Л.М. *Красный* в поэтическом языке В.В.Маяковского // Труды по русскому яз. – Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. Герцена. Т.324, 1969, с.202-230.
430. Шанский Н.М. О некоторых названиях собаки в русском языке (коррективы к «Русскому этимологическому словарю» М.Фасмера) // Этимологические исследования по русскому языку. Вып.V. Изд-во Моск. ун-та, 1966, с.172-176.
431. Шапиро А.Б. Ударение кратких прилагательных // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. М., 1952, с.90-104.
432. Шарлемань Н.В. Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. т.VI, 1946.
433. Шаронов В.В. Свет и цвет. М.: «Физматгиз», 1961.
434. Шаховская З. В поисках Набокова. Париж, 1976.
435. Шашлов Б.А. Цвет и его воспроизведение. М.: Книга, 1986.
436. Шварц Л.А. Изменение цветоощущения в эмоциональных состояниях // Проблемы физиологической оптики. Т.6, М.: «Наука», 1948, с.314-318.
437. Шевцова В.А. Тематические группы русских и немецких фразеологизмов с цветообозначениями. – Проблемы контрастивной семантики. *Studia Slavica Savariensia* 1-2, 2004. с.362-371.
438. Шемякин Ф.Н. К вопросу об историческом развитии названий цвета. – «Вопросы философии», 1959, № 4.
439. Шемякин Ф.Н. К вопросу об отношении слова и наглядного образа // Мышление и речь. Труды Ин-та психологии. М., 1960.
440. Шерцль В. О названиях цветов. – «Филол. записки». Вып. 2, 3. Воронеж, 1884.
441. Шерцль В.И. Название цветов и символическое значение их. Воронеж, 1884.
442. Шестак Л.А. Семантический анализ фразеологии с цветовыми прилагательными (на материале русского и польского языков). Автореф. канд. дис., Львов, 1982.
443. Школа изобразительного искусства в 9-ти вып. М., 1960-1969.

444. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
445. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Изд-во ЛГУ, 1979.
446. Шубин Э.П., Троицкая Н.Б. Дефиниционно-ассоциативная теория внутренней структуры слова. Калинин, 1971.
447. Щавинский В.А. Очерки по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. М.-Л., 1935.
448. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
449. Чикало М. Назви кольорів у пам'ятках української мови 14-18 століть. Автореф. канд. дисертації. Львів, 1994.
450. Чикало М. Номінації коричневого кольору. – Українська історична та діалектна лексика 2, Київ, 1995, с.32-37.
451. Эйхенбаум Б.Н. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Поэтика, Труды русских и советских поэтических школ. Сост. Д.Кирай – А.Ковач. Tankönyvkiadó, Budapest, 1982.
452. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.
453. Юналеева Р.А. Опыт исследования заимствований (тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). Казань, 1982.
454. Юрьев Ф. Цвет в искусстве книги. Киев, 1987.
455. Юстова Е.Н. Вопросы измерения и стандартизации цвета. Автореферат докторской диссертации. Ленинград, 1975.
456. Яворська Г. Мовні концепти кольору (до проблеми категоризації). «Мовознавство», 1999, № 2-3, с.42-50.
457. Язык и культура. Сборник обзоров. М., 1987.
458. Языковая номинация. Общие вопросы. М.: «Наука», 1977.
459. Языковая номинация. Виды наименований. М.: «Наука», 1977.
460. Языковое сознание и образ мира. М., 2000.
461. Якобсон Р. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3, М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963.
462. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: «Прогресс», 1987.
463. Якубинский Л.П. Из истории имени прилагательного // Доклады и сообщения Ин-та языкознан. АН СССР, т.1, 1952, с.52-71.
464. Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М.: «Наука», 1981.
465. Abelin Å. Färgordssammansättningar. Gothenburg Papers in Theoretical Linguistics. Göteborg, 1989.
466. Alinei M. Origini delle lingue d'Europa. V.I: La teoria della continuità. Bologna, 1996.
467. Alinei M. Magico-religious motivations in European dialects: A contribution to archaeolinguistics // Dialectologia et geolingvistica. 1997. № 5.

468. Alinei M. The Atlas Linguarum Europae after a quarter century: A new presentations / Eds. M.Alinei, W.Viereck. Atlas Linguarum Europae. Perspectives nouvelles en géolinguistique. Rome, 1997.
469. Ampel-Rudolf M. Barwa i kolor. Poradnik językowy.8. 1987.
470. Ampel-Rudolf M. Cechy semantyczne i składniowe przymiotników koloru (na przykładzie przymiotnika *zielony* i przymiotników określających jego odcienie). Polonica XIII. 1988. s.51-63.
471. Ampel-Rudolf M. Kolory. Z badań leksykalnych i składniowo-semantycznych języka polskiego. Rzeszów, 1994.
472. Argenlander A. Das Farbenhören und der synästhetische Factor der Wahrnehmung. Jena, 1927.
473. Arnold W. Farbgestaltung. Berlin, 1977.
474. Babić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. II. izd., Zagreb, 1991.
475. Baleka L. Modř – barva mezi barvami. Praha, 1999.
476. Beck E.F. Color and heat in South Indian ritual. – „Man”, 1969, v.4, N 4, p.553-572.
477. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley – Los Angeles, 1969.
478. Bernjak E. Barvna metaforika in simbolika v slovenski in madžarski frazeologiji. – Проблемы контрастивной семантики. Studia Slavica Saviariensia 1-2, 2004. s.17-56.
479. Biblia sacra, iuxta latinam vulgatam versionem. Stuttgart, 1994.
480. Birren F. History of color in painting. New York, 1965.
481. Bjelajeva I. Niepodstawowe nazwy barw w języku polskim, czeskim, rosyjskim i ukraińskim. Warszawa 2005.
482. Voemhig Michaela. Слово и образ или *Последний день Помпеи* в зеркале художественной литературы. Slavica Tergestina, 8. Trieste, 2000, s.111-126.
483. Borinski K. Nochmals die Farbe Braun. München, 1920.
484. Bornstein M. The psychophysiological component of cultural difference in color naming and illusion susceptibility. – „Behav. Sci. Notes”, 1973, v. 8, p.41-101.
485. Bornstein M.C. The influence of visual perception on culture. – American Anthropologist, 1975, vol.77.
486. Brown C.H., Witkowski S.R. Polysemy, lexical change and cultural importance. – „Men”, 1983, v.18.
487. Brozović D. O ortoepskoj vrijednosti dugoga i produženoga ijekav-skoga jata. – Jezik, XX, Zagreb: 1972, s. 43-49.
488. Brüggemann F.-R. Die Farbezeichnungen in der tschechischen und slovakischen Schriftsprache der Gegenwart. – Europäischer Verlag der Wissenschaften, Frankfurt am Mein, 1996.

489. Buck G., Froelich H. Color characteristics of human complexions. – „Illum. Engr”, 1948, v.53.
490. Burini Silvia, Типология натюрморта в литературе (на материале XX века). – Slavica Tergestina, 8. Trieste, 2000, с.145-174.
491. Carpenter J.M., Fisher H.T., Colour in art. Harvard, 1974.
492. Chomsky N. Language and Mind. N.Y., 1968.
493. Conklin H.C. Hanunoo Color Categories. – Language in Culture and Society. A Reader in Linguistics and Anthropology, ed. by Dell Hymes, New York, Evanston and London, 1964.
494. Crawford T.D. Defining 'Basic Color Term'. Anthropological Linguistics 24, 3, 1982. p.338-343.
495. Dauven J. Sur la correspondance entre les sons musicaux et les couleurs. – „Couleurs”, 1970, N 77, p.9-13.
496. Davidoff J., Davies I., Roberson D. Color categories in a stone age tribe. Nature 402 (6762) 1999. p.604-605.
497. Davies I., Corbett G. The Basic Color Terms of Russian. Linguistics 32, 1994. p.65-89.
498. Décsy Gy. Eine slowakische medizinische Handschrift aus dem 17. Jahrhundert. Budapest, 1956.
499. Dobrovolskij D., Piirainen E. Symbole in Sprache und Kultur. Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive. Bohum: Universitätsverlag Dr. N.Brockmeyer. 2002.
500. Dokulil M. Tvoření slov v češtině, I-II. Praha, 1962.
501. Dukat V. Jambrešičev «Lexicon Latinum». Rad JAZU, knj.162. Zagreb, 1905.
502. Dukat V. Rječnik Fausta Vrančića. Rad JAZU, knj. 231. Zagreb, 1925.
503. Dukat V. Prinosi za biografiju Andrije Jambrešića. Ljetopis JAZU, sv. 34. Zagreb, 1920.
504. Dürbeck H. Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen, Bonn, 1977.
505. Evans R.M. The perception of color. N.Y., Wiley, 1974.
506. Fodor J.A., Jenkins J. and Saporta S. Psycholinguistics and communication theory. // Human communication theory. N.Y., 1967.
507. Forstner D. Świat symboliki chrześcijańskiej. – Warszawa: PAX, 1990.
508. Földes Cs. Farbbezeichnungen als phraseologische Struktur-komponente im Deutschen, Russischen und Ungarischen. – EUROPHRAS-90. Akten der internationalen Tagung der germanischen Phraseologieforschung Aske/Schweden, 12-15.Juni 1990, Uppsala, 78-89.
509. Frieling H. Mensch und Farbe. Psychologische Bedeutung und Wirkung von Farben für Kontakt und Kommunikation. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1981.
510. Gadányi K. Egy melléknév jelentéseinek kontrasztív vizsgálata. Murska Sobota. Népujság, 1976, 11.10. jo. 6-7.

511. Gadányi K. Barvi *moder* in *plav* v slovenščini. – Narodni Novine. Budapest, 1977, 2, s.9-14.
512. Gadányi K. Frazeologizmi s pridevniki, ki v ruskem jeziku pomenijo barvo. – Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 1982, s.95-100.
513. Gadányi K. Amelléknevek egy lexikai csoportja a nyugat-dunántúli „Ča” horvát nyelvjárásban (összevetve az irodalmi normával). – Nemzetközi Szlavisztikai Napok. Szombathely, 1982, 160-171.
514. Gadányi K. A szint jelentő melléknevek az orosz és a szlovén nyelvben. – SZTFTK, 2, Szombathely, 1982, 165-175.
515. Gadányi K. Об одной редкой разновидности несклоняемых прилагательных-цветообозначений в некоторых славянских языках. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.5-13.
516. Gericke L., Schöne K. Das Phänomen Farbe. Zur Geschichte und Theorie ihrer Anwendung. Berlin, Henschelverlag, 1970.
517. Gernet L. Dénomination et perception des couleurs chez les Grecs – « Problèmes de la couleur », Paris, 1972.
518. Gipper H. Die Farbe als Sprachproblem. – „Sprachforum”, 1.Jg., Münster-Köln, 1955.
519. Gladstone W. Studies on Homer and Homeric age. Oxford, 1958.
520. Gostl I. Portreti kajkavskih leksikografa. Prinosi za povijest hrvatske leksikografije. – Studia Slavica Savariensia 1994, I. s. 24-43.
521. Gostl I. Andrija Jambrešić ili procvat kajkavske leksikografije. – Studia Slavica Savariensia 1994, II. 23-42.
522. Grzenia J. Założenia opisu pola semantycznego barw w języku polskim. Poradnik Językowy, 4. 1993. s.155-165.
523. Halse A.O. The use of color in interiors. New York, 1968.
524. Hays D., Perkins R. Color terms: correlation of frequency with order of introduction / State Univ. N.Y. at Buffalo, prepublication copy. Dec. 1970.
525. Heider E.R., Universals in color naming and memory. – „J. Exper. Psych.”, 1972, v.93, p.10-20.
526. Heider E.R., Oliver D.C., The structure of the color space in naming and memory for two languages. – „Cogn. Psych.”, 1972, v.3, p. 337-355.
527. Heller E. Wie Farben wirken. Farbpsychologie – Farbsymbolik – Kreative Farbgestaltung. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1989.
528. Herne G. Die slavischen Farbenbenennungen. Eine semasiologisch-etymologische Untersuchung. Uppsala, 1954.
529. Herrmann J. Welt der Slawen. Leipzig - Berlin, 1986.
530. Hickerson N.P. Ethnolinguistic Notes from Lexicons of Lokono (Arawak) – International Journal of American Linguistics, №19, 1953.
531. Hill P.M. Die Farbenwörter der russischen und bulgarischen Schriftsprache der Gegenwart. Amsterdam, 1972.

532. Hippika to jest księga o konich ... (1617 r.). Wydanie Kazimierza J.Tarowskiego. W Krakowie, 1861.
533. Hjelmslev L. Prolegomena to a theory of language. Baltimore, 1953.
534. Hoàng thu Oanh. Nazwy barw w języku wietnamskim i polskim. – Semantyczna struktúra słownictwa i wypowiedzi. Red. R.Grzegorzczkowska i Z.Zaron. Warszawa, 1997, s.81-89.
535. Hunkel K. Kraft der Farben. München: Gräfe und Unzer. 1996.
536. Irwin E.. Colour terms in Greek poetry. Toronto, 1974.
537. Itten J. Kunst der Farbe. Ravensburg, 1976.
538. Jagič V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
539. Javorska G. O podstawowych nazwach barw w języku ukraińskim (materiały do badań porównawczych). – Studia z semantyki porównawczej. Cz. I. Warszawa, 2000. s.29-38.
540. Javorska G.M. Ukraiński «зелений»: głębia symboliki wegetatywnej. – Studia z semantyki porównawczej. Cz.II, Warszawa, 2003. s.37-48.
541. Jonke Lj. „Dikcionar” Adama Patačića. Rad JAZU, knj.275, Zagreb,1949, s.71-175.
542. Judd D.B., Kelly K.L., Method of designating colors. – „J. Res. NBS”, 1939, v.23, p.355-385.
543. Jurančič J. Slovenački jezik. Ljubljana, 1965.
544. Kalenič V. Raba pridevnikov v slovenščini in srbohrvaščini. – Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1970, 38-46.
545. Kalsbeek J. The Čakavian Dialect of Orbanći near Žminj in Istra. Amsterdam - Atlanta, GA, 1998.
546. Kandinski W. Über das Geistige in der Kunst, insbesondere in der Malerei. München, R.Riper, 1912.
547. Kay P. Synchronic Variability and Diachronic Change in Basic Color Terms. Language in Society 4, 1975. p.257-270.
548. Kay P., McDaniel Ch. K. Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. // Language, 1978, V.54.
549. Kay P., Berlin W.R., Merrifield G. Biocultural Implications of Systems of Color Naming. Journal of Linguistic Anthropology, 1, 1991. p.12-25.
550. Kikuchi A., Lichtenberk F. Semantic extension in the color lexicon. // Studies in language, V.7, N1, p.25-61.
551. Kiparsky V.. Russische historische Grammatik, I, Heidelberg, 1963.
552. Klar G. (u.a.). Lüscher – Test. Die Psychologie der Farben. Basel (o. J.) (рус. пер. № Ц 36043. М., ВЦП НДТЛ КГНТ, 1975).
553. Knuf J. Unsere Welt der Farben. Symbole zwischen Natur und Kultur. Köln: DuMont, 1988.
554. Koncová M. Z chromatickej terminológie v slovenskom a francúzskom jazyku. «Tlumočení a překlad» 1998, 42. s.12-17.

555. Koušková I. O čem vypovídají barvy v příslovích a pořekadlech. Praha, 2000.
556. Kovačev A.N. Govorica barv. Vrba: Prešernova družba, 1997.
557. Kreisberg A. Le storie colorate. Edizioni Tracce. Pescara, 2001.
558. Kristol A.M. Color system in southern Italy. A case of regression. // Language, V.56, 1980, N1, p.137-145.
559. Křižtek V. Pojmenování barev a jejich uplatnění v kontextu. - Zborník Filozofickej Fakulty Univerzity Komenského. Bratislava, 1979. s. 131-138.
560. Kusal K. К вопросу о семантической структуре и грамматической характеристике названий цветов в современном русском и польском языках. – Acta Universitatis Wratislaviensis, Slavica Wratislaviensia IV. Wrocław, 1974, s.131-138.
561. Kustova G., Rahilina E. O nazwach barw „зелёный» i «жёлтый» в языке росыjskim. – Studia z semantyki porównawczej. Cz.II. Warszawa, 2003, s.23-36.
562. Küppers H. Farbe. München, 1977.
563. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought. N-Y., 1999.
564. Lazar-Meyn H.A. The color system of the modern Celtic languages: Effects of language contact. – Language contact in the British Isles /Ed. dy Upeland P.S. and Broderick G., Tübingen, 1991.
565. Lehr-Splawiński T. Stosunki pokrewieństwa języków ruskich. – Rocznik Sławistyczny, IX, Kraków, 1921.
566. Lietz J. Zur Farbensymbolik im „Madame Bovary”. – Romantisches Jahrbuch”, Hamburg, 1967, Bd.18, s.89-96.
567. Löwenthal W. Die slavischen Farbenbezeichnungen. Leipzig, 1901.
568. Lüscher M. The development of color vision. London, 1969.
569. Mac Laury R. Color and cognition in Mesoamerica: Constructing categories as vantages. Austin, 1997.
570. Magnus H. Untersuchungen über den Farbensinn der Naturvölker. Leipzig, 1880.
571. Maretić T. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskog jezika. II.izd., Zagreb, 1932.
572. Marshall G. Can humans talk? – J.Morton (ed.), Biological and social factors. Psycholinguistics. London, 1971.
573. Mastrelli C.A. La traduzione di λευκός nei Vangeli slavi in confronto con le traduzioni latine e germaniche. – „Ricerche slavistiche”, 2, Roma, 1953.
574. Mastrelli C.A.. La tecnica delle traduzioni della Bibbia nell’alto Medioevo - „La Bibbia nell’alto Medioevo”. Spoleto, 1963.
575. Meillet A. Études sur l’*étymologie et le vocabulaire du vieux slave*. I-II, Paris, 1902-1903.

576. Meillet A.. *Le Slave commun*, Paris, 1934.
577. Merleau-Ponty M. *Fenomenologija percepcije*. Sarajevo: Veselin Masleša, 1978.
578. Mertz B.A. *Kolor – charakter – przeznaczenie*. Warszawa, 1996.
579. Mielicki J. *Zarys wiadomości o barwie*. Łódź, 1997.
580. Miklošič F. *Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen*. I-II. Hälfte, 1884; Nachtrag I-II, 1888-1890. Wien.
581. Mladenova O. *Grapes in wine in the Balkans. An ethnolinguistic study*. Harrasowitz Verlag, Wiesbaden, 1998.
582. Moberg L. *En studie i „grönt”*. *Språkvård*, z.3, s.42-45.
583. Moguš M. *Postoji li danas u pridjeva komparativni nastavak –ji?* *Jezik*, XVIII, br.5, s.14-19.
584. Moisejkeno V. *O semantici pridjeva plav u hrvatskom jeziku. – Hrvati i Mađari u svjetlu prožimanja kultura i jezika*. Knj.II., Pečuh, 1997.
585. *Moravia Magna*. Bratislava, 1980.
586. Moszyński K., *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław, 1957.
587. Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian*. T.II, Warszawa, 1967.
588. Musulin S. *Hrvatska i srpska leksikografija*. *Filologija* 2. Zagreb, 1959, s.56-60.
589. Müller W., Pötsch R. *Vom Königspurpur zum Jeansblau*. Leipzig, Jena, Berlin, 1983.
590. Nemcsics A. *A szín kifejező ereje mint színpreferenciá indexérték tényező*. Budapest, 1968.
591. Ondřejová K. *Barvy v české a moravské lidové písni*. Praha, 2000.
592. Palmer F.R. *Semantics. A new outline*. Cambridge University Press, 1977.
593. Pennington A.E. *Григорий Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. Text and Commentary*. Oxford, 1980.
594. Peršič A. *Tuje besede v slovenskem jeziku*. Ljubljana, 1962.
595. Petruničeva V. *Paleta barw v języku rosyjskim (o przymiotnikowych nazwach barw)*. – *Studia z semantyki porównawczej*. Cz. I. Warszawa, 2000. s.39-58.
596. Pettersson T. (red.), *Färgterminologi. Seminarieuppsatser i allmän språkvetenskap. – ”Praktisk lingvistik”*, z.9. Lund, 1984.
597. Pintar L. *Slovanski in besedotvorni paberki*. – *Letopis Slovenske Matice*, I, Ljubljana, 1895.
598. Poręba A. *Polska och svenska färbadjektiv*. – *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace językoznawcze*. Z.116. Kraków, 1993. s.132-144.
599. Putanec V. *Leksikografija kod Hrvata, Srba i Crnogoraca*. – *Enciklopedija Jugoslavije*, knj.5. 1962, s.503-507.

600. Račeva M. Zur semasiologisch-etymologischen Behandlung der slawischen Farbbezeichnung *зелень. – Zeitschrift für Slawistik. Band 29, Heft 5, 1984, 748-753.
601. Riley C.A. Color codes: modern theories of color in philosophy, painting and architecture, literature, music and psychology. Univercity Press of New England, 1995.
602. Ripka I. Názvy farieb v slovenských a pol'ských nárečových prirovnaniach. – Studia Slavica Hungarica, 46, N3-4, Budapest, 2001, s.317-323.
603. Rosch E. Universals in Colour Naming and Memory. Journal of Experimental Psychology, 1972. 93, I. s.10-20.
604. Rood R. Color and Light in Painting. New York, 1941.
605. Rzepińska M. Historia koloru w dziejach malarstwa europejskiego. T.1, Kraków, 1970; T.2, Kraków, 1979.
606. Schabowska M. Pochodne przymiotniki barwy. „Język Polski” XL, 1960, s.291-304.
607. Schöne W. Über das Licht in der Malerei. Berlin, 1954.
608. Schventner O. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung über der altgermanische Farbenbezeichnungen. Münster, 1915.
609. Segall M.N. et al. The influence of culture on visual perception. Indiannopolis, 1966.
610. Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxtra LXX interpretes. Ed. A.Ralfs. Stuttgart, 1979.
611. Shevoroshkin V.V., ed. Reconstructing languages and cultures. Bochum, 1989.
612. Shevoroshkin V.V., ed. Explorations in language macrofamilies. Bochum, 1989.
613. Shevoroshkin V.V., ed. Proto-languages and proto-cultures. Bochum, 1990.
614. Shevoroshkin V.V., ed. Nostratic, Dene-Caucasian, Austrik and Amerind. Bochum, 1992.
615. Skok P. Prilozi za proučavanje turcizama u hrvatskom jeziku. – Slavia, roč. XV, seš. 4, Praha, 1938, s.165-190, 336-505.
616. Skorupka S. Frazeologia porównawcza języków słowiańskich (Struktura formalna i semantyczna zwrotów frazeologicznych). – Slavia Slovaca, r.I-II, Bratislava, 1976, s. 74-96.
617. Skwarczyńska S. Wartość treściowa kolorów w romantyzmie a dzisiaj (Na tle badania relacji między twórcą a odbiorcą). – Pamiętnik Literacki, 1932, z. 3-4, s.45-76.
618. Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. – Słownik prasłowiański. T.I, Wrocław, 1974.
619. Součková J. O problematice označení barev v rusko-české frazeologii. „Ruský jazyk” č. 27, 1976/77, s.340-344.

620. Stolec D. Boje u starijoj hrvatskoj frazeologiji i leksikografiji.– Filologija, knj. 22-23. Raz. za filol. znanost. Zagreb, 1994, s.259-267.
621. Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Nazwy mentalne. Pod red. R.Grzegorzczukowej i K.Waszakowej. Część I, Warszawa 2000; Część II, Warszawa, 2004.
622. Škultéty J. Vzťahové prídavné mená označujúce farebné odtiene. „Kultura slova” 1972, 6. s.203-206.
623. Šojat A. Latinsko-hrvatsko-njemačko-mađarski rječnik Franje Sušnika i Andrije Jambrešića. – Dodatak pretisku rječnika „Lexicon Latinum”. Zagreb,1992.
624. Štěpán J. O pojmenování barev a jeho využití v současné češtině. – „Slovo a slovesnost”, 1983, č.44, s.22-29.
625. Štěpán P. Označení barev a jejich užití v toponymii Čech. Praha, 2001.
626. Teodorowicz-Hellman E. „Biały” w języku polskim i „vit” w języku szwedzkim. – Nazwy barw i wymiarów. Colour and measure terms. Stockholm, 1997, s.33-42.
627. Teodorowicz-Hellman E. Podstawowe nazwy barw w języku polskim i szwedzkim. – Nazwy barw i wymiarów. Colour and measure terms. Stockholm, 1997, s.43-61.
628. Teodorowicz-Hellman E. Nazwy odcieni barw w języku szwedzkim i ich porównanie z polskim. – Semantyczna struktura słownictwa i wypowiedzi. Warszawa, 1997, s.103-111.
629. Teodorowicz-Hellman E. „Zielony” i „niebeski” w języku polskim w porównaniu z „grön” i „blå” w szwedzkim. – Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Cz.I. Warszawa, 2000, s.73-92.
630. Teodorowicz-Hellman E. Postrzeganie świata roślin, zwierząt i ludzi poprzez barwę *zółtą* w języku polskim oraz *gul* w języku szwedzkim. – Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw. Nazwy wymiarów. Predykaty mentalne. Cz.II, Warszawa, 2003.
631. The Novgorod Kabala Books of 1614-1616. Text and Commentary by Hagar Sundberg. Almqvist&Wiksell International. Stockholm/ Sweeden, 1982.
632. Tokarski R. Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie. – Lublin: Wyd-wo UMCS, 1995.
633. Tokarski R. Problematyka językowa obrazu świata w świetle semantyki barw. – Nazwy barw i wymiarów. Color and measure terms. Ed. B.Nilsson, E.Teodorowicz-Hellman. Stockholm, 1997, s. 75-86.
634. Tokarski R. Regularny i nieregularny rozwój konotacji semantycznych nazw barw. – Nazwy barw i wymiarów. Colour and measure terms. Ed. B.Nilsson, E.Teodorowicz-Hellman. Stockholm, 1997, s.63-74.

635. Trubetzkoy N. Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit. – Zeitschrift für slawische Philologie. Bd.I, 1925.
636. Van Brakel J. The plasticity of categories: the case of colour. „British Journal for the Philosophy of Science”1993, N44, p.103-135.
637. Vaňková I. Mieniť się różnymi kolorami (Zabarwienie skóry jako symbolizacja cech i stanów psychofizycznych człowieka). – Studia z semantyki porównawczej. Cz. I. Warszawa, 2000. s.105-123.
638. Vaňková I. Vidět batvy. „Souvislosti” 1/48, s.131-143.
639. Vaňková I. Językowe i kulturowe odniesienia czeskiej nazwy barwy „zelený”. Studia z semantyki porównawczej. Cz.II, Warszawa, 2003. s.9-22.
640. Vaňková I. Kolory w czeskim językowym obrazie świata: barwa *žlutá*. – Studia z semantyki porównawczej. Cz.II. Warszawa, 2003. s.69-98.
641. Vidmarivić N. Оппозиция *свет* и *тьма* в древнерусских житиях. – Свет и цвет в славянских языках. Melbourne: Academia Press, 2004, с.218-229.
642. Vince Z. Neujednačenost u komparativnim oblicima nekih prideva. – Jezik, XXV, br.5, Zagreb, 1977-1978, s.142-145.
643. Waaler G.H. Genetics and physiology of colour vision. Oslo, 1975.
644. Waszakowa K. Dotychczasowe badania w zakresie nazw barw w poszczególnych językach a perspektywa ich całościowego opisu porównawczego. – Nazwy barw i wymiarów. Color and measure terms. Ed. B.Nilsson, E.Teodorowicz-Hellman. Stockholm. 1997. s.87-96.
645. Waszakowa K. Jakiego koloru jest człowiek? (o podstawowych nazwach barw używanych na określenie koloru twarzy ludzkiej we współczesnym języku polskim). – Prace Filologiczne XLIV, Warszawa, 1999, s.545-556.
646. Waszakowa K. Podstawowe nazwy barw i ich prototypowe odniesienia. Metodologia opisu porównawczego. – Studia z semantyki porównawczej. Sz.I. Warszawa, 2000, s.17-28.
647. Waszakowa K. Struktura znaczeniowa podstawowych nazw barw. Studia z semantyki porównawczej. Sz.I. Warszawa, 2000, s.59-72.
648. Waszakowa K. Konotacje semantyczne i kulturowe polskiej nazwy barwy zielonej i jej odpowiedników w języku ukraińskim, szwedzkim i wietnamskim. – Etnolingwistyka 12. Lublin 2000, s.221-232.
649. Waszakowa K. Polskie podstawowe nazwy barw w roli „interpretantów” świata. – Prace Filologiczne XLV. Warszawa, 2000, s. 619-632.
650. Waszakowa K. Polski językowy obraz świata widziany przez prymat barwy „żółtej”. – Obraz světa v jazyce. Sbornik z příspěvků, které zazněly v jazykovědné sekci XXVII. ročníku česko-polské meziuniverzitní konference Univerzita Karlova – Uniwersytet Warszawski ve dnech 2.-4. května 2000. Praha, 2001, s.37-51.

651. Waszakowa K. Bliskość znaczeniowa nazw barw „żółtej” i „zielonej” w polskim językowym obrazie świata. – Prace Filologiczne XLVI. Warszawa, 2001, s.637-647.
652. Waszakowa K. Językowe i kulturowe odniesienia nazwy barwy żółtej we współczesnej polszczyźnie. – Studia z semantyki porównawczej. Cz.II. Warszawa, 2003, s.99-121.
653. Waszakowa K. Opis porównawczy znaczeń podstawowej nazwy barwy zielonej w języku polskim, czeskim, rosyjskim, ukraińskim, szwedzkim i wietnamskim. – Studia z semantyki porównawczej. Cz.II. Warszawa, 2003.
654. Waszakowa K. Porównanie znaczeń podstawowej nazwy żółtej w języku polskim, czeskim, rosyjskim, i ukraińskim. – Studia z semantyki porównawczej. Cz.II. Warszawa, 2003.
655. Waszakowa K. Žlutá barva v polském a českém jazykovém obrazu světa – hledání prototypového vzoru. – „Čítanka textů z kognitivní lingvistiky”. Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Univerzita Karlova v Praze. Filozofická fakulta. Praha, 2004, s.75-87.
656. Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. Sydney, 1980.
657. Wierzbicka A. The Meaning of Color Terms: Semantics, Culture, and Cognition. – *Cognitive Linguistics I*, 1990. p.99-149.
658. Wierzbicka A. *Semantics. Primes and Universals*. Oxford University Press, 1996.
659. Wierzbicka A. *Emotions across languages and cultures*. Cambridge; Paris, 1999.
660. Witkowski S.R., Brown C.N. An explanation of color nomenclature universals. – *American Anthropologist*, 1977, V.79.
661. Witkowski S.R., Brown C.N. Lexical encoding sequences and language change: colour terminology systems. – *American Anthropologist*, 1981, V.83.
662. Wolffarth H., Sam C., The effect of color psychodynamic ... - „*Int. Jour. Biosoc. Res.*”, 1982, v.3, p.10-38.
663. Wunderlich E. *Die Bedeutung der roten Farbe im Kultus der Griechen und Römer*. – Gießen, 1925.
664. Wyler S. *Colour and language. Colour terms in english*. Gunter Narr Verlag, Tübingen, 1992.
665. Zareba A. *Nazwy barw w historii i dialektach języka polskiego*. Wrocław, 1954.
666. Zausznica A. *Nauka o barwie*. Warszawa, 1959.

667. Алексеев П.А. Церковный словарь. Ч.1-5. 4-е изд. СПб, 1817-1819.
668. Анненков Н. Ботанический словарь. М., 1878.
669. АОС – Архангельский областной словарь /Под ред. О.Г.Гецовой. Вып. 1-11. М., 1980-2001 (изд. продолж.).
670. Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь. М.: «Сов. Энциклопедия», 1966.
671. Беринда Памва, Лексиконъ словенороський. Київ, 1961.
672. Библиейская энциклопедия. Труд и издание архимандрита Никифора. Изд. Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990.
673. Биологический энциклопедический словарь. М., 1989.
674. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург, 1999.
675. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб, 1901 (Сб. ОРЯС. т.LXVIII, № 4) с.19-163.
676. Большой немецко-русский словарь. В 3-х томах / Под рук. О.И. Москальской. М.: Сов. энциклопедия, 1999.
677. Большой толковый словарь русского языка /Гл.ред. С.А.Кузнецов. СПб:Норинт, 2001.
678. Бондарцев А.С. Шкала цветов. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
679. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? М.: «Русский язык», 1998.
680. Бурдон И.Ф. Словоупотребитель 30000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1865.
681. Бурнашов В.П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т.1-2. СПб., 1843-1844.
682. Български етимологичен речник. Т.1, А-З. София, 1971.
683. Български тълковен речник. София, 1963.
684. Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Каталог названий цвета в русском языке. М.: «Смысл», 2002.
685. Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при имп. АН печатню издан. СПб, 1731.
686. Востоков А.Х. Словарь церковно-славянского языка. Т.1-2, СПб, 1858-1861.
687. Вургарт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
688. Гавриш Ксенија. Македонско-руски речник. Скопје, 1969.

689. Гейм И. Новый и полный российско-французско-немецкий словарь. Ч. 1-3. М., 1799-1802. Ч.1-2. СПб., 1813.
690. Геров Н. Речник на българския език. Фототипно издание. София, 1978.
691. Горяев Н.В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка. Тифлис, 1892.
692. Гринченко Б.В. Словарь украинского языка, т.1-3, Киев, 1907-1910.
693. Грот Я.К. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля. СПб., 1870 // Сб.ОРЯС. Т.7, №10.
694. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. 1-е изд. М., 1863-1866 (фототип. изд. 1955).
695. Даничић Ђ. Рјечник из књижевних старина српских. 1-3, Београд, 1863-1864 (Photomechanischer Nachdruck. Graz, 1962).
696. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь Изд. 2-е. М., 1976.
697. Дворецкий И.Х., Корольков Д.Н. Латинско-русский словарь, М., 1949.
698. Денисов П.Н., Морковкин В.В., Сафьян Ю.А. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. М., 1978.
699. Дьяченко Г. свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 1899 (репринт 1995).
700. Дювернуа А. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894.
701. ЕСУМ - Етимологічний словник української мови в 7-ми томах. Т.1-3. Київ, 1983-1989.
702. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. т.1-2, М., 1971-1976.
703. Исаченко А.В. Словацко-русский переводной словарь. Т.1-II, Братислава, 1957.
704. Железовић Гл. Речник косовско-метохијског дијалекта. – Српски дијалектолошки зборник, књ.IV, Београд, 1932.
705. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 2-е, М., 1967.
706. Зорько Г.Ф., Майзель Б.Н., Скворцова А.М. Новый итальянско-русский словарь – Nuovo dizionario italiano-russo. М., 1995.
707. Караčić Вук Ст. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. 2 изд. У Бечу, 1852.
708. Картотека древнерусского словаря (ДРС) – Институт русского языка РАН. Москва.
709. Керлот Х.-Е. Словарь символов. – М.: RTFL-book, 1994.
710. Коллар Д. и кол.. Словацко-русский словарь. Москва-Братислава, 1976.
711. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь (с приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А.Зализняка). М., 1978.

712. Краткий словарь терминов изобразительного искусства. /Под ред. Г.Обухова. Изд. 4-е, М., 1965.
713. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. Новейшие заимствования 80-90-х годов XX века. М., 1998.
714. Лаучюте Ю.А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л.:«Наука», 1982.
715. Лексикон российский и французский, в котором находятся почти все российские слова по порядку русского алфавита. Ч.1-2, СПб, 1762.
716. Лермонтовская энциклопедия. / Под ред. В.А.Мануйлова. М., 1981.
717. ЛЭС 1990 - Лингвистический энциклопедический словарь. Изд-во „Большая Российская энциклопедия” М., 1990.
718. Лисенко П.С. Словник поліських говорів. Київ, 1974.
719. Мельничук О.С. (ред.) Етимологічний словник української мови. Т.1-3, Київ, 1982-1989.
720. Миртов А.В. Донской словарь. Ростов н/Д, 1929.
721. Мифы народов мира. Т.1-2. Изд. 2-е, М., 1992.
722. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Т.1-2, СПб, 1912 (репринт 1994).
723. Нестеренко О.И. Краткая энциклопедия дизайна. М., 1994.
724. Нордстет И. Российский, с немецким и французским переводом, словарь. Ч. 1-2. СПб., 1780-1782.
725. Носович И.И. Словарь белорусского наречия. СПб, 1870.
726. НОС – Новгородский областной словарь/ Отв. ред. В.П.Строгова. Вып. 1-12. Новгород, 1992-1995.
727. Нѣмецкій и сербскій словарь на потребу сербскаго народа – Deutsch und Illyrisches Wörterbuch zum Gebrauch der Illyrischen Nation, Wien, 1791 (так наз. словарь Курбцека).
728. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1999.
729. Орлов А.И. Полный филологический словарь русского языка. Т. 1-2. М., 1884-1885.
730. Плюшар А. Энциклопедический лексикон. Т.1-18. СПб., 1835-1841.
731. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными /Ред. Б.А.Ларин и др. Вып.1-12. Л.- СПб, 1967-1996 (изд. продолж.)
732. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб, 1907.
733. Поликарпов Ф. Лексикон трязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище, из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин расположенное. М., 1704.
734. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т.1-2, М., 1910 (репринт 1959 г.).

735. Рабкин Е.Б. Атлас цветов. М., 1956
736. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т.1-4, СПб, 1911.
737. Редкие слова в произведениях авторов XIX века. Словарь-справочник /Отв.ред. Р.П.Рогожников. М.: «Русские словари», 1997.
738. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Т.1-3, Скопје, 1965.
739. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ.1-7, Београд, 1959-1973.
740. Российский целлариус или Этимологический российский лексикон, изд. Фр.Гелтергофом. М., 1771.
741. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.:»Аграф», 1999.
742. Румынско-русский словарь. / Под ред. В.А.Андрианова и Д.Е. Михальчи. М., 1953.
743. Русский ассоциативный словарь. Кн.1-6 / Ю.Н.Караулов, Ю.А. Со рокин и др. М.1994-1998.
744. Русско-белорусский словарь. М., 1953.
745. Сводный словарь современной русской лексики (ССРЯ). / Под ред. Р.П.Рогожниковой. Т.1-2. М., 1977.
746. Складарская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб, 2000.
747. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Т.1, М., 1995 (изд. прод.).
748. Словарь Академии Российской. Ч.1-4, СПб, 1789-1794.
749. Словарь Академии Российской, вновь пересмотренное, исправлен. и дополн. издание. Ч.1-4, СПб, 1806-1822.
750. Словарь ассоциативных норм русского языка. / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.
751. Словарь литературоведческих терминов. М.:«Просвещ.» 1977.
752. Слоўнік мовы Скарыны. Т.1-2, Мінск: «Выш.школа», 1977.
753. СРНГ - Словарь русских народных говоров /гл. ред. Ф.П.Филин; АН СССР, Ин-т рус.яз. Словар. сектор. Вып. 1-19. – М.-Л., 1965-1983.
754. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением имп. АН. 33 выпуска. СПб-Л., 1891-1929.
755. СРЯ - Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.1-12. М., «Наука», 1975-1987.
756. Словарь синонимов русского языка. Т.1-2, Л.: «Наука», 1970.
757. ССРЛЯ – (БАС) Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950-1965.
758. Словарь славянской лингвистической терминологии. Т.1-2, Прага, 1977.
759. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отд. имп. АН. Т.1-4, СПб, 1847.

760. Словарь языка А.С.Пушкина. Т.1-4. М., 1956-1961.
761. СлРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-26 / Ред. С.Г.Бархударов и др. М. 1975-2002 (изд. продолж.).
762. СРДГ - Словарь русских донских говоров. Т.1-3, Ростов-на-Дону, 1975-1976.
763. СРНГ – Словарь русских народных говоров /Гл. ред. Ф.П.Филин и др. Вып. 1-36. Л.-СПб., 1965- 2002 (изд. продолж.).
764. СРЯ – Словарь русского языка, составл. 2-м отделением имп. Академии наук. Т.1-9. СПб.-Ленинград, 1891-1930.
765. ССС - Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»/ Сост. В.Л.Виноградова. Вып.1-6. М.-Л.:Наука, 1965-1984.
766. СУМ - Словник української мови. I-XII. Київ, 1970-1982.
767. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М., 1996.
768. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.1-3. 1893-1912 (репринт 1958).
769. Српски рјечник 1818. Дела Вука Караџића. Изд. Просвета. Београд, 1969.
770. СтС 1994 - Старославянский словарь (по рукописям X –XI веков) / под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки, Э.Благовой. М., «Русский язык», 1994.
771. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Књ.1. Фонетика и морфологија. Београд, 1964. Књ 2. Синтакса, Београд, 1968
772. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997; 2-е изд, испр. и доп. М., 2001.
773. Татищев В.Н. Лексикон российский, исторический, географический, политический и гражданский. Ч.1-3, СПб, 1793.
774. Тиханов П.Н. Брянский говор. СПб, 1904.
775. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.1-2, М., 1985.
776. Толковый словарь русского языка в 4-х томах. / Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1935-1940.
777. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. Изд. Ин-та лингв. исслед. РАН. СПб, 1998.
778. Толль Ф. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Т.1-3. СПб, 1863-1864.
779. Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. Изд. 3-е, М. : «Русский язык», 1982.
780. Трофимович К.К. Верхнелужицко-русский словарь. Москва - Бауцен, 1974.
781. Удовенко А. свящ. Азбука христианства: словарь-справочник важнейших понятий и терминов христианского учения и обряда. М., 1997.

782. Українсько-російський словник. Вид. АН України. Т.1-6. Київ, 1953-1963.
783. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. (пер. с нем. и доп. О.П.Трубачёва). / Под ред и с пред. проф. Б.А. Ларина. Т.1-4, М.:«Прогресс», 1964-1973.
784. Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М.:”Русский язык”, 1979.
785. Философский энциклопедический словарь. Изд. 2-е, М., 1989.
786. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А.И.Молоткова. М.: „Сов.энциклопедия”, 1967.
787. Частотный словарь русского языка. / Под ред. Л.Н.Засориной. М.:«Русский язык», 1977.
788. Частотный словарь современного русского языка. / Под ред. Леннарта Лённгрена. Уппсала, 1993.
789. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. Изд. 2-е, М.:”Русский язык”, 1994.
790. Шимкевич Ф. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с 24-мя иностранными языками. СПб, 1842.
791. Штейнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963.
792. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2000.
793. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1- 30. М.:«Наука», 1974 - 2004 (изд. продолж.)
794. Юстова Е.Н. Колориметрический атлас: Образцовая мера 2-го разряда. Вып.1, М., 1966.
795. Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины. Ч.1-3. СПб., 1803-1806.
796. Althochdeutsches Wörterbuch, II, 16. Lfg., Berlin, 1964.
797. ARj - Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Izd. Jugoslav. akad. znanosti i umjetnosti. Knj. I-XXIII, Zagreb, 1880-1973.
798. Atlas Linguarum Europae. V. I, 1-6 fascicule. Commentaires et Cartes / Eds. M.Alinei, W.Viereck.Rome, 1997
799. Atlas slovenského jazyka, IV. Lexika. Bratislava, 1984.
800. Bellosztenez I. Cazophylacium, seu latino-illyricorum onomatum. Zagrabiæ, MDCCCXL.
801. Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd.1, Heidelberg, 1908-1913.

802. Bernolák A. Slovník Slovenský, Česko-Latínsko-Nemecko-Uherský seu Lexicon Slavicum. Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum, I-VI. Budae, 1825-1827.
803. Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1980.
804. Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga P-S. Dopolnila in uredila M.Snoj in M.Furlan, Ljubljana, 1995..
805. Brewer's Dictionary of 20th Century – Phrase and Fable. London, 1991.
806. Broz I., Iveković F. Rječnik hrvatskoga jezika. I-II, Zagreb, 1901.
807. Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
808. Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque, 3, Paris, 1974.
809. Cigale M. Deutsch-slovenisches Wörterbuch, 1-2, Laibach, 1860.
810. Della Bella A. Dizionario Italiano-Latino-Ilirico. Padova, 1728.
811. Duden K. Etymologie der neuhochdeutschen Sprache. Mannheim, 1963.
812. Encyklopédia l'udovej kultúry Slovenska, 1-2. Bratislava, 1995.
813. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1939.
814. Esih I. Turcizmi. Rječnik turskih, arapskih i perzijskih riječi u hrvatskom književnom jeziku i pučkom govoru. Zagreb, 1942.
815. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. Berlin unter der Leitung von Wolfgang Pfeifer. Autoren: Wilhelm Braun (zeitweilig)... - Berlin: Akad. Verl. 1. Aufl. 1989, 2.Aufl. 1993.
816. Falk H.S. und Torp A. Nordwegische-dänisches etymologisches Wörterbuch, Bd.I, Heidelberg, 1910.
817. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. B.I-II, Heidelberg-Göttingen, 1965.
818. Gáldi L., Uzonyi P. Magyar-ország szótár. Academia kiadó. Budapest, 2000.
819. Gebauer J. Slovník staročeský. I-II, Praha, 1916.
820. Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb, 1993.
821. Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik. Zagreb-Eisenstadt. 1991.
822. Grimm Jakob und Grimm Wilhelm, Deutsches Wörterbuch. In 16 Bd., Leipzig, 1854-1914.
823. Habelich J. Dictionar ili Rechi Szlovenszke. U Nemskom Gradczu, 1670.
824. Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok, 3 uppl., Bd.I, Lund, 1948.
825. Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa-Moskwa, 1967.
826. HSSJ 1991 - Historický slovník slovenského jazyka, I-V. Ved. red.: M. Majtán. Bratislava, 1991-2000.
827. Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1953.
828. Isačenko A.V. Slovensko-ruský prekladový slovník. I-II, Bratislava, 1950.
829. Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.

830. Jambrešić A. *Lexicon Latinum. Zagrabiae, 1742* (reprint izdanje, Zagreb, 1992).
831. Jungmann J. *Slovník česko-německý. D.I-V. Praha, 1835-1839.*
832. Jurančić J. *Srbskohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1972.*
833. Kalsbeek Janneke. *The Čakavian Dialekt of Orbanici near Žminj in Istra. Amsterdam – Atlanta, GA 1998.*
834. Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. *Słownik języka polskiego. Wyd. fotooffsetowe. T.I-VIII. Warszawa, 1952.*
835. Kašić B. *Hrvatsko-talijanski rječnik (1599) s konverzacijskim priručnikom (1595).*
836. Kluge F., Seebold E. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 22. Auflage // Unter Mithilfe von M.Bürgisser und B.Gregor, völlig neu bearbeitet von E.Seebold. Berlin; New York, 1989.*
837. Kopečný F. *Zakladní všeslovanská slovní zásoba. Praha, 1981.*
838. Kollár D., Dorotjaková V. et al. *Slovensko-ruský slovník. Bratislava-Moskva, 1976.*
839. Korać T., Menac A., Popović M. i drugi. *Rusko-hrvatski ili srpski frazeološki rječnik, 1-2, Zagreb, 1979-1980.*
840. Kotnik J. *Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1967.*
841. Lalević S. *Sinonimi i srodne reči srpskohrvatskog jezika. I, Beograd, 1974.*
842. Lehmann W.P. *A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.*
843. Lehr-Spławiński T., Polański K. *Słownik etymologiczny języka drzewian polabskich. Wrocław etc.: Ossolineum, 1962.*
844. Linde S. *Słownik języka polskiego, I-VI. Warszawa, 1807-1814; Lwów 1854-1860 (Reprint: Warszawa 1951).*
845. Loderecker P. *Dictionarium septem diversarum lingvarum. Prag, 1605. – Monumenta linguae slavicae XXI. U.W.Weiber – Freiburg, 1984.*
846. Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého. 2. vyd., Praha, 1971.*
847. Martin J.H., Morgans W.M. *Glossary of Pigments, Varnish and Lacquer Constituents. New York, 1959.*
848. Matešić J. *Frazeološki rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Zagreb, 1982.*
849. Matzenauer A. *Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870.*
850. Miklosich F. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862-1865.*
851. Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.*
852. Muka A. *Słownik dolnosербскеje řečy a jeje narěcow. T.I, Petrohrad, 1911-1915. T.II, Praha, 1926-1928.*
853. Ottův slovník naučný. D.I-XXVIII. Praha, 1888-1909.
854. Palkovič J. *Böhmisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch, mit Beyfügung den Slowaken und Möhren eigenen Ausdrücke und Redensarten. Prag-Preßburg, 1820-1821.*

855. Pitar L., Slovarski in besedoslovski paberki. – Letopis Slovenske Matice I, Ljubljana, 1895.
856. Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. I-II, Ljubljana, 1894-1895.
857. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.I-2, Bern-München, 1950-1959.
858. Polański K., Sehnert J.A. Polabian-Englisch Dictionary. Paris, 1967.
859. Pretnar J. Rusko-slovenski slovar. Ljubljana, 1964.
860. Profous A. Mistní jména v Čechách. I-IV, Praha, 1954.
861. Ramovš F., Dialektološka karta slovenskega jezika. Ljubljana, 1931.
862. Ramstedt G. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
863. ARj - Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. Knj. I-XXIII. Zagreb, 1880-1973.
864. Rječnik hrvatskosrpskoga književnog jezika. Knj. 1-6, Zagreb – Novi Sad, 1967 – (изд. не закончено).
865. Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief.I, Wiesbaden, 1963 und ff.
866. Santholzer R., Kořinský J. Pětijazyčný slovník (barvy, laky, povrchová úprava). Praha, 1959.
867. Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprachen. Bd. I-IV, Bautzen, 1978-1989.
868. Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Bd.I-II. Berlin, 1917-1923, 1929.
869. Seufert G. Farbnamen Lexicon. A-Z, Musterschmidt, 1955.
870. Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika. I-IV, Zagreb, 1971-1974.
871. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. W 2 T. Warszawa, 1967-1968.
872. Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952-1978.
873. Slovar slovenskega knjižnega jezika. I-V, Ljubljana, 1970-1979.
874. Słownik języka polskiego /Pod red. W.Doroszewskiego. PAN. T.I-XI. Warszawa, 1958-1969.
875. Słownik języka polskiego: w 3 t./ Pod red. M.Szymczaka. Warszawa, 1978-1981.
876. Słownik prasłowiański / Pod red. F.Sławskiego. T.I-IV. Ossolineum. Wrocław-Warszawa-Gdańsk, 1974-1981 (изд. продол.).
877. SSJ 1959 - Slovník slovenského jazyka, I-VI. Ved. red.: Š.Peciar. Bratislava, 1959-1968.
878. SSJČ 1960 - Slovník spisovného jazyka českého. Vyd. ČSAV, Ústav pro jazyk český. I- IV. Praha, 1960-1966.
879. SSKJ 1997 - Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1997.
880. SSN 1994 - Slovník slovenských nářečí, I. Ved. red.: I.Ripka. Bratislava, 1994.

881. Słownik starożytności słowiańskich. T. I-VI, Warszawa-Wrocław-Kraków, 1961-1982.
882. Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Druga izdaja. Ljubljana, 2003.
883. Stulli J. Rjecosloxje Illirsko-italiansko-latinsko. Csast I-III. Dubrovnik, Becc: 1801,1806, 1810.
884. Sychta B. Słownik gwar kaszubskich. T. I-VI. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1973.
885. Šešelj J., Ramovš F. Narodno blago iz Roža. – Arhiv za zgodovino in narodopisje II. Maribor, 1936-37.
886. Škalić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966.
887. Šulek B. Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenog nazivlja. Zagreb, 1874-1875.
888. Šwjela B. Dolnoserbško-němski słownik. Budyšin, 1961.
889. Tomasseo N., Bellini B. Dizzionario della lingua italiana. V. 1-20. Milano, 1977.
890. Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923. 2. Auf. 1970.
891. Trávníček F. Slovník jazyka českého. 4. vyd. Praha, 1952.
892. Vasmer M. Russisches Etymologisches Wörterbuch. I-III, Heidelberg, 1951.
893. Voltiggi J. Ricoslovnik illirickoga, italianskoga i nimacskoga jezika. U Beccu (Vienna), 1803.
894. Vrančić F. Dictionarium quinque nobilissimarum Europae linguarum. Venetiis, 1595. – Rječnik pet najuglednijih evropskih jezika. Reprint izdanje. Liber. Zagreb, 1971(pretisak VI izd., 1992).
895. Walde A., Hofmann J.B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl., Heidelberg, 1938-1956.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

СПИСОК НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ С ИХ ЛАТИНСКИМИ СООТВЕТСТВИЯМИ

В приводимом ниже списке собраны и упорядочены наименования цвета, которые зафиксированы современной языковой практикой и представлены в русских специальных терминологических изданиях, толковых и этимологических словарях, в журнальных и газетных публикациях, в художественной литературе. Прделанная работа, позволяющая судить об отражении феномена цвета в языке более адекватно, в определённом смысле носит прикладной характер и является преимущественно лингвистическим дополнением при использовании существующих колористических атласов, шкал и таблиц. Существенно дополняя количественно все составленные ранее на русском языке перечни цветов и их оттенков, этот алфавитный список представляет собой своеобразный лексикографический источник, который можно использовать в языковой теории и практике.

Для того, чтобы получить более точное представление о том или ином цвете или оттенке цвета в данном списке, следует обратить внимание на определённые детали: в сложных наименованиях доминирующим тоном всегда следует считать второй, т.е. тот, который стоит во второй их части, например: *буровато-серый*, *буро-жёлтый* и т.д. По этому признаку следует отличать *буро-жёлтый*, где больше жёлтого оттенка, от *жёлто-бурого*, где превалирует бурый оттенок, *жёлтовато-зелёный* от *зелёно-жёлтого* и даже от *зелёно-жёлтого* и т.д. К сожалению, технически эти колористические нюансы не всегда удаётся корректно отразить в имеющихся цветовых атласах и таблицах, реализованных типографским способом. Этот пробел возможно частично восполнить введением дополнительных значков-обозначений, которые могут конкретно означать, что определяемая окраска заключается между двумя цветами, или указанную окраску можно получить смешением двух цветов, или когда данная окраска незначительно отличается от указанного в таблице или шкале цвета. Если даётся несколько названий цветов, основным следует считать первое.

Латинские цветовые эквиваленты сведены в данный список из различных источников. У разных авторов латинские названия цветов идентифицированы с русскими названиями по-разному, но все они с течением времени привились на русской языковой почве. Например, *argillaceus* переводится в первую очередь как «бледно-бурый», а затем как «глинистый» или «глинисто-жёлтый». Но когда речь идёт о переводе русских названий на латинский язык, то «бледно-бурый», «глинистый» и «глинисто-жёлтый» можно перевести лишь одним латинским словом *argillaceus*. По причине

---

* В работе над составлением этого раздела принимал участие В. Моисеенко.

этого качественного и количественного несовпадения двух языковых систем возникает кажущееся противоречие. Его можно объяснить тем, что латинских названий цветов по сравнению с русскими, с их развитой синонимией, меньше, поэтому некоторые русские цветовые наименования в ряде случаев приходится переводить одним и тем же латинским термином.

РУССКИЙ *

ЛАТИНСКИЙ

Абрикосовый	Rutilus, flavescens, flaveolus, flavens
Абрикосово-жёлтый	Armeniacus
Аквамариновый	Aquamarinus
Алебастровый	Niveus
Алеущий, алый, красноватый	Rutilans
Ало-красный	Purpureo-ruber
Алый	Purpureus
Аметистовый	Amethystinus
Антрацитовый	Antracinus, niger
Апельсиновый	Aurantiacus
Багровый, багряный, багрянистый	Purpurascens
Багрово-золотой	Purpureo-aureus
Багрово-красный	Purpureo-ruber
Багрово-румяный	Purpureo-rubidus
Багрово-синий	Purpureo-cyaneus
Багрово-синюшный	Purpureo-violaceus
Багряно-золотистый	Purpureo-auratius
Багряно-красный	Purpureo-ruber
Бежевый, беж	Arenicolor
Белесоватый, белёсый	Albicans, albescens
Белесоватый, с белым налётом	Dealbatus
Белесовато-голубой	Pallido-coeruleus
Белесовато-соломенный	Pallido-helvolus
Белёсо-мглистый	Pallido-fumosus
Белёсо-серый	Pallido-griseolus
Белёсо-синий	Pallido-cyaneus

* Правописание русских сложных составных наименований со световыми и цветовыми компонентами до сих пор слабо унифицировано: отсюда в разных справочных пособиях находим их разное написание. Во всех вопросах о слитном, раздельном или дефисном написании русских свето- и цветоименований мы руководствовались едиными принципами и указаниями, выработанными Б.З.Букчиной и Л.П.Калауцкой – составителями новейшего нормативного словаря-справочника «Слитно или раздельно?» (Москва, изд-во «Русский язык», 1998).

Белёсо-сиреневый	Pallido-syringeus
Белеющий	Albescens
Беловато-голубой	Pallido-coeruleus
Беловато-желтоватый	Pallido-lutescens
Беловато-жёлтый	Pallido-flavus
Беловато-прозрачный	(не переводится)
Беловато-розово-палевый	Roseolo-ochroleucus
Беловато-розовый	Pallido-roseus
Беловато-серый	Canescens
Беловатый	Albidus, albinatus, albens, albidulus
Бело-голубовато-розовый	Caerulescenti-roseus
Бело-голубоватый	Pallido-caerulescens
Бело-золотистый	Pallido-aurarius
Бело-золотой	Pallido-rutilus
Бело-розовый	Pallido-roseus
Бело-румяный	Rubicundus
Бело-серебристый	Argenteus, tephroleucus
Бело-серый	Subincanus
Белоснежный	Niveus
Бело-фарфоровый	Cretaceus
Белый (чисто белый), белый-белый, белый-пребелый	Albus, candidus
Белый, как слоновая кость	Eburneus, eburnus
Бесцветный*	Achrous, hyalinus
Бесцветно-бледный	Pallidus
Бесцветно-прозрачный	Hyalinus
Бирюзовый	Callainus
Бистровый	Bistraceus
Бледно-бирюзовый	Pallido-callainus
Бледно-бурый	Agrillaceus
Бледно-восковой	Pallido-cerinus
Бледновато-голубой	Pallido-caeruleus
Бледновато-жёлтый	Ochroleucus
Бледновато-розовый	Pallido-roseus
Бледно-голубоватый	Pallido-caeruleus
Бледно-голубой	Pallido-caeruleus
Бледно-гороховый	(не переводится)
Бледно-жёлтый, желтеющий	Ochroleucus
Бледно-зеленоватый	Pallido-viridis

* Оттенок «бесцветный» употребляется в смысле «стекловидный», «водянистый»; «бледный» («светлый») – в смысле «беловатый»; «тёмный» – в смысле «тёмно-серый»; подобная трактовка этих терминов принята во всём тексте этого издания.

Бледно-зелёный	Viridulus, pallido-viridis
Бледно-золотистый	Subaureus
Бледно-изабелловый	Pallido-isabellinus
Бледно-кирпичный	Pallido-lateritius
Бледно-коричневый	Cinnamomescens
Бледно-красновато-бурый, сиена жжёная	Rubro-agrillaceus
Бледно-красноватый	Rubellus
Бледно-красный	Rubidus, rubens
Бледно-лиловый	Pallido-lilacinus, amethystinus
Бледно-лимонно-жёлтый	Pallido-citrinus
Бледно-лимонный	Pallido-limonius
Бледно-медно-красный	
Бледно-медовый	Pallido-meleus
Бледно-оливково-зелёный	Viridi-pallido-olivaceus
Бледно-оливковый	Pallido-olivaceus
Бледно-опаловый	Pallido-opacus
Бледно-оранжевый	Pallido-aurantiacus
Бледно-охряно-жёлтый	Pallido-flavo-ochraceus
Бледно-охряный	Pallido-ochraceus
Бледно-пепельный	Cinerascens
Бледно-песочный	Pallido-arenicolor
Бледно-ржавый	Pallido-ferrugineus
Бледно-розоватый	Pallido-roseolus
Бледно-розовый	Pallido-roseus
Бледно-рыжий	Fulvus
Бледно-серовато-фиолетовый	Pallido-griseolo-violaceus
Бледно-сероватый	Cinerascens
Бледно-серый	Pallido-griseus
Бледно-синий	Pallido-cyaneus
Бледно-сиреневый	Pallido-syringeus
Бледно-соломенный	Pallido-ochroleucus
Бледно-терракотовый	Pallido-testaceus
Бледно-фиолетовый	Pallido-violaceus, violascens
Бледный	Pallidus
Блёкло-буланный	Pallido-isabellinus
Блёкло-голубой	Pallido-caeruleus
Блёкло-зелёный	Viridulus, pallido-viridis
Блёкло-лиловый	Pallido-lilacinus
Блёкло-синий	Pallido-cyaneus
Блёкло-сиреневый	Pallido-syringeus
Блёклый	Flavicans, flavidus
Блестяще-белый	Niveus

Блестяще-зелёный	Smaragdinus
Блестяще-красный	Phoeniceus, coccineus
Блестяще-серый	Marengo-color
Блестяще-чёрный	Niger, nigri-color, nigrum
Болотно-зелёный	Viridi-griseus
Болотный	Virescenti-fuscus, squalens
Бордово-красный	Ruber, purpureus
Бордовый, бордо	Atro-ruber
Бронзово-бордовый	Purpureo-fuscus
Бронзово-бурый	Fulvescens
Бронзово-жёлтый	Fusco-leteus
Бронзово-красный	Fusco-rubidus
Бронзово-шоколадный	Cacao-fuscus
Бронзовый	Aurarius, aureus
Бронный	Albicans, albescens, subincanus
Бруснично-красный	(не переводится)
Брусничный	(не переводится)
Булано-жёлтый	Subluteus
Булано-саврасый	Subrufescens
Булано-чалый	Rufescens
Буланый	Isabellinus, helvus
Буреющий	Subfuscus
Буровато-грязный	Sordide fuscus
Буровато-дымчатый	Fusco-fumosus
Буровато-жёлтый	Fuscescenti-flavus, fulvescens, ochraceus
Буровато-карминный	Fusco-carminatus
Буровато-каштановый	Fusco-spadiceus
Буровато-коричневый	Fusco-cinnamomeus
Буровато-красный	Fuscato-rubidus
Буровато-оливковый	Fusco-olivaceus Nicotianeus
Буровато-охристый	Fusco-ochroleucus
Буровато-песчаный	Fuscato-flavidus
Буровато-прозрачный	(не переводится)
Буровато-ржавый	Fusco-ferrugineus
Буровато-рыжий	Fusco-rufus
Буровато-свинцовый	Fusco-plumbeus
Буровато-серый	Fumigatus
Буровато-чёрный	Umbrinus
Буроватый, почти бурый	Fuscatus, fulvidus, brunescens
Буро-гранатово-красный	Fusco-rubidus
Буро-гранатовый	Fusco-punicus

Буро-желтоватый	Fulvidus
Буро-жёлто-зелёный	Fusco-flavo-viridis
Буро-жёлтый	Fulvescens, fusco-luteus
Буро-зелёный	Fusco-viridis
Буро-коричневый	Fusco-cinnamomeus
Буро-красноватый	Rubiginosus
Буро-красный	Fusco-rubidus
Буро-оливковый	Fusco-olivaceus
Буро-охристый	Fusco-pallido-ochraceus
Буро-пегий	Fuscus
Буро-пёстрый	(не переводится)
Буро-ржавый	Fusco-ferrugineus
Буро-розовый	Fusco-roseus
Буро-рыжий	Fusco-rufus
Буро-серый	Spadiceo-griseus
Буро-чёрный	Fusco-ater
Бурый	Fuscus
Бусый	Fusco-cinereus, fusco-cineraceus
Бутылочно-зелёный	(не переводится) (ит.) verde botiglia
Васильковый, синий	Cianeus
Вермильон	Cinnabarinus
Винно-жёлтый	Vinaceus
Винно-красный	Vinosus
Вишнёво- или фиолетово-красный	Violaceo-ruber
Вишнёво-коричневый	Violaceo-rubro-cinnamomeus
Вишнёво-красный	Cerasinus
Вишнёво-малиновый	(не переводится)
Вишнёвый	Cerasinus
Водянисто-голубоватый	Caerulescens, c oerulescens
Водянисто-зелёный	Viridescens
Водянисто-прозрачный	Fumosus
Водянисто-серый	Cinerascens
Вороно-пегий	(не переводится)
Вороно-чалый	Atrato-griseus
Вороно-чёрный	Pullus
Вороно-чубарый	(не переводится)
Вороной	Nigri-color, nigrum
Восково-жёлтый	Cerinus
Вычерненный	Atricolor
Гелиотроповый	(не переводится)
Глинисто-бурый	Squalens, squalidus

Глинисто-жёлтый	Lutosus
Глинисто-ржавый	Ferrugineo-ochraceus
Глинисто-рыжий	Rubro-ochraceus
Глинисто-соломистый	Flavo-ochraceus
Глинистый	Ochraceus
Гнедой	Badius, castanis coloris
го-алый	(не переводится)
Голубовато-белый	Pallido-caeruleus
Голубовато-бирюзовый	Caerulescenti-callainus
Голубовато-бледносерый	Caesius
Голубовато-жёлтый	Caerulescenti-flavus
Голубовато-зеленовато-жёлтый	Glaucescenti-flavus
Голубовато-зеленоватый	Glaucescens
Голубовато-зелёный	Caerulescenti-viridis
Голубовато-пепельный	Caesius
Голубовато-серебристый	Caerulescenti-cinereus
Голубовато-серебряный	Caerulescenti-incanus
Голубовато-сероватый	Caesius, coesius
Голубовато-серый	Caesius, coesius
Голубовато-сизый	Glaucus
Голубовато-синий	Caerulescenti-cyaneus
Голубовато-сиреневый	Caerulescenti-syringeus
Голубовато-стальной	Cyaneo-griseus
Голубовато-фиолетовый	Caerulescenti-violaceus
Голубоватый	Caerulescens, coerulescens
Голубой	Caeruleus, coeruleus
Горчично-жёлтый	Agrillaceus
Горчичный	Nicotianeus
Гранатово-красный	Granatus, puniceus
Гранатный, пунцовый	Granatus, atro-puniceus
Графитовый	Ardociacus, ardeciacus
Грифельный	Ater, atri-color
Грязно-белый	Incanescens
Грязно-буровато-жёлтый	Squalens, squalidus
Грязно-буро-фиолетовый	Sordide violaceus
Грязно-бурый	Fuliginosus, fuliginous, luridus
Грязно-жёлтый	Sordide gilvus
Грязно-зелёный	Sordide viridis
Грязновато-белый	Canescens
Грязновато-жёлтый	Sordide gilvus
Грязновато-зелёный	Sordide viridis
Грязновато-коричневый	Sordide cinnamomescens
Грязновато-розовый	Sordide roseus

Грязновато-сери-розовый	Sordide griseolo-roseus
Грязновато-серый	Sordide griseus
Грязно-вишнёвый	Lividus
Грязно-голубой	Caesius
Грязно-желтовато-серый	Squalidus
Грязно-желтоватый	Sordide gilvus
Грязно-коричневый	Sordide cinnamomescens
Грязно-пурпуровый	Sordide violaceus
Грязно-розовый	Sordide roseus
Грязно-серый	Sordide griseus
Грязно-синий	Sordide cyaneus
Грязно-фиолетовый	Griseolo-violaceus
Грязно-чёрный	Atrato-brunneus
Грязный	Atratus
Густо жёлтый	Flavissimus
Древесинно-желтоватый	Lignicolor
Древесинно-жёлтый	Lignicolor
Дроковый	Eburneus, eburnus
Дымно-багровый	Griseolo-purpureus
Дымно-красный	Griseolo-rubidus
Дымчато-серый	Fumigatus
Дымчато-синий	Griseolo-cyaneus
Дымчатый	Fumosus
Железно-серый	Atrato-brunneus
Железно-чёрный	Atratus
Железный	Atratus, subniger
Желтеющий, желтовато-белый	Lutescens
Жёлто-белый	Lutescens
Жёлто-бледно-оливковый	Flavo-pallido-olivaceus
Жёлто-буроватый	Flavo-fuscatus
Жёлто-буро-голубой	Flavo-fusco-caeruleus
Жёлто-бурый	Flavo-fuscus
Жёлтовато-бежевый	Flavido-arenicolor
Желтовато-беловатый	Lutescens
Желтовато-белый, цвет слоновой кости	Eburneus, eburnus
Желтовато-буроватый	Flavido-fuscatus
Желтовато-бурый	Flavido-fuscus
Желтовато-голубой	Flavido-caeruleus
Желтовато-грязный	Sordide flavidus
Желтовато-зеленоватый	Flavido-viridans
Желтовато-зелёный	Flavido-viridis
Желтовато- и красновато-бурый	Flavido-rutilus

Желтовато- или буровато-серый	Flavido-fusco-griseus
Желтовато- или зеленовато-серый	Flavido-viridulo-griseus
Желтовато- или розовато-белый	Roseolo-flavidus
Желтовато-коричневый	Cinnamomescens
Желтовато-красноватый	Rufus
Желтовато-красный, золотисто-красный, червонный	Rutilus
Желтовато-кремовый	Flavido-cremeus
Желтовато-маслянистый	(не переводится)
Желтовато-оранжевый	Flavido-aurantiacus
Желтовато-палевый	Helvolus
Желтовато-песочный	Arenicolor
Желтовато-прозрачный	(не переводится)
Желтовато-розовый	Flavido-roseus
Желтовато-рыжий	Flavido-rufus
Желтовато-седой	Flavido-incanus
Желтовато-серый	Flavido-griseus
Желтоватый	Luteolus
Жёлто-зелёно-бурый	Flavo-viridulo-fuscus
Жёлто-зеленоватый (окраска оперения чижа)	Liguricus
Жёлто-зелёный	Flavo-virens, chlorinus
Жёлто-золотистый	Aureus, aurarius
Жёлто-кирпичный	Flavo-lateritius
Жёлто-коричневый	Flavo-cinnamomeus
Жёлто-кофейный	Flavo-fuliginosus, flavo-fuliginous
Жёлто-красный	Rutilus
Жёлто-огненный	Flavo-phoeniceus
Жёлто-оранжевый	Flavo-aurantiacus
Жёлто-охряный	Flavo-ochraceus
Жёлто-прозрачный	(не переводится)
Жёлто-ржавый	Flavo-ferrugineus
Жёлто-розовый	Flavo-roseus
Жёлто-седой	Flavo-canescens
Жёлто-серый	Flavo-griseus
Жёлто-соломенный	Stramineus
Желтоватый, желтеющий, бледно-жёлтый	Lutescens
Желточно-жёлтый	Vitellinus
Жёлтоцветный	Chrysanthus
Жёлтый-жёлтый, жёлтый-прежёлтый	Luteus

Жёлтый, чисто жёлтый
Жемчужно-белый
Жемчужно-голубоватый
Жемчужно-серебристый
Жемчужно-серый
Жемчужный
Защитный
Зеленеющий
Зелёно-болотный
Зелёно-бурый
Зелёновато-бирюзовый
Зеленовато-бронзовый
Зеленовато-бурый
Зеленовато-голубой
Зеленовато-желтоватый
Зеленовато-жёлтый
Зеленовато-землистый
Зеленовато-золотистый
Зеленовато-карий
Зеленовато-коричневый
Зеленовато-кофейный
Зеленовато-лиловый
Зеленовато-лунный
Зеленовато-опаловый
Зеленовато-охристый
Зеленовато-розоватый
Зеленовато-серый
Зеленовато-сизый
Зеленовато-синий
Зеленовато-фиолетовый
Зеленовато-чёрный
Зелёно-голубой
Зелёно-жёлтый
Зелёно-коричневый
Зелёно-малахитовый
Зелёно-молочно-белый
Зелёно-салатный
Зелёно-серый
Зелёно-синий
Зелёно-фиолетовый
Зелёный-зелёный, зелёный-
презелёный
Зеленоватый

Luteus
Lucidus
Caesius
Perlatum matercolor
Cinerascens
Perlatum matercolor
Sordide viridis
Viridescens
Viridi-fulvescens
Viridi-fuscus
Viridulo-callainus
Viridulo-obscurus
Viridulo-fuscus
Glaucoides
Viridulo-flavidus
Viridulo-flavus
Viridulo-atratus
Chlorochryseus
Viridulo-badius
Viridulo-cinnamomeus
Viridulo-fuliginosus
Viridulo-lilacinus
Viridulo-glaucescens
Chloroleucus
Viridulo-ochraceus
Viridulo-roseus
Hepaticus
Glaucus
Viridulo-cyaneus
Viridulo-violaceus
Viridulo-nigrescens
Viridi-caeruleus
Viridi-flavus
Viridi-cinnamomeus
Malachiticus
Chloroleucus
Viridulus
Viridi-griseus
Viridi-cyaneus
Viridi-violaceus
Lucido-viridis

Virescens, viridans, viridulus,

Зелёный	subvirescens
Зелёный как плющ	Viridis
Землисто-бурый	Hederae-viridis
Землисто-влажный	Fumanus, fumeus
Землисто-оранжевый	Lucido-fuscus
Землисто-серый	Fusco-aurantiacus
Золотисто-белокурый	Fumigatus
Золотисто-белый	Auratis
Золотисто-блестящий	Xantholeucus
Золотисто-буланный	Aureus
Золотисто-бурый	Isabellinus, helvus
Золотисто-голубой	Aurantiaco-fuscus
Золотисто-желтоватый	Aurantiaco-caeruleus
Золотисто-жёлтый	Xanthodes
Золотисто-зелёный	Xanthinus, chryseus
Золотисто- и лимонно-жёлтый	Chlorochryseus
Золотисто-коричневый	Pallido-aureus
Золотисто-красный	Aurantiaco-badius
Золотисто-молочный	Rutilus
Золотисто-оранжевый	Chrysoleucus
Золотисто-охряной	Aurantiacus
Золотисто-палевый	Aurantiaco-ochraceus
Золотисто-песочный	Roseo-ochroleucus
Золотисто-прозрачный	Arenicolor
Золотисто-пурпурный	Xantholeucus
Золотисто-рододендроновый	Aurantiaco-purpurascens
Золотисто-розовый	Auratus, aurarius
Золотисто-русый	Aurantiaco-roseus
Золотисто-рыжий	Subaureus
Золотисто-салатовый	Aurantiaco-rufus
Золотисто-слюдяной	Chlorochryseus
Золотисто-соломенный	(не переводится)
Золотисто-фиолетовый	Pallido-aureus
Золотисто-чёрный	Lilacino-aureus
Золотистый	Aurantico-atratus
Золотой	Luteus, auratis
Зольный	Aureus
Игрений	Cinereus, cinericus
Изабелловый, булано-жёлтый	Albidus, albescens
Избура-жёлтый	Isabellinus, helvus
Избура-красный	Fusco-luteus
	Fusco-rubidus

Изекрый	Callainus
Изжелта-белый	Eburneus, eburnus
Изжелта-бледный	Luteolus, lutescens, flavens, flaveolus, flavidus
Изжелта-зелёный	Flavido-viridis
Изжелта-синий	Flavido-cyaneus
Иззелена-голубой	Viridi-caeruleus
Иззелена-жёлтый	Viridi-luteus
Иззелена-синий	Viridi-cyaneus
Изумрудно-голубой	Viridi-caeruleus
Изумрудно-зелёный	Smaragdinus
Изумрудный	Smaragdinus
Индиговый, индиго	Indicus
Инкарнатно-розовый, телесно-розовый	Incarnato-roseus
Инкарнатный, мясо-красный, телесный	Incarnatus
Интенсивно жёлтый	Flavissimus
Иссера-бледный	Cinerascens
Иссера-голубой	Griseolo-caeruleus
Иссера-красный	Griseolo-rubidus
Иссера-серебристый	Argenteus
Иссиза-бирюзовый	Glauco-callainus
Иссиза-голубой	Glauco-caeruleus
Иссиня-дымчатый	Cyaneo-fumosus
Иссиня-чернильный	Cyaneo-violaceus
Иссиня-чёрный	Ater, antracinus
Канареечно-жёлтый	Canarius
Канареечный	Canarius
Караковый	Brunneus, pullus
Карий (карий)	Cinnamomeus, cinnamominus
Кармазинный	Coccineus, phoeniceus
Карминовый, карминный	Carminatus, chermesinus
Каурый	Rufescens, fulvus
Каштаново-бурый	Canno-bruneus
Каштановый	Castaneus
Киноварно-красный	Cinnabarinus
Киноварный	Cinnabarinus
Кирпично-бурый	Lateritius
Кирпично-красный	Rubro-lateritius
Кирпичный	Lateritius
Кобальтовый	Atro-cyaneus
Кожано-буроватый,	Alutaceus

кожано-бурый	Sordidus
Коптельный	Corallinus
Кораллово-коричневый	Corallinus
Коралловый, кораллово-красный	
Коричневатый, бледно-коричневый	Cinnamomescens
Коричневато-бурый	Cinnamomeo-brunnes, canno-brunneus
Коричневато-жёлтый	Cinnamomeo-flavus
Коричневато-зеленоватый	Cinnamomeo-virens
Коричневато-зелёный	Cinnamomeo-viridis
Коричневато-каштановый	Badius
Коричневато-красный	Cinnamomeo-ruber
Коричневато-оливковый	Cinnamomeo-olivaceus
Коричневато-пурпуровый	Cinnamomeo-purpureus
Коричневато-ржавый	Cinnamomeo-ferrugineus
Коричневато-розовый	Cinnamomeo-roseus
Коричневато-сероватый	Cinnamomeo-cinerascens
Коричневато-серый	Cinnamomeo-griseus
Коричневато-чёрный	Pullus
Коричнево-бурый	Cinnamomeo-brunneus
Коричнево-зелёный	Cinnamomeo-viridis
Коричнево-золотистый	Xanthinus
Коричнево-золотой	Xanthodes
Коричнево-каштановый	Badius
Коричнево-красный	Cinnamomeo-ruber
Коричнево-палевый	Cinnamomeo-helvolus
Коричнево-розовый	Cinnamomeo-roseus
Коричнево-серый	Cinnamomeo-griseus
Коричнево-чёрный	Pullus
Коричнево-шоколадный	Cacao-fuscus
Коричневый	Cinnamomeus
Кофейно-бурый	Fuliginosus
Кофейно-песочный	Arenicolor
Кофейный	Fuliginosus, fuliginous
Кошинилевый, кошинельный, кошенильный, карминный	Chermesinus
Крапплачный, крапплак	Flammeus, rutilans, purpurascens
Краснеющий	Rubescens
Красно-алый	Rutilans
Красно-буро-лиловый	Lilacino-rubiginosus

Красно-бурый	Rubiginosus
Красновато-беловатый	Rubro-albidulus
Красновато-белый	Rubro-albens
Красновато-бурый	Rubiginosus
Красновато-жёлто-бурый	Rubro-fulvosus
Красновато-жёлтый	Rubro-luteus
Красновато-золотистый	Rutilus
Красновато-коричневый	Rubro-badius
Красновато-лиловый	Rubro-lilacinus
Красновато-медный	Rubiginosus
Красновато-оранжевый	Rubro-aurantius
Красновато-пепельный	Rubro-cinereus
Красновато-ржавый	Rubro-ferrugineus
Красновато-розовый	Rubro-roseus
Красновато-рыжий	Rubro-rufus
Красновато-серый	Rubro-griseus
Красновато-фиолетовый	Rubro-violaceus
Красновато-чёрный	Rubiginosus
Красноватый	Rubellus, rubidus, rubens, erythraeus
Красно-жёлто-лимонный	Rubro-citrinus
Красно-жёлтый	Rubro-luteus
Красно-закатный	Atro-purpureus, sanguineus
Красно-золотистый	Rutilus
Красно-золотой	Rutilus
Красно-каштановый	Rubro-spadiceus
Красно-кирпичный	Rubro-lateritius
Красно-коричневый	Rubro-cinnamomeus
Красно-лиловый	Rubro-lilacinus
Красно-малиновый	(не переводится)
Красно-медный	Rubiginosus
Красно-оранжевый	Rubro-aurantius
Красно-пегий	(не переводится)
Красно-пёстрый	(не переводится)
Красно-пурпурный	Rubro-purpureus
Красно-серый	Rubro-griseus
Красно-синий	Rubro-cyaneus
Красно-фиолетовый	Rubro-violaceus
Красно-янтарный	Rubro-helvus
Красный	Ruber
Красный-красный	Ruberissimus
Красный-прекрасный	Intense ruber
Красным – краснёхонек,	Ruber

красным-краснѣшенек	
Кремово-белый	Pallido-cremeus
Кремово-жёлтый	Flavido-cremeus
Кремово-зеленоватый	Viridulo-cremeus
Кремово-розовый	Roseolo-cremeus
Кремовый	Cremeus
Кроваво-красный,	Sanguineus
крово-красный	
Крово-пятнистый	Sanguinolentus
Кровавый	Sanguineus
Крокусовый	Crocatus, croceus
Кубовый	Cyaneus
Кумачовый	Puniceus, porphiratus
Лазуревый, лазоревый	Azureus
Лазурно-голубой	Azureus
Лазурно-зелѣный	Azureo-pallido-viridis
Лазурно-небесный	Azureus
Лазурно- тѣмно- и	Caerulescenti-lucidus
светло-синий	
Лазурный	Azureus
Лиловато-белый	Violascens
Лиловато-красный	Violaceo-ruber
Лиловато-пурпурный	Violaceo-purpureus
Лиловато-розовый	Violaceo-roseus
Лиловато-чѣрный	Atro-violaceus
Лилово-голубой	Violaceo-caeruleus
Лилово-жёлтый	Violaceo-flavus
Лилово-коричневый	Violaceo-cinnamomeus
Лилово-красный	Solferinus
Лилово-розоватый	Roseolo-lilacinus
Лилово-розовый	Roseo-lilacinus
Лилово-серый	Violaceo-griseus
Лилово-синий	Violaceo-cyaneus
Лиловый	Lilacinus
Лимонно-жёлтый	Citrinus, citreus
Лимонно-золотистый	Citrinus, citreus
Лимонный	Citrinus, citreus
Лососѣво-колерный, цвет	Salmoneus, salmonicolor
мяса лососины, сомон	
Лососѣво-красный	Salmoneo-ruber
Лососѣво-оранжевый	Salmoneo-aurantiacus
Лососѣво-розовый	Salmoneo-roseus
Луково-зелѣный	Prasinus

Львино-жёлтый	Leonus
Маджента	Magentacolor
Малахитово-зелёный	Malachiticus
Малахитовый	Malachiticus
Малиново-красный	(не переводится)
Малиново-розовый	(не переводится)
Малиновый	(не переводится)
Маренго	Marengocolor
Маслянисто-жёлтый	Luteo-lucidus
Маслянисто-чёрный	Ater, niger, nigrum
Матово-зелёный	Glaucus
Матовый	Opacus
Медно-бурый	Fusco-rubidus
Медно-жёлтый	Fulvescens, fuscescenti-flavus
Медно-зелёный	Fusco-viridis
Медно-золотой	Fusco-xanthinus
Медно-красный	Fusco-rubescens
Медно-пурпуровый	Fusco-porphyratus
Медный	Fuscus
Медово-жёлтый, медово-цветный	Pallido-melleus
Медово-золотистый	Xantholeucus
Медово-золотой	Xanthodes
Медово-яичный	Xanthinus
Медовый	Melleus, mellinus
Мелово-белый	Cretaceus
Молочно-белый	Lacteus
Молочно-голубой	Lacteo-caeruleus
Молочно-серый	Lacteo-griseus
Мраморно-белый	Marmoreo-albus
Мраморно-розовый	Marmoreo-roseus
Муругий	Fusco-ater
Мутно-белый	Albicans
Мутно-бурый	Griseolo-fuscus
Мутно-бутылочный	Viridulo-griseus
Мутно-желтоватый	Glauco-luteus
Мутно-зелёный	Glauco-virens
Мутно-коричневый	Canno-brunneus
Мутно-красный	Rubescens
Мутно-серый	Cinerascens
Мутно-сизый	Glaucescens
Мутно-фиолетовый	Glauco-violaceus
Мухортый	Fusco-luteus, fulvescens

Мучнисто-белый	Cretaceus
Мышино-серый	Murinus, murinaceus
Мышиный, мышастый	Myochrous
Мясо-красный	Incarnatus
Нанковый	Flavus, luteus
Небесно-голубой	Azureus
Небесно-синий	Azureus
Небесный	Azureus
Ноготковый	Aurantiacus
Огненно-багровый	Flammeo-purpureus
Огненно-блестящий	(не переводится)
Огненно-жёлтый	Flammeo-vitellinus
Огненно-золотистый	Xanthinus
Огненно-красный	Igneus
Огненно-оранжевый	Flammeo-aurantiacus
Огненно-рыжий	Flammeo-rufus
Огненно-фиолетовый	Flammeo-ianthinus
Огненноцветный	Ignescens
Огненно-яркий	Flammeus
Огненный	Flavus, flammeus
Огнисто-рыжий	Flammeo-rufus
Окраска оперения чижа (жёлто-зеленоватый)	Liguricus
Оливково-буроватый	Olivaceo-fuscus
Оливково-грязный	Sordide olivaceus
Оливково-жёлтый	Olivaceo-flavus
Оливково-зелёный	Olivaceo-viridis
Оливково-золотистый	Olivaceo-rutilus
Оливково-коричневый	Olivaceo-cinnamomescens
Оливково-серый	Olivaceo-griseus
Оливково-чёрно-зелёный	Olivaceo-dioriticus
Оливково-чёрный	Olivaceo-atratus
Оливковый	Olivaceus
Опаловый	Caesius
Оранжево-бурый	Aurantiaco-fuscus
Оранжево-жёлтый	Aurantiaco-flavus
Оранжево-серо-жёлтый	Aurantiaco-griseolo-luteus
Оранжево-коричневый	Aurantiaco-cinnamomeus
Оранжево-красноватый	Aurantiaco-rubellus
Оранжево-красный	Aurantius
Оранжево-пепельный	Aurantiaco-cinereus
Оранжево-розовый	Aurantiaco-roseus
Оранжево-рыжий	Aurantiaco-rufus

Оранжевый, померанцево-жёлтый, хромово-оранжевый	Aurantiacus
Ореховый	Avellaneus
Охристо-рыжеватый	Fulvo-ochraceus
Охристо-буроватый	Fuscato-ochraceus
Охристо-бурый	Fusco-ochraceus
Охристо-жёлтый	Flavo-pallido-ochraceus
Охристо-золотистый	Auratis
Охристо-песчаный	Luteo-ochraceus
Охристый	Pallido-ochraceus
Охряно-жёлтый	Flavo-ochraceus
Охряный	Ochraceus
Палево-дымчатый	Intense helvolus
Палево-жёлтый	Flavo-roseo-ochroleucus
Палево-пёстрый	(не переводится)
Палево-серый	Grigeolo-helvolus
Палевый	Helvolus, roseo-ochroleucus
Патиновый	(не переводится)
Пепелистый	Cinerarius
Пепельно-голубой	Caerulescenti-cinereus
Пепельно-жёлтый	Arenicolor
Пепельно-жемчужный	Incanus
Пепельно-каштановый	Griseolo-castaneus
Пепельно-русый	Cinereascens
Пепельно-седоватый	Cinereus
Пепельно-седой	Incanescens
Пепельно-сероватый	Subsinereus
Пепельно-серый	Melinus, subcanescens
Пепельно-шелковистый	(не переводится)
Пепельный	Cinereus
Перванш	Atro-cyaneus
Перламутрово-белый	Argenteus
Перламутрово-блестящий	Perlatum matercolor
Перламутрово-голубой	Caesius
Перламутровый	Argenteus
Песочно-жёлтый	Arenicolor
Песочно-красноватый	Rubro-arenicolor
Песочно-кремовый	Cremeo-arenicolor
Песочно-ореховый	Avellaneo-arenicolor
Песочно-светлый	Pallido-arenicolor
Песчано-жёлтый	Arenicolor
Песчано-коралловый	Corallinus

Песчано-охристый	Flavo-ochraceus
Песчано-серый	Griseolo-arenicolor
Песчаночетный, песочный	Arenicolor
Плеснивый	Saturate fumosus, cinereus, cineraceus
Половый	Stramineus
Померанцевый	Aurantius
Померанцево-жёлтый	Aurantiacus
Порфиновый, порфирный	Porphyrius, porphyrius
Почти бледно-серый	Pallido-griseus
Почти бурый	Fuscus
Пунцово-красный	Purpurascens
Пунцово-розовый	Purpureo-roseus
Пурпурно-голубой	Purpureo-caeruleus
Пурпурно-зеленоватый	Purpureo-virens
Пурпурно-зелёный	Purpureo-viridis
Пурпурно- и буро-красный	Purpureo-fuscus
Пурпурно-красный	Purpureus
Пурпурно-лиловый	Purpureo-violaceus
Пурпурно-малиновый	(не переводится)
Пурпурно-розовый	Purpureo-roseus
Пурпурно-синий	Purpureo-cyaneus
Пурпурно-фиолетовый	Purpureo-violaceus
Пурпурно-чёрный	Atro-purpureus
Пурпурный	Purpureus
Пурпурово-бурый	Purpureo-fuscus
Пурпурово-коричневый	Purpureo-badius
Пурпурово-розовый	Purpureo-roseus
Пурпурово-фиолетовый	Purpureo-violaceus
Пурпурово-чёрный	Atro-purpureus
Пурпуровый	Purpureus
Пыльно-розовый	Griseolo-roseus
Пыльно-салатный	Griseolo-viridulus
Радужно-светлый	(не переводится)
Радужно-фиолетовый	(не переводится)
Радужный	(не переводится)
Рдяный, рдяной	Ruber
Ревенно-бурый	Rcheicolor
Редрый, рёдрый	Ruber
Резко белый	Albus, candidus
Ржаво-бурый	Isabellinus
Ржаво-жёлтый	Fuscescenti-flavus, fulvescens
Ржаво-коричневый	Fusco-cinnamomeus

Ржаво-красный	Fuscato-rubidus
Ржаво-óхристо-красноватый	Fusco-rubidus
Ржаво-óхристый	Flavo-ochraceus
Ржаво-рыжий	Fusco-rufus
Ржаво-серовато-буроватый	Fusco-fumanus
Ржаво-серый	Fumigatus
Ржавчато-буроватый	Subfuscus
Ржавчато-рыжий	Fuscato-rufus
Ржавчатый	Ferrugineus
Ржавый, ржавчинный	Ferrugineus
Розовато-бежевый	Roseolo-arenicolor
Розовато-белый	Roseolo-niveus
Розовато-бирюзовый	Roseolo-callainus
Розовато-бронзовый	Roseolo-fumigatus
Розовато-буровато-жёлтый	Roseolo-fulvescens
Розовато-бурый	Roseolo-fuscus
Розовато-голубоватый	Roseolo-caerulescens
Розовато-дымчатый	Roseolo-fumanus
Розовато-жёлтый	Roseolo-luteus
Розовато-жемчужный	Roseolo-perlatum matercolor
Розовато-красный	Roseolo-ruber
Розовато-лиловый	Roseolo-lilacinus
Розовато-оранжевый	Roseolo-aurantiacus
Розовато-пепельный	Roseolo-cinereus
Розовато-серый	Roseolo-griseus
Розовато-сиреневый	Roseolo-syringeus
Розовато-фиолетовый	Roseolo-violaceus
Розово-бежевый	Roseo-arenicolor
Розово-бурый	Roseo-fuscus
Розово-желтоватый	Roseo-flavidus
Розово-карминный	Roseo-carminatus
Розово-красный	Roseo-ruber
Розово-лиловый	Roseo-lilacinus
Розово-палевый	Roseo-ochroleucus
Розово-пурпурный	Roseo-purpureus
Розово-пурпуровый	Roseo-purpureus
Розово-терракотовый	Roseo-testaceus
Розово-фиолетовый	Roseo-violaceus
Розовый	Roseus
Ртутно-белый	(не переводится)
Ртутно-серебристый	(не переводится)
Рубиново-красный	Cerasinus
Рубиновый	Atro-purpureus

Рудо-жёлтый	Rubro-luteus
Рудой, рудый	Rubellus
Румяно-жёлтый	Rubicundus
Румяный	Flavus, rubicundus
Русый	Cinerascens, cinereus, canus
Рыже-бурый	Fusco-rufus
Рыжевато-бурый	Fuscato-rufus
Рыжевато-жёлтый	Flavido-rufus
Рыжевато- или красновато-бурый	Fulvidus
Рыжевато-коричневый	Rubiginosus
Рыжевато-охристый	Flavo-ochraceus
Рыжевато-седой	Flavido-incanus
Рыжевато-серый	Flavido-griseus
Рыже-жёлтый	Flavido-rufus
Рыже-каштановый	Flavo-badius
Рыже-коричневый	Rubiginosus
Рыже-красный	Rubro-rufus
Рыже-пегий	(не переводится)
Рыже-чалый	Rubro-melinus
Рыжий	Rufus
Рябиновый	(не переводится)
Саврасый	Flavido-fuscatus, fulvosus
Салатно-жёлтый	Viridulo-flavus
Салатово-зелёный	Viridulus
Салатный, салатový	Virescens, viridans, viridulus
Сапфировый	Caeruleus, cyaneo-caeruleus
Свекольно-красный	Purpureo-ruber
Сверкающе-белый	Niveus
Сверкающе-зелёный	Lucidus viridis
Сверкающе-синий	Lucidus cyaneus
Светло-бежевый	Arenicolor
Светло-бирюзовый	Pallido-callainus
Светло-бронзовый	Pallido-aureus
Светло-буковый	Subcanescens
Светло-буро-красный	Rubro-agrillaceus
Светло-бурый	Agrillaceus
Светло-восковой	Pallido-cerinus
Светло-гнедой	Pallido-badius
Светло-голубой	Pallido-caeruleus
Светло-горчичный	Pallido-fuscatus
Светло-дымчатый	Pallido-fumosus
Светло-желтовато-буроватый	Pallido-ochroleucus
Светло-желтовато-серый	Pallido-flavo-griseolus

Светло-желтоватый	Pallido-lutescens
Светло-жёлто-зелёный	Pallido-chlorinus
Светло-жёлто-коричневый	Pallido-flavo-cinnamomeus
Светло-жёлтый	Pallido-luteus
Светло-зелёный	Pallido-viridis
Светло-золотистый	Pallido-aureus
Светло-золотой	Pallido-auratilis
Светло-карий	Pallido-spadicus
Светло-карминно-красный	Pallido-rubro-carminatus
Светло-карминный или светло-карминовый	Pallido-carminatus
Светло-каштановый	Pallido-castaneus
Светло-коричневый	Pallido-cinnamomeus
Светло-кофейный	Pallido-fuliginosus
Светло-красный	Pallido-rufer
Светло-кремовый	Pallido-cremeus
Светло-лиловый	Pallido-lilacinus
Светло-малиновый	(не переводится)
Светло-оливковый	Pallido-olivaceus
Светло-оранжево-жёлтый	Pallido-aurantiacus
Светло-оранжевый	Pallido-avellaneus
Светло-охристый	Pallido-ochraceus
Светло-палевый	Pallido-helvolus
Светло-песочный или светло-песчаный	Pallido-arenicolor
Светло-розовый	Pallido-roseus
Светло-русый	Cinerascens
Светло-рыжевато-коричневый	Pallido-canno-brunneus
Светло-рыжий	Pallido-rufus
Светло-серебристый	Pallido-argenteus
Светло-серо-голубой	Griseolo-caeruleus
Светло-серо-зелёный	Griseolo-viridis
Светло-серый	Pallido-griseus
Светло-сине-серый	Pallido-cyaneo-griseus
Светло-сине-чёрный	Pallido-cyaneo-atratus
Светло-синий	Pallido-cyaneus
Светло-сиреневый	Pallido-syringeus
Светло-фиолетовый	Pallido-violaceus
Светло-янтарный	Pallido-xanthinus
Светлый-пресветлый	Hyalinus
Светлый-светлый	Hyalinus, achrous
Светопрозрачно-зелёный	(не переводится)
Светопрочно-коричневый	(не переводится)

Светопрочно-красно-фиолетовый	(не переводится)
Светопрочно-красный	(не переводится)
Светопрочно-оранжевый	(не переводится)
Светопрочно-фиолетовый	(не переводится)
Свинцово-голубой	Plumbeo-caeruleus
Свинцово-серый	Plumbeus
Свинцово-синий	Plumbeo-cyaneus
Свинцово-чёрный	Plumbeo-atratus
Свинцовый	Plumbeus
Седовато-белый	Cano-albus
Седоватый, белесоватый, седой	Incanus, canescens, canus
Селенитовый	Roseolo-candidus
Сепия	Sepicolor, sepiaecus
Серебристо-белый	Argenteus
Серебристо-бурый	Glauco-fuscus
Серебристо-голубоватый	Glaucoides
Серебристо-голубой	Caesius
Серебристо-жемчужный	Perlatum matercolor
Серебристо-зеленоватый	Glauco-virens
Серебристо-зелёный	Glaucus
Серебристо-золотистый	Xantholeucus
Серебристо-лиловый	Glauco-lilaceus
Серебристо-матовый	Opacus
Серебристо-мутный	Fumosus
Серебристо-мучнистый	Cretaceus
Серебристо-перламутровый	Perlatum matercolor
Серебристо-розовый	Glauco-roseus
Серебристо-сероватый	Subcinereus
Серебристо-серо-голубой	Glaucescens
Серебристо-серый	Subincanus
Серебристо-сизый	Glaucescens
Серебристо-синий	Glauco-cyaneus
Серебристо-стальной	Atricolor, atratus
Серебристо-чёрный	Atratus
Серебристый	Incanus
Серебряно-белый	Argenteus
Серебряно-синий	Argenteo-cyaneus
Серебряный	Argenteus
Сереный	Canescens
Серно-жёлтый	Sulphureus
Серо-бежевый	Griseo-arenicolor
Серо-белый	Griseo-albus
Серо-бирюзовый	Griseo-callainus

Серо-буроватый	Griseo-fuscatus
Серобуромалиновый*	
Серо-бурый	Griseo-fuscus
Серовато-бежевый	Griseolo-arenicolor
Серовато-белесоватый	Albicans
Серовато-белый	Albidus
Серовато-буроватый	Griseolo-fuscatus
Серовато-бурый	Griseolo-fuscus
Серовато-голубой	Griseolo-caeruleus
Серовато-грязный	Sordide griseus, atratus
Серовато-дымчатый	Griseolo-fumosus
Серовато-желтоватый	Griseolo-flavidus
Серовато-жёлто-зелёный	Griseolo-flavo-viridis
Серовато-жёлтый	Griseolo-luteus
Серовато-зеленоватый	Griseolo-viridulos
Серовато-зелёный	Griseolo-viridis
Серовато-коричневый	Griseolo-cinnamomeus
Серовато-мучнистый	Griseolo-cretaceus
Серовато-мышинный	Murinus, murinaceus, Myochrous
Серовато-оливковый	Griseolo-olivaceus
Серовато-охристый	Griseolo-ochraceus
Серовато-палевый	Griseolo-helvolus
Серовато-пепельный	Canus
Серовато-перламутровый	Griseolo-perlatum matercolor
Серовато-пыльный	Griseus
Серовато-розовый	Griseolo-roseus
Серовато-сизый	Griseolo-glaucus
Серовато-синий	Griseolo-cyaneus
Серовато-сиреневый	Griseolo-syringeus
Серовато-фиолетовый	Griseolo-violaceus
Серовато-чёрный	Atratus
Серо-вишнёво-красный	Griseo-cerasinus
Серо-голубой	Griseo-caeruleus
Серо-дикий	Cinerascens
Серо-желтовато-зелёный	Griseo-flavido-viridis
Серо-желтоватый	Griseo-flavidus
Серо-жёлтый	Griseo-flavus

* Распространённое в разговорной речи шутивное слово-парадокс *серобуромалиновый* не является собственно цветообозначением. БАС его не фиксирует, а в «Толковом словаре» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой (4-е доп. изд., М., 1999, с.713) находим: «серо-буро-малиновый (написано именно так, через дефис! – В.М.) – неопределённого цвета».

Серо-жемчужный
Серо-зелёный
Серозёмно-бурый
Серо-золотой
Серо-коричневый
Серо-красноцветный
Серо-лиловатый
Серо-лиловый
Серо-оливковый
Серо-охристый
Серо-палевый
Серо-пепельный, седой,
белый от волосков
Серо-песочный
Серо-розовый
Серо-свинцовый
Серо-серозный
Серо-сизый
Серо-синеватый
Серо-синий
Серо-стальной
Серо-тёмно-фиолетовый
Серо-фиолетовый
Серо-чёрный
Серо-яблочный
Серый
Сиво-чалый
Сивый
Сигарный
Сиена жжёная
Сизовато-голубой
Сизовато-зеленоватый
Сизовато-зелёный
Сизовато-седой
Сизовато-серый
Сизоватый
Сизо-голубой
Сизо-зеленоватый
Сизо-зелёный
Сизо-коричневый
Сизо-красный
Сизо-оранжевый
Сизо-серый

Griseo-perlatum matercolor
Griseo-viridis
Fuliginosus, fuliginous, luridus
Griseo-aureus
Griseo-cinnamomeus
Griseo-rubescens
Griseolo-lilacinus
Griseo-lilacinus
Griseo-olivaceus
Griseo-ochraceus
Griseo-helvolus
Cinereus, cineraciis

Pallido-arenicolor
Griseolo-roseus
Plumbeus
Sulphureus
Glaucus
Cyaneo-griseus
Cyaneo-griseus
Griseolo-atratus
Lividus
Griseo-violaceus
Griseo-atratus
Viridi-griseus
Griseus
Fumanus
Fumeus
Nicotianeus
Rubro-agrillaceus
Glauco-caesius
Glaucus
Glauco-virens
Glaucus
Glaucus
Glaucescens
Glaucoides
Glaucus
Glauco-virens
Glauco-cinnamomeus
Glauco-ruber
Glauco-aurantiacus
Glaucus

Сизо-чёрный	Glauco-atratus
Сизый	Glaucus
Сине-багровый	Cyaneo-purpureus
Синевато-белый	Cyaneo-albus
Синевато-голубой	Cyaneo-caeruleus
Синевато-жёлтый	Cyaneo-flavus
Синевато-зелёный	Cyaneo-viridis
Синевато-коричневый	Cyaneo-cinnamomeus
Синевато-красный	Cyaneo-ruber
Синевато-серый	Cyaneo-griseus
Синевато-сиреневый	Cyaneo-syringeus
Синевато-стальной	Cyaneo-atratus
Синевато-фиолетовый	Cyaneo-violaceus
Синевато-чёрный	Cyaneo-ater
Синеватый	Cyaneus
Сине-голубой	Pallido-cyaneus
Сине-зеленоватый	Aerugineus, aeruginosus
Сине-зелёный	Cyaneo-viridis
Сине-красночувствительный	(не переводится)
Сине-красный	Cyaneo-ruber
Сине-кровавый	Cyaneo-sanguineus
Сине-лиловый	Cyaneo-lilacinus
Сине-пурпуровый	Cyaneo-purpureus
Сине-серый	Cyaneo-griseus
Сине-сизый	Cyaneo-glaucus
Сине-стальной	Cyaneo-atratus
Сине-туманный	Cyaneo-fumosus
Сине-фиолетовый	Cyaneo-violaceus
Сине-чёрный	Cyaneo-ater
Синий	Cyaneus
Синий-пресиний	Cyanissimus
Синий-синий	Cyanissimus
Синюшно-коричневый	Violaceo-cinnamomescens
Синюшно-красный	Violaceo-carminatus
Синюшный	Violascens, pallido-violaceus, violaceo-albus
Сиреневато-розоватый	Roseolo-lilacinus
Сиреневатый	Syringeus
Сиренево-голубой	Lilacino-caeruleus
Сиренево-жёлтый	Lilacino-flavus
Сиренево-оранжевый	Lilacino-aurantiacus
Сиренево-розовый	Roseo-lilacinus
Сиренево-синий	Lilacino-cyaneus

Сиренево-фиолетовый	Pallido-violaceus
Сиреневый	Syringeus
Скворечий	(не переводится)
Слабо-дымчатый	Pallido-fumosus
Слабо-жёлтый	Flavidus, luteolus
Слабо-зелёный	Viridescens, virens, viridans, viridulus
Слабо-красный	Rubescens, rubellus, rubidus, rubens
Слабо-розовый	Roseolus
Слегка рыжеватый	Subrufescens
Слегка фиолетовый	Subviolaceus
Сливочно-жёлтый	Cremeus, eburneus
Сливяной, сливовый, сливяно-чёрный	Prunicolor
Слюдяно-гранатовый	(не переводится)
Смарагдовый	Smaragdinus
Смолисто-чёрный	Atratus, atricolor
Смоляно-чёрный	Niger, nigrum, nigricolor
Смугловато-оливковый	Atro-olivaceus
Смугло-золотой	Atro-xanthinus
Смугло-матовый	Atro-cinereus
Смугло-румяный	Atro-rubicundus
Смуглый	Atratus
Смурый	Spadiceo-griseus, saturate fumosus
Снежно-белый	Niveus
Снежно-голубой	Caerulescenti-argenteus
Снежно-розовый	Roseolo-argenteus
Снежный	Argenteus
Солнечно-жёлтый	Xanthinus
Солнечно-песчаный	Arenicolor
Соловый	Cinnamomeo-chryseus, pallido-canno-bruneus
Соломенно-жёлтый	Stramineus
Соломенный	Pallido-stramineus
Сольфериновый	Solferinus
Сомон, сомо	Salmoneus, salmonicolor
Стально-серый	Atratus
Стальной	Atratus
Сургучно-красный, сургучный	Lateritius
Суриково-красный,	Miniatus, cinnabarinus

суриковый	Nicotianeus
Табачно-бурый, сигарный	Flavido-nicotianeus
Табачно-жёлтый	Viridulo-nicotianeus
Табачно-зелёный	Nicotianeus
Табачный	Icarnato-albidus
Телесно-беловатый	Incarnato-roseus
Телесно-розовый	Salmoneus, salmonicolor
Телесный	Atro-arenicolor
Тёмно-бежевый	Atro-ruber
Тёмно-бордовый	Atratus
Тёмно-бронзовый	Rubro-brunneus
Тёмно-буро-красный	Brunneus, pullus
Тёмно-бурый	Rubiginosus
Темновато-красновато-бурый	Atro-vinosus
Тёмно-винно-красный	Atro-cerasinus
Тёмно-вишнёвый	Brunneus
Тёмно-гнедой	Azureus
Тёмно-голубой	Intense granatus
Тёмно-гранатовый	Ardociacus, ardeciacus
Тёмно-грифельный	Saturate fumosus
Тёмно-дымчатый	Atro-flavido-griseus
Тёмно-желтовато-серый	Hyperxanthus, atro-flavus, atro-luteus
Тёмно-жёлтый	(не переводится)
Тёмно-загорелый	Atro-virens, dioriticus, euchlorus
Тёмно-зелёный	Atro-xanthinus
Тёмно-золотисто-жёлтый	Atro-xanthodes
Тёмно-золотистый	Intense incarnatus
Тёмно-инкарнатный	Atro-canarius
Тёмно-канареечно-жёлтый	Atro-badius
Тёмно-карий	Atro-carminatus
Тёмно-карминовый	Atro-castaneus
Тёмно-каштановый	Atro-cinnamomeus
Тёмно-коричневый	Atro-fuliginous
Тёмно-кофейный	Atro-rubiginosus
Тёмно-красновато-бурый	Atro-purpureus
Тёмно-красновато-фиолетовый	Atro-badius
Тёмно-красно-коричневый	Atro-purpureus
Тёмно-красно-фиолетовый	Atro-purpureus
Тёмно-красный	Atro-cremeus
Тёмно-кремовый	Atro-sangineus, cardinalis
Тёмно-красно-красный	

Тёмно-лазуревый и тёмно-лазурный	Atro-cyaneus
Тёмно-лилово-розоватый	Atro-roseolo-lilacinus
Тёмно-лиловый	Atro-lilacinus
Тёмно-малиновый	(не переводится)
Тёмно-оливково-зелёный	Atro-olivaceus
Тёмно-оливковый	Atro-olivaceus
Тёмно-оранжевый	Atro-aurantiacus
Тёмно-ореховый	Atro-avellaneus
Тёмно-палевый	Intense helvolus
Тёмно-пепельно-серый	Atro-cinereus
Тёмно-пепельный	Atro-cinereus
Тёмно-песочный	Atro-arenicolor
Тёмно-померанцевый	Atro-aurantiacus
Тёмно-пурпурный и тёмно-пурпуровый	Atro-purpureus
Тёмно-розовый	Atro-roseus
Тёмно-рубиновый	Atro-ruber
Тёмно-русый	Atro-cineraceus
Тёмно-рыжий	Atro-rufus
Тёмно-свинцовый	Atro-plumbeus
Тёмно-серо-коричневый	Atro-cinnamomeus
Тёмно-серый	Atratus
Тёмно-сизый	Atro-cinereus
Тёмно-сине-зелёный	Atro-cyaneo-viridis
Тёмно-синий	Atro-cyaneus
Тёмно-сливовый	Atro-prunicolor
Тёмно-телесный	Intense incarnatus
Тёмно-тусклый	Pullus
Тёмно-травяно-зелёный	Atro-prasinus
Тёмно-умбровый	Atro-brunneus
Тёмно-фиолетовый	Atro-violaceus
Тёмно-шоколадный	Atro-cacao-fuscus
Тёмно-янтарный	Saturate xanthinus
Тёмный-тёмный	Ater, atri-color, nigrum, nigri-color
Тёмный, почерневший	Atratus
Тёпло-бежевый	Pallido-arenicolor
Тёпло-белый	Albidus, albinatus, albens, albidulus
Тёпло-жёлтый	Flavidus, flevescens, flavens, luteolus, lutescens
Тёпло-чёрный	Nigrescens, nigricans,

Терракотовый	nigritus, subniger, atratus
Топазовый	Testaceus
Травянисто-зелёный	Chrysoleucus
Травяно-жёлто-зелёный	Subprasinus
Травяно-зелёный	Flavido-viridis
Тускло-белесоватый	Prasinus
Тускло-голубой	Albicans, albescens
Тускло-зелёный	Caesius
Тускло-золотой	Viridulo-griseus
Тускло-карминовый	Xantholeucus
Тускло-коричневый	Carminatus
Тускло-красный	Cinnamomescens
Тускло-свинцовый	Rubellus, rubescens
Тускло-серый	Plumbeus, melinus
Тускло-синий	Myochrous
Тускло-чёрный	Saturate cyaneus
Тусклый	Nigri-color, subniger
Угольно-красный	Opacus
Угольно-фиолетовый	Atro-coccineus, atro-rubens
Угольно-чёрный	Atro-purpureus
Угольный	Ater
Ультрамариновый	Ater
Умбровый, умбряный	Ultramarinus
Фиолетово-белый, слегка фиолетовый	Umbrinus
Фиолетово-бурый	Violascens, pallido-violaceus, violaceo-albus
Фиолетово-голубоватый	Violaceo-fuscus
Фиолетово-голубой	Violaceo-caerulescens
Фиолетово-жёлтый	Violaceo-caeruleus
Фиолетово-зелёный	Violaceo-flavus
Фиолетово-карминовый	Violaceo-viridis
Фиолетово-коричневый	Violaceo-carminatus
Фиолетово-красно-бурый	Violaceo-cinnamomescens
Фиолетово-красный	Violaceo-rubiginosus
Фиолетово-малиновый	Violaceo-ruber
Фиолетово-пурпурный	(не переводится)
Фиолетово-розовый	Violaceo-purpureus
Фиолетово-серый	Violaceo-roseus
Фиолетово-синий	Violaceo-griseus
Фиолетово-сиреневый	Violaceo-cyaneus
Фиолетово-тёмнокрасный	Violaceo-syringeus
Фиолетово-тёмносерый	Violaceo-atro-purpureus
	Violaceo-atratus

Фиолетово-чёрный	Violaceo-ater
Фиолетовый	Violaceus
Фисташково-светлый	Pallido-pistaceicolor
Фисташково-серый	Griseolo-pistaceicolor
Фисташково-тёмный	Atro-pistaceicolor
Фисташковый	Caerulescenti-viridis, pistaceicolor
Хаки	Sordide viridis
Хвойно-жемчужный	(не переводится)
Холодно-белый	Argenteus
Холодно-голубой	Caeruleus
Холодно-зелёный	Viridis
Холодно-серый	Griseus
Хризолитовый	Chrysoleucus
Хромово-оранжевый	Aurantiacus
Хрустально-белый	Niveus
Цвет арбузной мякоти	(не переводится)
Цвет дублёной кожи	Alutaceus
Цвет зелёного яблока	Pomaceus
Цвет индиго	Indicus
Цвет какао	Cacao-fuscus
Цвет лаванды	Caesius, caerulescens
Цвет маренго	Atratus, atricolor
Цвет мёда	Mellinus, melleus
Цвет мокрого асфальта	Atratus, atricolor
Цвет морской волны	Glaucus
Цвет мяса лососины	Salmoneus, salmonicolor
Цвет оперения чижа	Liguricus
Цвет сажи (без блеска)	Ater
Цвет слоновой кости	Eburneus, eburnus
Цвет сомо	Salmoneus, salmonicolor
Цвет хаки	Sordide viridis
Цвет шерсти оленя	Cervinus
Цвет шерсти серны	Lucide rupicapreus
Цвет электрик	Lucido cyaneus, lasureus
Цин(н)обровый	Cinnabarinus
Чагравый	Fuscus, atro-cinereus
Чало-пегий	(не переводится)
Чалый	Griseo-fuscus
Червонно-красный	Rutilus, coccineus
Червонный	Rutilus
Червчатый	Coccus, coccineus
Чер(в)лёный	Coccus, coccineus

Чермный	Ruber, rutilans
Чернеющий	Nigrescens, nigricans, nigritus, subniger, atratus
Чернильно-лиловый	Violaceus
Чернильно-чёрный	Atro-violaceus
Чернильный	Violaceus
Чёрно-агатовый	Antracinus, ater
Чёрно-бархатный	Nigriculus
Чёрно-блестящий	Niger
Чёрно-буроватый	Atro-brunneus
Чёрно-бурый	Brunneus
Чёрновато-бурый	Atrato-brunneus
Черновато-зелёный	Atrato-virens, dioriticus
Черновато-синий	Atrato-cyaneus
Черноватый	Nigriculus, nigrescens, subniger, atratus
Черно-жёлтый	Atro-luteus
Чёрно-зелёный	Dioriticus
Чёрно-коричневый	Atro-cinnamomeus
Чёрно-красно-жёлтый	Atro-rutilus
Чёрно-красный	Atro-purpureus
Чёрно-лиловый	Atro-lilacinus
Чёрно-огненный	Atro-flammeus
Чёрно-оливковый	Atro-olivaceus
Чёрно-пегий	(не переводится)
Чёрно-пепельный	Atro-cinereus
Чёрно-пёстрый	(не переводится)
Чёрно-пурпуровый	Atro-purpureus
Чёрно-рыжий	Atro-rufus
Чёрно-свинцово-серый	Atrato-plumbeus
Чёрно-свинцовый	Atro-plumbeus
Чёрно-седой	Atri-color, atro-cinereus
Чёрно-серебристый	Atro-argenteus
Чёрно-сероватый	Atro-griseolus
Чёрно-серый	Atro-griseus
Чёрно-сизый	Atro-glaucus
Чёрно-синий	Atro-cyaneus
Чёрный (с блеском)	Niger, anthracinus
Чёрный (без блеска)	Ater
Чёрный-чёрный	Atri-color
Чисто белый	Albus, candidus
Чисто жёлтый	Luteus
Чисто зелёный	Viridis

Чубарый	(не переводится)
Чугунно-чёрный	Atro-griseus
Шамуа, цвет шерсти серны	Rupicapreus
Шарлатовый, шарлатный и шарлаховый	Coccineus, igneus, phoeniceus
Шафранно-жёлтый	Croceus, crocatus
Шафрановый	Croceus
Шиферный, сланцевоцветный	Ardociacus, ardeciacus
Шоколадно-бурый, цвет какао	Cacao-fuscus
Шоколадно-коричневый	Cacao-cinnamomeus
Шоколадный	Cacaus
Щавéлево-янтарный	(не переводится)
Яблочно-зелёный	Pomaceus
Ядовито-жёлтый	Flavissimus
Ядовито-зелёный	Hederae-viridis
Ядовито-красный	Igneus
Ядовито-розовый	Intense roseus
Яично-жёлтый	Vitellinus
Янтарно-жёлтый	Xanthinus
Янтарно-зелёный	Flavo-viridis
Янтарно-коричневый	Cinnamomescens
Янтарно-красный	Rubro-flavido-rufus
Янтарно-оранжевый	Rubro-aurantiacus
Янтарный	Xanthinus
Ярко-алый	Coccineus, phoeniceus
Ярко-белый	Albus, candidus, niveus
Ярко-вишнёвый	Cerasinus
Ярко-голубой	Azureus
Ярко-жёлтый	Flavissimus
Ярко-зелёный	Pomaceus
Ярко-золотисто-жёлтый	Xanthinus
Ярко-золотистый	Xanthodes
Ярко-золотой	Chryseus, chrysolectus
Ярко-желтовато-белый	Eburneus, eburnus
Ярко-канареечно-жёлтый	Canarius
Ярко-каштановый	Castaneus, spadiceus
Ярко-красный, кармазинный	Phoeniceus
Ярко-лиловый	Intense lilacinus
Ярко-оранжевый	Aurantius, ignescens, rubro-aurantius
Ярко-пурпурный	Purpureus
Ярко-розовый	Roseus
Ярко-рыжий	Rufus, ichoratus, flammeus

Ярко-синий
Ярко-фиолетовый
Ярко-чёрный
Ясно-жёлтый
Ясно-зелёный

Azureus
Violaceus, violascens
Ater, niger, pullus
Luteus, flavissimus
Viridis

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Введение	9
1. Изучение прилагательных цвета. Цели и задачи работы.....	9
2. Цвета в природе и их языковые номинации	16
Глава I. Типологический семантический анализ прилагательных цвета в русском, сербском, словенском, хорватском языках	24
1. Принципы семантической классификации прилагательных цвета	24
2. Типы многозначности у цветового слова.....	27
Группа черного цвета	30
Группа белого цвета	40
Группа красного цвета	52
Прилагательное розовый – ружичаст, ružičast – rožnat	60
Группа синего цвета	61
Семантическая структура прилагательного зеленый – зелен – zelen	70
Группа серого цвета	78
Группа желтого цвета.....	82
Группа коричневого цвета	85
Глава II. Словоизменение прилагательных-цветообозначений	90
1. Вопрос о полных и кратких формах	90
2. Вопрос о степенях сравнения прилагательных цвета	95
3. Об одной редкой разновидности несклоняемых прилага- тельных	103
Глава III. Словообразовательный анализ прилагательных цвета в русском, сербском, словенском, хорватском языках	114
Заключение	135
Список принятых сокращений	139
Литература по теме: «Цвет и наименования цвета»	141
Приложение	184
Содержание	218